С. А. Плетнева

ПЕЧЕНЕГИ, ТОРКИ И ПОЛОВЦЫ В ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЯХ

ВВЕДЕНИЕ

Тюркоязычные кочевники раннего и позднего средневековья, заселявшие необозримые пространства от Монголии до Дуная, играли огромную роль в этногенезе и жизни народов соседних с ними оседлых государств Азии и Восточной Европы. Отношение кочевников с каждым из государств могут быть предметом специального исследования. Настоящая работа посвящена истории кочевников конца IX—середины XIII в. на территории южнорусских степей, т. е. кочевников, являвшихся соседями крупнейшего в Восточной Европе того времени государства — Руси.

Печенеги, торки и половцы были тесно связаны родственными и племенными узами с кочевниками Заволжья, Средний Азии и Сибири. Однако политическая их история развивалась исключительно в зависимости от западных соседей. Обособление южнорусских кочевников в отдельную ударную группу позволяет выделить и изучать их в отрыве от основного азиатского кочевого массива. Отдельные орды мощных племенных союзов кочевников, разбитые Русью, устремлялись в дунайские степи, но взаимоотношение их с балканскими государствами не будет рассматриваться в настоящей работе, поскольку это уже другая тема, требующая особого изучения.

Несмотря на большую роль, которую играли печенеги, торки и половцы в жизни Русского государства, в русской историографии им принадлежит очень скромное место. В общих трудах по истории России (М. Погодин, С. М. Соловьев, М. В. Довнар-Запольский, Д. И. Багалей, В. О. Ключевский) неоднократно указывалось, что кочевники были «несчастьем Руси», что они явились одной из основных причин перемещения центра Руси из Приднепровья во Владимиро-Суздальское княжество. Собственно же о кочевниках писалось мало. Объясняется это тем, что вопрос о них был слабо разработан. До капитальной монографии П. В. Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар», изданной в 1884 г., не было ни одной крупной работы, посвященной кочевникам. Монография П. В. Голубовского исчерпывающе для того времени освещает взаимоотношения между степняками и Русью, основываясь на данных русских летописей. Наиболее слабым ее разделом является глава о быте и общественных отношениях кочевников, что признает сам автор, ссылаясь на бедность материала.

С 80-х годов XIX в. начались поиски и исследования археологических памятников, оставленных кочевниками в южнорусских степях. Курганные раскопки Н. Е. Бранденбурга в Поросье в 1888—1902 гг. дали науке богатейший материал.[1] Особенно активизировались археологические изыскания в период XII—XIII археологических съездов (в 1902—1904 гг.), проводившихся в центрах областей, занятых некогда кочевниками — в Харькове и Екатеринославле (Днепропетровске). Таковы раскопки Гош-

[1] Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг. СПб., 1908.

кевича, Миллера, Харламова, Трефильева, Эварницкого, Самоквасова, Городцова.[1]

В советское время кочевникам южнорусских степей по-прежнему уделялось мало внимания. Опубликованы всего две сравнительно крупные работы, посвященные истории половцев: статья А. И. Попова «Кипчаки и Русь» [2] и сборник очерков К. В. Кудряшова «Половецкая степь».[3] Обе работы написаны исключительно на основании анализа русской летописи.[4]

Почти совершенно прекратились археологические исследования кочевнических памятников на территории Восточной Европы. Только те погребения, которые попадались случайно при раскопках курганов других эпох, расчищались, фиксировались и иногда публиковались. Единственные раскопки, прямой целью которых было изучение кочевнических древностей, проводились в числе многих других работ Волго-Донской экспедицией (на кочевническом могильнике близ Саркела—Белой Вежи).

Из всего сказанного ясно, что в русской литературе, как дореволюционной, так и советской, нет ни одного труда, который осветил бы историю кочевников, исходя из совокупности всех исторических источников (письменных и археологических).

В 1952 г. в Москве были защищены две диссертации о кочевниках Восточной Европы: Л. П. Зяблина «Археологические памятники кочевников X—XIV вв. Восточной Европы» и С. А. Плетневой «Кочевники южнорусских степей IX—XIII вв.». Обе представляют собой первую попытку освоить археологические памятники кочевников как исторический источник и, связав их с письменными данными, по-новому осветить многие стороны жизни кочевников. Предлагаемая статья является сокращенным изложением второй диссертации.

Благодаря раскопкам конца XIX—начала XX в., а также раскопкам Волго-Донской экспедиции 1949—1951 гг. в моих руках оказался значительный археологический материал, состоящий из 332 археологических комплексов. В действительности кочевнических погребений в южнорусских степях за последние 100 лет раскопано значительно больше (около 700). Однако небрежность фиксации и хранения привели к тому, что половина их пропала для науки. От них сохранилось только неполное описание погребального обряда или один инвентарь. Другая половина сохранилась или полностью, т. е. с подробным описанием погребального обряда и с вещами, или без вещей, но с точным описанием их. Эту часть комплексов можно считать полноценной; именно она и использована мной в археологической части работы. Кроме того, для изучения быта и одежды кочевников привлечены коллекции каменных баб, собранные в Киевском, Ждановском, Новочеркасском, Таганрогском и Днепропетровском музеях.

Что касается письменных источников, то в первую очередь в работе использована русская летопись,[1] дающая по истории степняков наибольшее количество сведений. Сообщения русского летописца дополняются данными, взятыми из других русских, византийских и восточных произведений X—XIII вв.[2] Из последних особенного внимания заслуживают трактат Константина Багрянородного «Об управлении государством»,[3] «Сказание о пленном половчине» [4] и половецко-латинский словарь, известный в мировой исторической литературе под названием «Codex Cumanicus».[5]

В первой главе настоящей работы дается классификация кочевнических памятников, обнаруженных на территории южнорусских степей. Анализ вещественных находок из

---

[1] Тр. XII АС, М., 1905; Тр. XII АС I, т. I, М., 1907; Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908.

[2] А. И. Попов. Кипчаки и Русь. Уч. зап. ЛГУ, сер. истор. наук, вып. 14, 1949.

[3] К. В. Кудряшов. Половецкая степь. Зап. Всесоюзн. геогр. общ., нов. сер., т. 2, 1948.

[4] Ряд других, менее значительных работ освещает только отдельные вопросы быта или языка кочевников: В. Пархоменко. Следы половецкого эпоса в летописях. Проблемы источниковедения, 1940, № 3; В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк». ИАН, Отд. яз. и литер., № VI, 1947; С. Е. Малов. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве». ИАН, Отд. яз. и литер., № V, 1946.

[1] В основном использована Ипатьевская летопись, т. е. «Повесть временных лет», переработанная в XII в. киевским монахом, приверженцем Мономаховичей.

[2] Византийские и арабские источники использованы мной в переводах на русский или новые европейские языки.

[3] Изв. ГАИМК, вып. 91, 1934.

[4] Киево-Печерский патерик. М., 1870.

[5] Codex Cumanicus bibliothecae at templum Divi Marci Venetiarum. Budapest, 1880.

этих памятников, принадлежавших различным племенным союзам, и сопоставление их с письменными источниками позволяют в ряде случаев восстановить этническую географию степи в ту эпоху. Следующие главы, написанные на основании письменных источников и археологического материала, посвящены хозяйству, социальному строю и культуре кочевников. В последнем разделе работы излагается политическая история трех основных кочевнических союзов, известных средневековым авторам на территории южнорусских степей в X—XII вв.

I. ДРЕВНОСТИ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ X—XIII вв.

«Аще либо си суть от пустыни Етривськия межи въстоком и севером; ищьло жь есть их колен 4: торкмени и печенези, торци, половце».[1] Русский летописец этими словами как нельзя лучше подчеркивает родство трех основных тюркоязычных народов — печенегов, торков и половцев, обитавших в южнорусских степях в IX—XIII вв. О родстве и тесных связях между ними неоднократно писали также арабские и византийские ученые (Ибн-Хордадбех, Махмуд Кашгарский, Константин Багрянородный, Анна Комнин и др.).[2]

Различить эти народы как исторически, так и археологически очень трудно. Сведения об одном народе переплетаются с данными о другом. Вещевой материал у всех трех народов почти однороден. Погребальные обычаи и обряды разнятся только незначительными деталями. Эти последние в свою очередь исчезают и заменяются новыми при слиянии или смешивании народов, что постоянно происходило в среде кочевников при передвижении их по южнорусским степям. Тем не менее весь имеющийся у нас в руках полноценный археологический материал (332 курганных комплекса) по ряду признаков погребального обряда и частично по вещам разделен на 5 групп.

1

В первую группу включено 48 погребальных комплексов[3] (рис. 1, *4*; 2). Для них характерны:

1. Небольшие курганные земляные насыпи. Следует отметить, что подавляющее большинство могил первой группы — впускные в насыпи курганов предыдущих эпох, а потому говорить о форме или строении курганной насыпи в таких случаях нет смысла.

2. Грунтовые неглубокие (до 0.8 м), прямоугольные или овальные в плане могилы, в которых только в виде исключения встречаются различные земляные сооружения — подбои, приступки, подсыпки.[1] Глубина и строение впускных могил почти никогда не прослеживались исследователями. Впускные погребения обнаруживались обычно случайно, в насыпи или на подошве кургана.

3. Ориентировка покойника всегда головой на запад (с отклонениями, зависящими от времени года, в которое производилось захоронение).

---

[1] Ипат. лет., стр. 163.

[2] МИТТ, стр. 17—18; В. В. Бартольд. История турко-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 12; Константин Багрянородный. Об управлении государством. Изв. ГАИМК, вып. 91, 1934; Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина (1081—1118). Труд Анны Комниной, ч. I. Перевод под ред. проф. В. И. Карпова. СПб., 1859 (сер. «Византийские историки»).

[3] Киевская обл.: с. Зеленки (кург. 219, 306, 311, 343), с. Кагарлык (кург. 218, 238/1, 238/2, 239, 241), с. Краснополка (кург. 221, 275, 276/1, 276/2), с. Забара (кург. 321, 322), с. Шандры (кург. 409), с. Поток (кург. 400, 415, 417), с. Бурта (кург. 337), с. Липовец (кург. 266), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг. Кишиневская обл.: с. Екатериновка (кург. 1/11), см.: Изв. Молдавск. фил. АН СССР, № 5 (25), Кишинев, 1955, стр. 48. Одесская обл.: с. Павловка (кург. 1/10), см.: ОАК за 1908 г., стр. 162—163; с. Будаки (кург. б/№), см.: ОАК за 1890 г., стр. 50—51. Гор. Симферополь (кург. 1), см.: ОАК за 1895 г., стр. 13—14. Харьковская обл.: с. Ямполь (кург. 1/6), с. Ковалевка (кург. 2/2), см.: Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 246—247, 299. Ростовская обл.: хут. Попов (кург. 8, 10, 16, 21, 34, 37, 40, 47—49, 53, 54, 56, 59, 15/4, 45, 68/1, в яме на городище), см.: Гос. Эрмитаж, колл. Волго-Донской экспедиции 1934—1936 и 1949—1951 гг.; с. Покровское (кург. Д), см.: колл. ТИКМ, № 171; с. Мануйловка (кург. б/№), см.: колл. ГИМ, № 15/13-б. Казанская обл.: с. Танкеевка (кург. б/№), см.: ОАК за 1904 г., стр. 135—136.

[1] Изменения основного обряда — результат влияния чуждых обычаев, вероятнее всего это отголосок «накатных» сооружений над могилами.

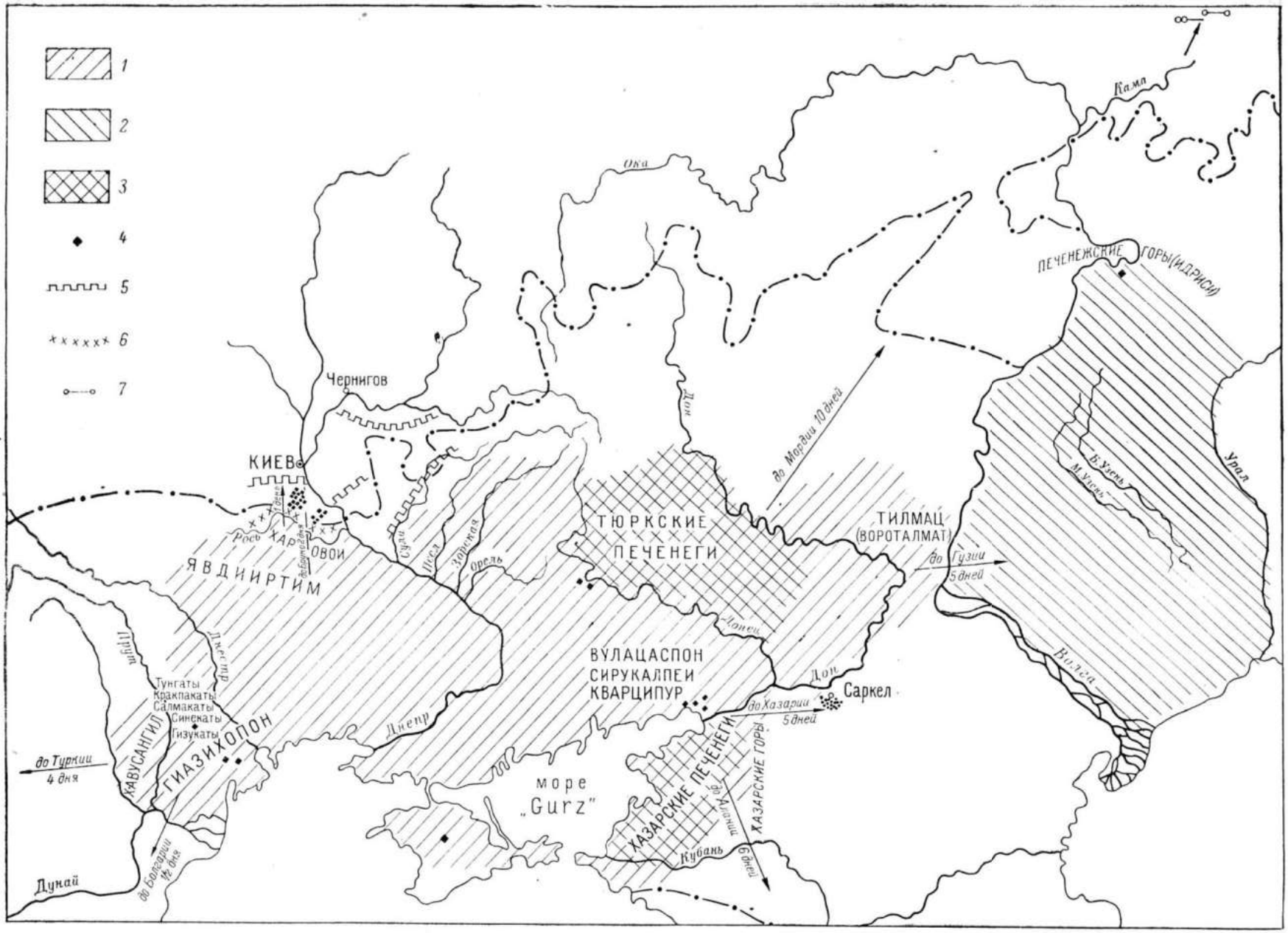


Рис. 1. Карта кочевий печенегов в IX—XI вв. (по письменным источникам и археологическим данным).

1 — печенеги в X в. (по Константину Багрянородному); *2* — печенеги в VIII—IX вв.; *3* — печенеги в конце IX—начале X в. (по Худуд-ал-Алему); *4* — погребения печенегов на территории южнорусских степей; *5* — оборонные линии Руси в X в.; *6* — оборонные линии Руси в XI в.; *7* — находки удил без перегибов.

4. Положение покойника: вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками [1] (чаще в гробу, реже без гроба).

5. Наличие в могиле отрубленных головы и ног коня, разложенных в анатомическом порядке слева от покойника, рядом с ним или на приступке-подсыпке.

6. Наличие удил, сделанных из одного железного прута,— так называемых удил без перегиба.

Ни один из перечисленных признаков, взятый в отдельности, не может быть решающим при определении принадлежности какого-либо погребения к этой группе, поскольку все они отдельно взятые встречаются и в погребениях других групп. Только удила без перегиба находятся в других группах как исключение, а потому могут служить определителем принадлежности погребения к данной группе, особенно если они встречены в захоронении, имеющем хотя бы часть вышеизложенных признаков. Так, к первой группе условно,

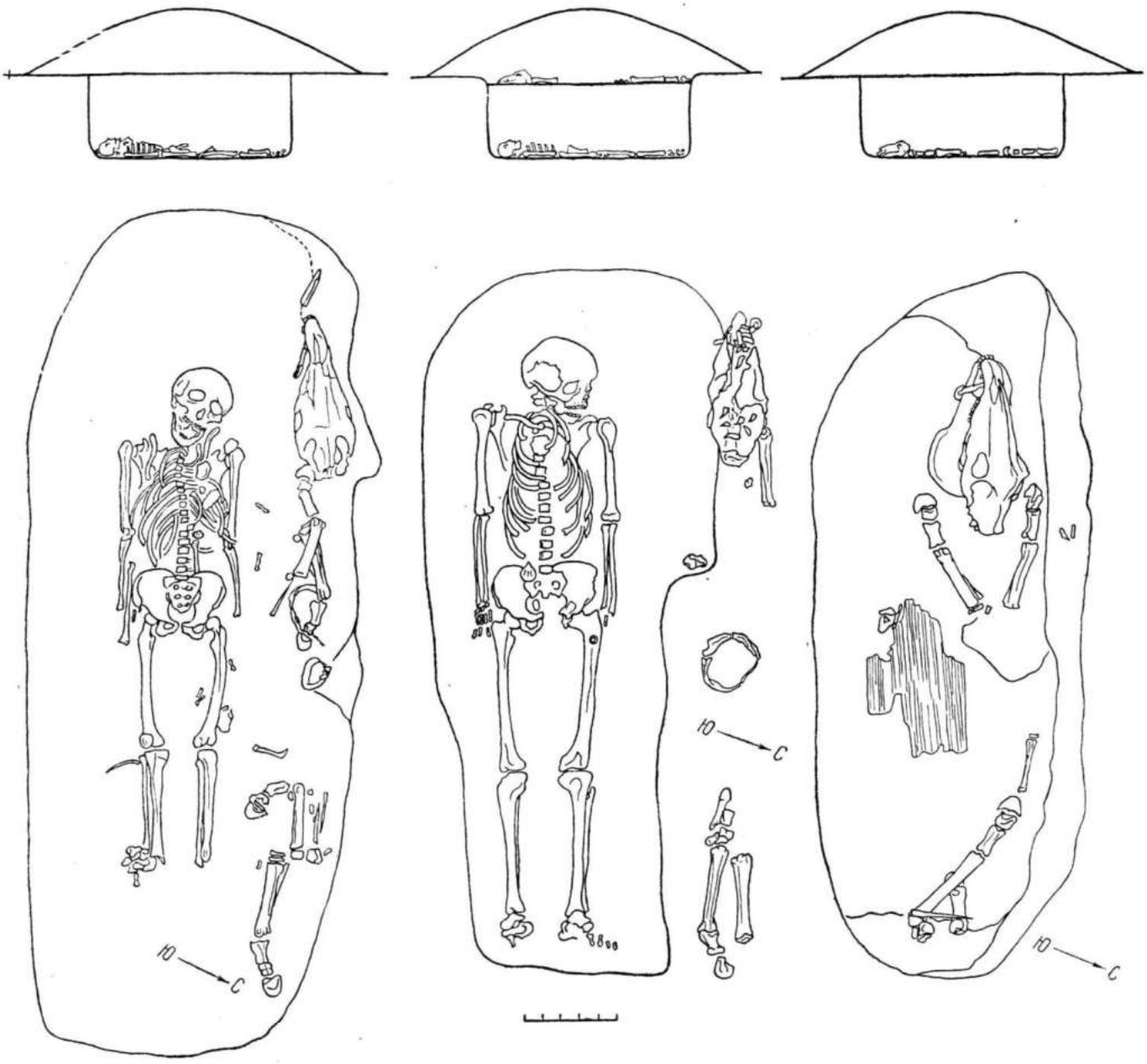


Рис. 2. Типы погребений печенегов.

[1] Изредка руки немного согнуты в локтях и лежат на тазу.

только по форме удил, отнесено несколько разграбленных погребений, а также погребения, описания обряда которых не дошли до нас. Таковы погребение из кургана Д в с. Покровском (Ростовская обл.), погребение из с. Танкеевки (Казанская обл.) и некоторые другие. Только в редких случаях, когда удила без перегиба встречаются в погребениях с резко отличным от вышеописанного обрядом, мы можем говорить об иной групповой принадлежности этих погребений.

К первой группе относятся также 7 погребений частей коня (головы и ног) без захоронения человека.[1] Групповая принадлежность их устанавливается прежде всего по обряду захоронения. Голова коня ориентирована мордой на запад, передние и задние ноги разложены в анатомическом порядке. На узком пространстве справа от костей в некоторых могилах положены вещи покойника, в честь и память которого совершено было ритуальное захоронение коня. Форма удил в четырех случаях неизвестна, в двух обнаружены были удила без перегиба, в одном — с перегибом. Тем не менее общий вид погребений и тот факт, что в двух из них встречены удила без перегиба, позволяют причислить все 7 комплексов к первой группе.

Помимо перечисленных выше признаков, первая группа погребений отличается от последующих менее заметной, но весьма существенной особенностью, а именно архаичностью вещевого комплекса. В связи с этим ряд погребений IX—X вв. с признаками первой группы, но с удилами с перегибом или совсем без удил причислены мной к данной группе.[2]

В целом ассортимент вещей в погребениях очень ограничен. В них почти совершенно отсутствуют посуда, украшения, зеркала, остатки дорогой одежды, и наоборот, как правило, в них встречаются копья, стрелы, иногда сабли и части сбруи — удила, стремена, пряжки (рис. 3, 4). Очевидно, большинство покойников были мужчины-воины.

В наборе оружия также прослеживается большое своеобразие. Во-первых, совершенно отсутствуют оборонительные доспехи (т. е. шлемы, кольчуги и т. д.). Во-вторых, оружие клалось в могилу в очень ограниченном количестве. Обычно это 1—3 стрелки, лук или колчан, копье и, в виде исключения, сабля. Последнюю как наиболее дорогое оружие мог положить в могилу к родичу только богатый степняк.[1]

Не только подбор вещей в погребениях, но и самые формы вещей говорят о своеобразии первой группы. Прежде всего это наличие упомянутых выше удил без перегиба. Они имеют вид прута с загнутыми концами, в неподвижные колечки вставлены подвижные, крупные, круглые в разрезе кольца. Иногда, помимо подвижных колец, удила без перегиба снабжались псалиями — железными, так называемыми «крылатыми», костяными или деревянными. В последнем случае на концах удил имеется не одно, а два неподвижных колечка (рис. 3, *4*). Удила без перегиба с первого взгляда могут показаться примитивными — они рвали рот лошади при каждом неосторожном натягивании поводьев. Однако известно, что современные мундштучные удила, служащие всаднику для более тонкого и строгого управления лошадью, также изготовлены из одного негнущегося прута. В Западной Европе в XI—XII вв. наряду с обычными удилами употреблялись и удила без перегиба.[2] Изредка ими пользовались и русские воины.[3] Хронологически удила без перегиба распространены широко — от конца IX до XIII в., однако чаще их можно встретить в комплексах X—XI вв.

Почти исключительно в комплексах первой группы встречаются овальные стремена с петлей для ремня, пробитой в специальном выступе, а также продолговатые, с вогнутыми длинными сторонами подпружные пряжки (рис. 3, *1*, *4*, *6*; 4, *11*). Безусловно предшественниками стремян с выделенной петлей являются стремена из могильников VII—VIII вв. в Восточной Европе (в Салтово, на Северном Кавказе, в муромо-мерянских могильниках). В IX—X вв. эти стремена

---

[1] Киевская обл., кург. 238, 311, 343; Ростовская обл., хут. Попов, кург. 15/4, 45, 61/1, в яме на городище.

[2] Киевская обл., кург. 322, 415; г. Симферополь, кург. 1; Ростовская обл., кург. б/№, Д; Казанская обл., кург. 1.

[1] В качестве дорогого оружия сабля могла передаваться по наследству от отца к сыну.

[2] A. Demmin. Guide des amateurs d'armes. Paris, 1869, стр. 174, рис. 5.

[3] Экспозиция ГИМ, раскопки Молчановского 1935 г.

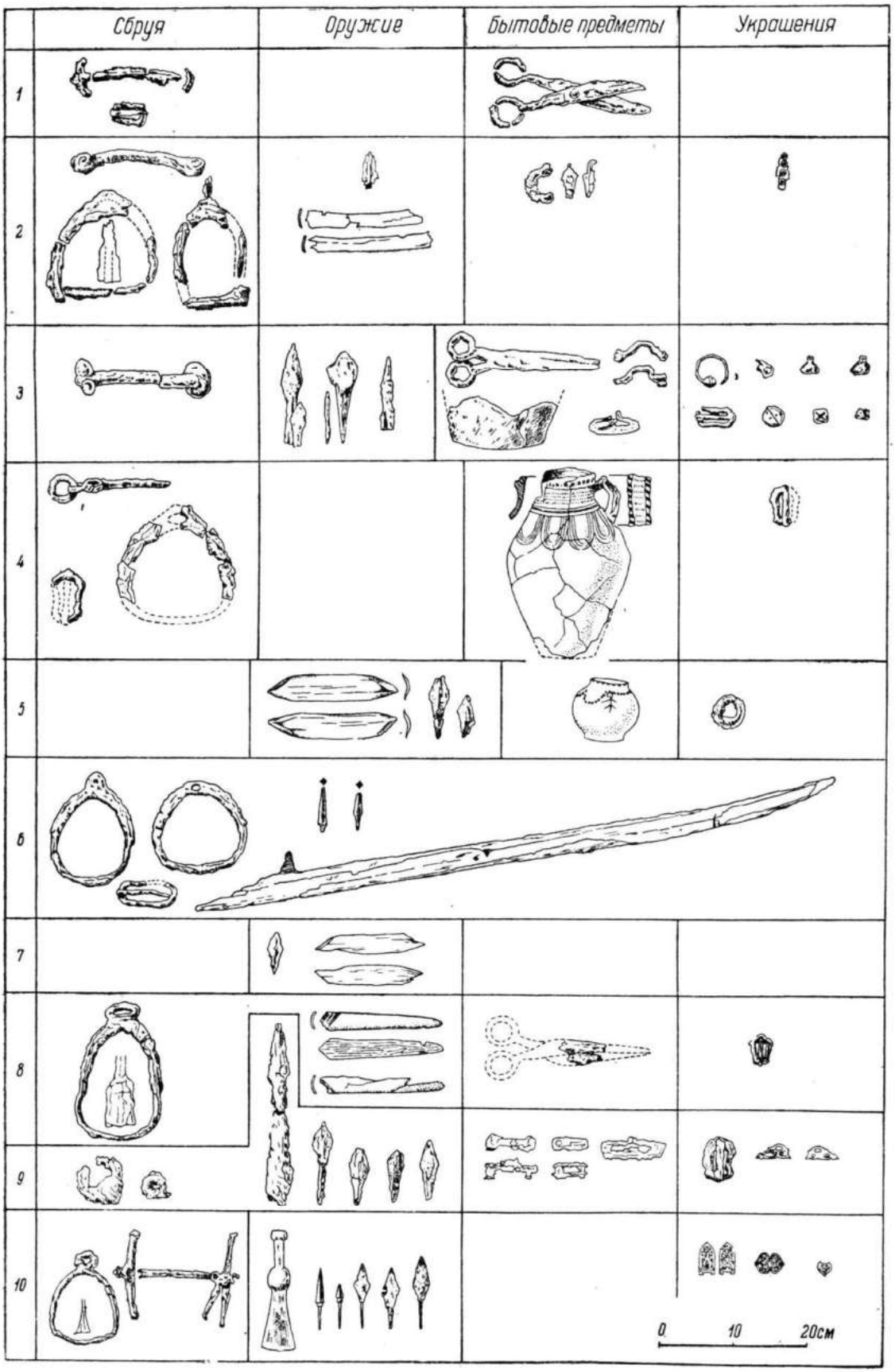


Рис. 3. Печенежские древности IX—X вв.

1 — Ростовская обл., Саркел—Белая Вежа, кург. 47; *2* — там же, кург. 8; *3* — Кишиневская обл., дер. Екатериновка, кург. 1/11; *4* — Ростовская обл., с. Покровское, кург. Д; *5* — Ростовская обл., Саркел—Белая Вежа, кург. 10; *6* — там же, кург. 34; *7* — там же, кург. 49; *8* — там же, кург. 40; — там же, кург. 21; *10* — Казанская обл., дер. Танкеевка, кург. б/№.

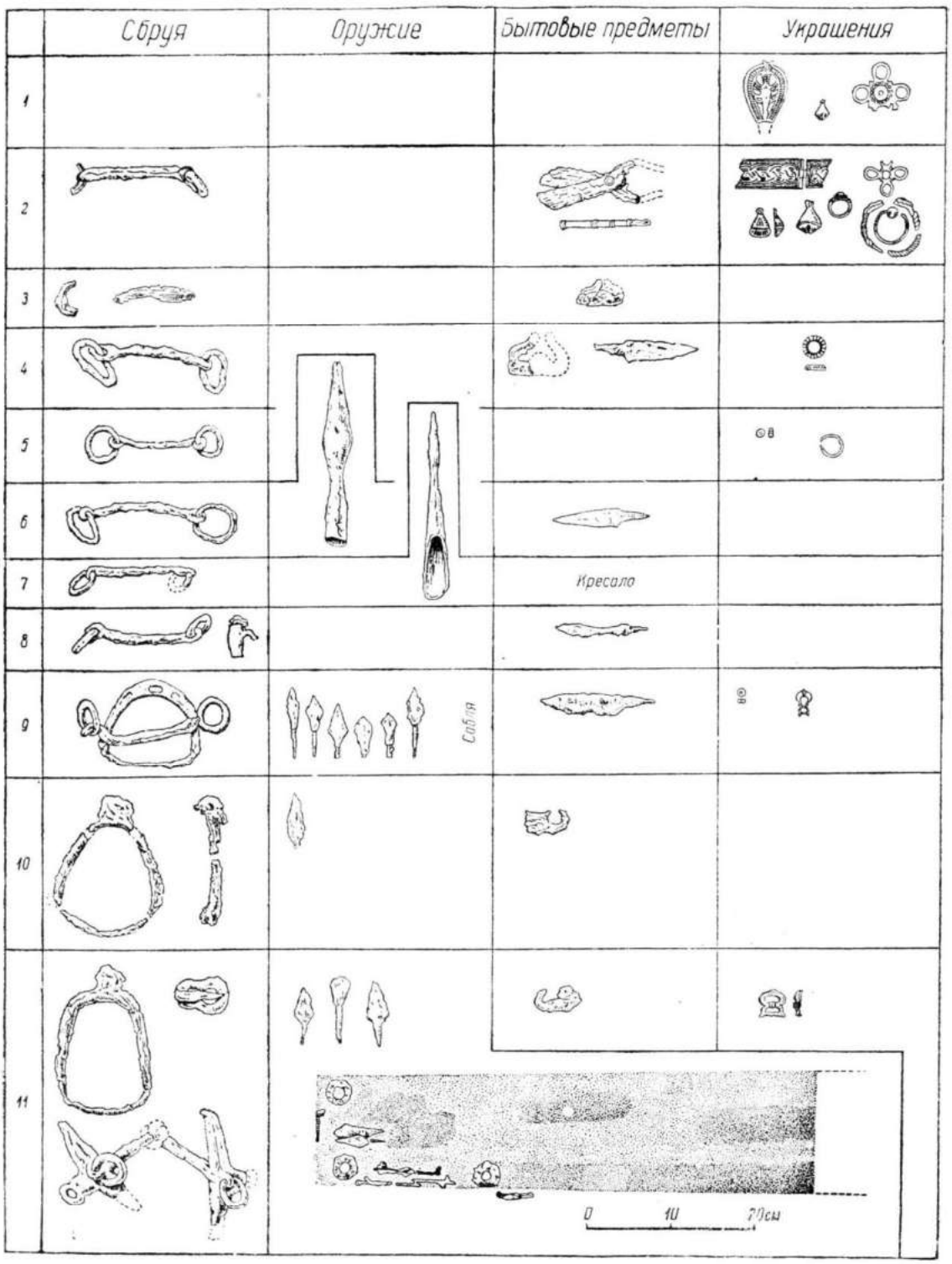


Рис. 4. Печенежские древности X—XI вв.

1 — Ростовская обл., Саркел—Белая Вежа, кург. 59; *2* — там же, кург. 37; *3* — там же, кург. 45; *4* — Киевская обл., с. Шандры, кург. 409; *5* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 305; *6* — Киевская обл., с. Краснополка—с. Кагарлык, кург. 275; *7* — там же, кург. 221; *8* — Киевская обл., с. Забара, кург. 321; *9* — Одесская обл., с. Павловка, кург. 1/10; *10* — Ростовская обл., Саркел—Белая Вежа, кург. 56; *11* — там же, кург. 54.

видоизменились, потеряли свои первоначальные прямоугольные очертания и приобрели форму овалов. В погребениях первой группы овальная форма стремян встречается только вместе с продолговатыми пряжками, датирующимися по аналогиям не позже середины X в. (они известны в салтовском и северокавказском могильниках VII—VIII вв., в венгерских могильниках VI—VIII вв., в муромо-мерянских VIII—IX вв. и, наконец, в русских языческих курганах IX—начала X в.). Другие формы стремян характерны для всех кочевнических древностей в целом (рис. 3, *2*, *4*, *6*; 4, *9*).

Сабли из погребений первой группы однотипны, это массивные, широкие, слабо искривленные клинки (рис. 3, *6*). Длина их не превышает 1 м. Рукояти их были деревянные, перекрестия деревянные или железные, эллипсовидные. Датируется этот тип сабель ранним временем. Они почти тождественны венгерским и древнерусским саблям IX—X вв.

Костяные накладки — единственное, что сохраняется в могилах от лука. Для погребений первой группы характерны массивные парные «рыбообразные» накладки, имеющие аналогии в могильниках VIII в. в Сибири [1] и датирующиеся, по-видимому, не позднее X в. (рис. 3, *5*, *7*).

Несмотря на то, что находки посуды в погребениях первой группы исключительно редки, в двух комплексах были обнаружены сосуды, позволившие связать всю группу с кочевниками, жившими в IX—X вв. в Тмуторокани и Саркеле—Белой Веже. Один из них имеет форму кувшина (рис. 3, *4*), украшенного пышным орнаментом из наколов, валиков, гирлянд. Другой — небольшой горшочек с раздутыми боками. Он также орнаментирован наколами по плечикам. Кроме того, на нем по сырому тесту прочерчен знак тюркской письменности или кочевническая тамга. Ближайшие аналогии этому знаку встречаются в салтово-маяцкой письменности (рис. 3, *5*). Обломки сосудов, орнаментированных наколами и гирляндами, в большом количестве были найдены в слоях IX—X вв. в Тмуторокани и особенно в Саркеле. Следующим бытовым датирующим предметом является овальное кресало с незамкнутыми, загнутыми в завитки концами (рис. 3, *9*). Аналогии ему известны в русских древностях IX—X вв.

Только в наиболее богатых мужских погребениях попадаются какие-то остатки богатой одежды, например серебряный поясной набор IX в. из погребения в Танкеевке (рис. 3, *10*). Вещи из немногочисленных женских погребений не типичны для кочевнических древностей: крученые и черненые браслеты, перстни, височные кольца или серьги с дутой нанизкой, аналогичные русским изделиям X—XI вв. Исключением являются обломки двух бронзовых крестовидных фибул из женского и детского погребений Саркелского могильника (рис. 4, *1*, *2*) и листовидная, прорезная, литая, обломанная с острого конца бляха с изображением древа жизни или птицы с распростертыми крыльями из детского погребения (рис. 4, *1*). Фрагменты подобных подвесок обнаружены были на городище Саркел—Белая Вежа в слое X—XI вв. Целая бляха с аналогичным изображением древа жизни или птицы найдена была в одном из волжских кочевнических курганов. А. Кушева-Грозевская весьма необоснованно датирует эту бляху XIV в. и сближает ее с чудскими сулде.[1] Однако известно, что изображение древа или птицы с солнцем-кругом над головой, олицетворявшее главные силы природы — землю и небо, свойственно не только чудским народам. Многочисленные, сравнительно единообразные изображения этих стихий встречаются в древностях всех времен, племен и народов. Упрощенный вариант точно таких же подвесок известен по находкам на Саркелском городище (X в.) и в заволжских курганах кочевников.[2] В Заволжье обнаружены были целые экземпляры. Это оказались большие копоушки с навершием в виде сложно орнаментированной бляхи (пальметка, или «процветший крест», вписанная в традиционную листовидную фигуру).

Таким образом, анализ вещевого материала первой группы позволяет датировать ее в основном X в. Только некоторые вещи, а следовательно и погребения, могут дати-

---

[1] Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов. Абакан, 1948.

[1] А. Кушева-Грозевская. Золотоордынские древности Государственного исторического музея из раскопок 1925—1926 гг. в Нижнем Поволжье. Саратов, 1928, стр. 14—15.

[2] См. колл. ИИМК и ЛОИИМК, раскопки К. Ф. Смирнова и В. П. Шилова в Нижнем Поволжье в 1955 г.

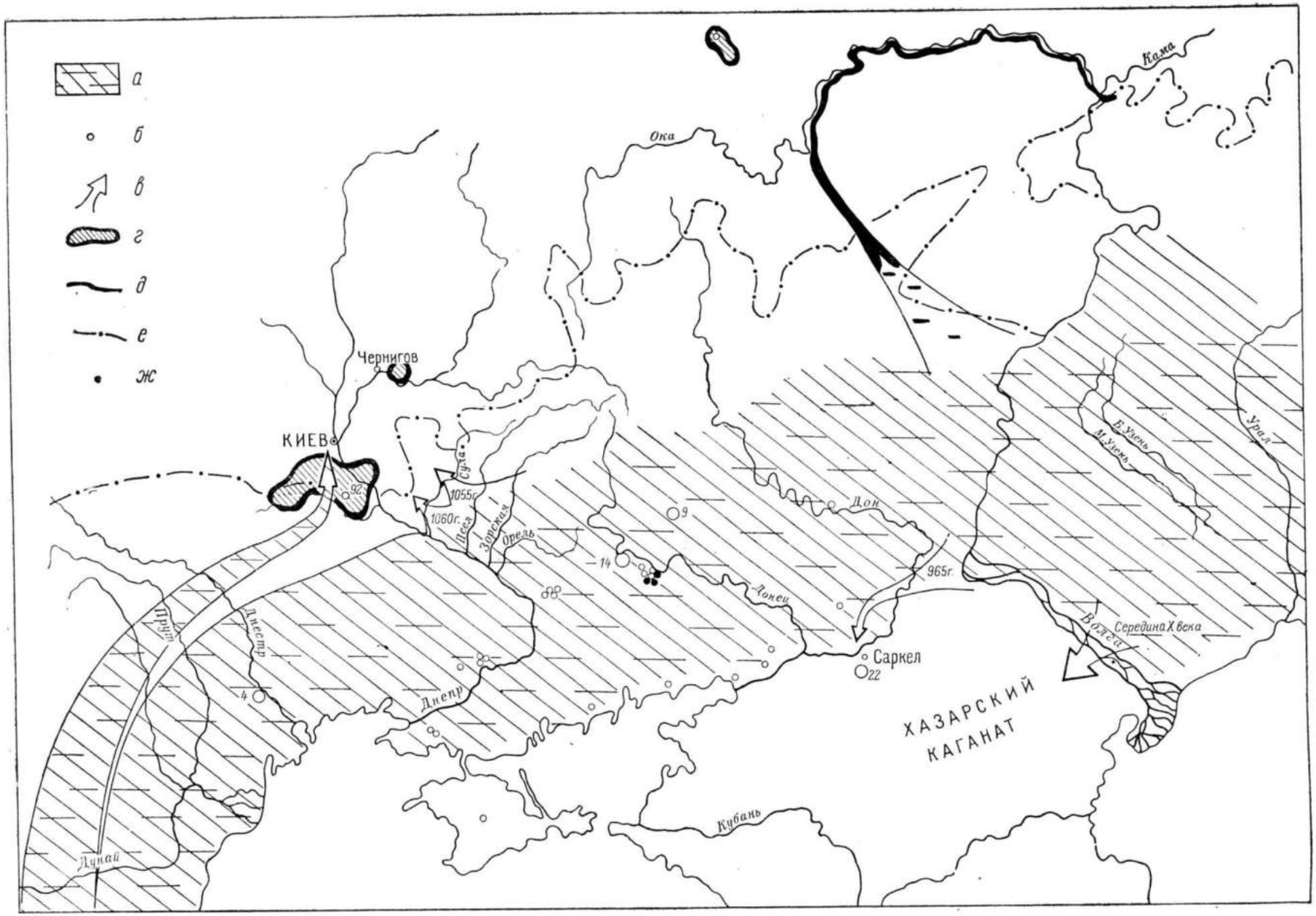


Рис. 5. Карта кочевий торко-печенегов и черных клобуков в X—XIII вв. (по письменным источникам и археологическим данным).

а — территория кочевий сельджуков и черных клобуков в XI—XII вв.; *б* — погребения торко-печенегов и черных клобуков (цифра у кружка обозначает количество погребений); *в* — нападения торков на Хазарию и Русь; *г* — кочевья черных клобуков; *д* — поход торков совместно с Владимиром в 985 г.; *е* — границы леса и лесостепи; *жс* — погребения торков.

роваться IX—X вв. (рис. 3, *4*, *5*, *10*) или X—XI вв. (рис. 4, *1—4*).

Расовая принадлежность костяков первой группы определялась только по материалам из кочевнического могильника близ Саркела и из нескольких курганов, раскопанных В. А. Городцовым на Северском Донце.

Все исследованные костяки — брахицефалы-европеоиды или же европеоиды с небольшой примесью монголоидности, т. е. метисированные европеоиды. Метисированные черепа по числовым показателям почти тождественны современным узбекским.

Географически погребения первой группы распространены на всем протяжении степей от Волги до Молдавии (рис. 1, *4*). Известны они и в Подунавье (погребения «всадников» в Венгрии).[1] Однако подавляющее большинство их обнаружено в Поросье (в Киевской обл.), на Северском Донце (в Харьковской обл.) и на Дону (в Ростовской обл.). Это говорит, во-первых, о том, что указанные районы наиболее исследованы археологами, а, во-вторых, о концентрации населения первой группы на берегах крупных южнорусских рек.

[1] J. H a m p e l. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn. Braunschweig, 1905, Bd. I, стр. 78, 79, рис. 88—89; Bd. III, tab. 501; Archaeologica Ertesito, vol. XLVIII. Budapest, 1935, стр. 216, рис. 152.

2

Во вторую группу входит всего 3 погребения. Они, как и погребения первой группы, характеризуются земляными курганными насыпями, грунтовыми могилами, западной ориентировкой костяка, захоронением костей коня вместе с покойником. Основным признаком, отличающим их от погребений первой группы, является конструкция могилы — наличие в ней деревянных сооружений, облицовок и настилов над погребением человека. Форма удил, встречаемых в погребениях второй группы, неустойчива: в одном случае в погребение положены удила без перегиба, в другом — с перегибом, в третьем форма удил не указана автором отчета.

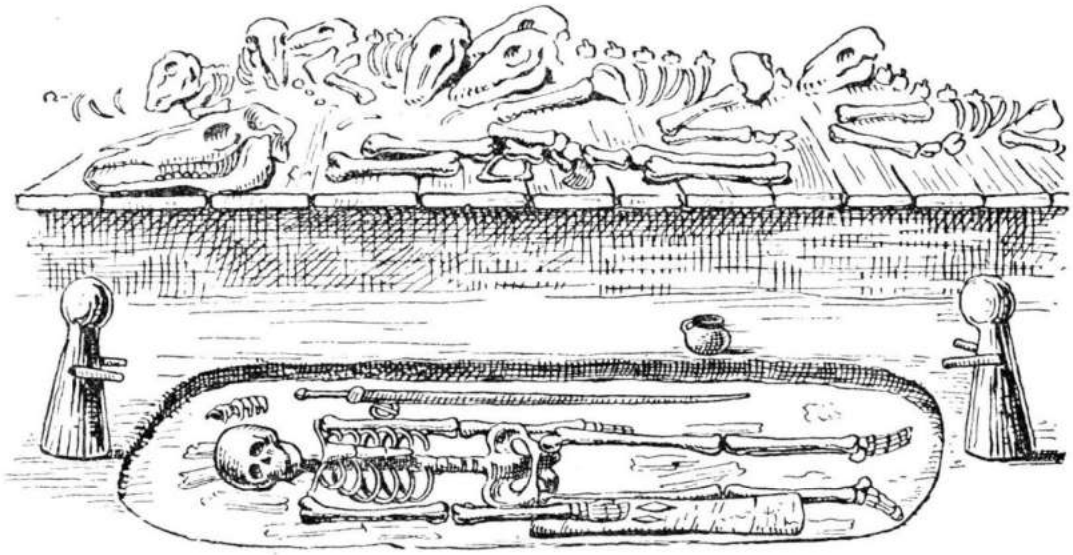


Рис. 6. Погребения торков (реконструкция по В. А. Городцову).

Все погребения обнаружены в местности недалеко от ст. Торской Купянского района Харьковской области, т. е. на Северском Донце (рис. 5, *ж*). Два из них раскопаны Е. П. Трефильевым, одно — В. А. Городцовым.[1] Последнее, наиболее богатое и сложное по устройству, заслуживает особого внимания (рис. 6). Оно произведено в на-

[1] Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 141—144; Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 346. Все три погребения дошли до нас только в описаниях, вещевой материал, сданный исследователями в Харьковский музей, погиб во время Великой Отечественной войны.

сыпи большого земляного кургана (высота около 1.8 м). На специальном настиле над могилой было положено 6 телят. Здесь же лежала обращенная мордой на запад голова коня, а также его ноги, расположенные в анатомическом порядке. Гроб с покойником, ориентированным головой на запад, стоял в глубокой и широкой могиле. У ног и изголовья были поставлены деревянные, грубо сделанные статуэтки без ног, с вставленными перпендикулярно к телу руками-палочками, а слева от гроба — глиняный горшок. Похороненный был мужчина. Рядом с ним лежала сабля и колчан со стрелами. Лошадиная сбруя — удила и стремена — были обнаружены у костей лошади.

Два других комплекса более просты. Над могилой на настиле лежали только кости коня, а в самой могиле не было деревянных статуэток. Их заменяли, вероятно, грубо высеченные каменные статуи — бабы, стоявшие на курганах.

Погребальный обряд второй группы захоронений в деталях совпадает с описанным в начале X в. Ибн-Фадланом погребальным обрядом гузов, или торков.[1] Табл. 1 дает возможность сопоставить это описание Ибн-Фадлана с данными, полученными при изучении комплексов второй группы. Таким образом, очевидно, что погребения второй группы сооружались гузами—торками.

Что касается этнической принадлежности погребений первой группы, то о ней высказывались соображения А. А. Спицыным, В. А. Городцовым и в последнее время Н. Д. Мец.[2] Все они считали, что погребения с костями коня и удилами без перегиба принадлежат торкам. Однако против этого говорит уже то, что торки оставили после себя яркие и не вызывающие сомнения памятники — погребения второй группы. Топонимические и исторические данные, привлеченные указанными исследователями для подтверждения своей гипотезы, далеко не достаточны. Свидетельство Ибн-Фадлана, привлеченное Н. Д. Мец в качестве основного аргумента, использовано методологически неверно, поскольку из описания всего обряда взят только один признак — погребение костей коня. Этот признак встречается и в других группах, например В. Рубрук в XIII в. упоминает о нем, описывая погребальный обряд половцев.

Другим немаловажным фактом, свидетельствующим не в пользу положения, высказанного В. А. Городцовым и Н. Д. Мец, является то обстоятельство, что в Средней Азии, на исконной территории гузов—торков, удила без перегиба не попадались ни разу. Распространение их в Заволжье, в лесных и лесостепных землях (северная граница их распространения проходит по Каме—Вятке, южная — по р. Урал), говорит о том, что они принадлежали какому-то полулесному народу, обитавшему на территории от Урала до Днепра и даже Дуная в IX—XII вв. Народом этим могли быть только печенеги.

Печенеги были авангардом мощного движения тюркоязычных народов, хлынувших в начале IX в. в восточноевропейские степи. Это было одно из крупных племен сильного племенного союза, известного в среднеазиатских степях под именем союза канглов («кангюй» китайских источников).[1] С захвата заволжских земель, принадлежавших ранее сарматским племенам, началось образование нового племенного союза — печенежского. В него вошли печенеги-канглы и покоренные ими сарматские и отчасти лесные фино-угорские племена.[2] Константин Багрянородный, описывая племенной состав печенежского союза в X в., отмечал, что печенеги делились на восемь округов, три из которых, именуемые «кангар» (канглы), считались знатнейшими. Остальные пять округов были, по-видимому, сильно сарматизированы. Сильная европеоидность печенегов, отмечаемая антропологами, объясняется большим количеством влившихся в печенежский союз сарматов.

---

[1] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Пер. под редакцией И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939, стр. 63. Тождество гузов, узов, торков доказано уже в работе П. В. Голубовского (Об узах или торках. ЖМНП, 1884, июль).

[2] А. А. Спицын. Курганы киевских торков и берендеев. ЗРАО, т. XI, вып. 1—2, 1899, стр. 156—160; В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910; Н. Д. Мец. К вопросу о торках. КСИИМК, вып. XXIII, 1948.

[1] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.

[2] От них печенеги могли получить и свое имя: слово «печенеги» в переводе на угорские наречия означает «лесные люди» (см.: Д. И. Европеус. Об угорском народе. Тр. II АС, т. I, СПб., 1876, стр. 84).

Таблица 1

	По Ибн-Фадлану	Курган, раскопанный Городцовым	Курганы, раскопанные Трефильевым	
			№ 1	№ 2
Надмогильные сооружения.	«Накладывают подобие юрты из глины».	Земляная насыпь.	Земляная насыпь.	Земляная насыпь.
Строение могилы.	«Роют большую могилу наподобие дома... покрывают настилом дом (т. е. могилу, — *С. П.*) над ним (покойником, — *С. П.*)».	Настил над могилой.	Остатки деревянной кладки над могилой.	Кладка над покойником сгнила, кости лошади лежали, по-видимому, на ней, на 70 см выше человеческого скелета.
Кости жертвенных животных.	«Съедают их (лошадей, — *С. П.*) мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста».	На настиле кости лошади и 6 телят.	Кости лошади на кладке.	Кости лошади над костяком человека.
Сосуды.	«Оставляют перед ним (покойником, — *С.П.*) сосуд с набидом».	Глиняный сосуд у стенки гроба.	Сосуда нет.	3 глиняных сосуда: 2 горшка и 1 чашка рядом с костями коня.
Статуи.	«Вырезают изображения из дерева и помещают их на его (покойника, — *С. П.*) могиле».	Деревянные статуэтки у ног и изголовья покойника.	Каменная баба на кургане.	Каменная баба на кургане.
Вещи.	«Одевают на него (покойника, — *С. П.*) куртку и его пояс, его лук... приносят все его имущество и кладут с ним».	Вещи: сабля, остатки кожаного колчана, горшок, железная поясная пряжка, удила с перегибом, два стремени.	Вещи: ножик, одежная пряжка, серебряная гривна, янтарная буса, серебряная витая рукоять плети, удила без перегиба, стремя.	Вещи: наконечник стрелы, ножик, глиняная лепная посуда (чашка и 2 цилиндрических горшка), удила с перегибом, стремя.
Пол захороненного.	Ибн-Фадлан говорит только о погребениях мужчин-воинов.	Покойник — мужчина-воин.	Пол погребенного неизвестен; возможно, судя по инвентарю, это женщина или богатый юноша (украшения, в частности гривна, носились и мужчинами, преимущественно молодыми). [1]	Покойник — мужчина-воин.

[1] См. погребение мальчика с жеребенком из кургана, сооруженного черными клобуками в Поросье (Киевская обл., с. Цозаровка, кург. 260; см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 66).

О заволжском периоде печенежской истории, длившемся около столетия (IX в.), сохранилось очень мало сведений. Тем не менее, дошедшие до нас известия позволяют восстановить границы заволжской Печенегии, лежавшей между реками Волгой и Уралом в лесостепной зоне.[1] Северная ее граница доходила по Волге до Жигулевских гор, называемых в некоторых источниках Печенежскими.[2] Лесистость печенежской земли неоднократно отмечалась восточными авторами. Естественно, что именно в лесистой, сильно пересеченной местности впервые появились у кочевников удила без перегиба, которые служили всаднику для более строгого управления лошадью. От печенегов удила без перегиба проникли далеко на север, на вятские и камские городища (рис. 1, 7).

В конце IX в. печенеги, вытесненные более сильными племенными союзами гузов и кипчаков (торков и половцев), хлынули в донецкие степи и в короткое время заняли огромную территорию от Волги до Прута.

Б. А. Рыбаков составил и издал карту Восточной Европы и, в частности, Печенегии по данным Константина Багрянородного.[3] В основном она представляется мне вполне убедительной, только на востоке Печенегия не ограничивалась Северским Донцом, как изобразил ее Б. А. Рыбаков, а доходила до Волги, о чем свидетельствует географическое сочинение начала X в. Иосифа-бен-Гориона.[4] Указанный автор сообщает, что племя «тилмац», названное Константином Багрянородным правобережным племенем талмат-вороталмат, кочует по р. Итиль, т. е. Волге.

В первой половине XI в. началось отступление печенегов из южнорусских степей к Дунаю (в основном в Венгрию).

Таким образом, есть все основания полагать, что погребения X—XI вв. с удилами без перегиба и с покойниками европеоидного и метисированного типов, распространенные на территории от Волги до Прута и Дуная, оставлены печенегами.

Собственно гузы—торки сыграли в южнорусских степях менее значительную роль, несмотря на то, что в Средней Азии они представляли мощное племенное объединение. Гузы в IX в. занимали земли по Сыр-Дарье (называемой рекой гузов) и вокруг Аральского моря. С. П. Толстов, основываясь на ряде исторических свидетельств (письменных и археологических), доказывает, что гузы были развитым полуоседлым скотоводческо-рыболовецко-земледельческим народом, имеющим города и центрального правителя — ябгу.[1] До конца IX в. гузские владения не переходили через р. Урал. В конце IX в. гузы, разбив печенегов, захватили Заволжье.

В первой половине XI в. началось гузское движение на запад, известное в литературе под именем сельджукского.[2] Гузы шли двумя путями — южным и северным. Единый, целеустремленный план этого движения предусматривал завоевание всех крупных и богатых западных государств — Персии, Византии, Руси и др. Состав гузского союза не был однородным, в него входили племена и народности различного происхождения. Одной из крупных частей его было племя печенегов, влившееся в союз после захвата гузами Заволжья. Вот что писал об этом Константин Багрянородный: «. . . в то время, когда печенеги были изгнаны из своей земли, некоторые из них по собственному желанию и решению остались там, поселились вместе с так называемыми узами и доселе остаются среди них».[3] В число гузов, продвигавшихся на запад по южнорусским степям, входили, вероятно, большие отряды этих печенегов, поскольку они были самым северо-западным племенем, находившимся в составе гузского союза. Кроме гузов и печенегов, двигался ряд племен, перечисленных впоследствии русским летописцем в записях XII в.,

[1] Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 14; В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. ЗАН, истор.-филолог. отд., сер. VII, т. I, № 1, 1897, стр. 120; Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 65.

[2] P. A. Jaubert. Geographie d'Edrisi, t. II. Paris, 1840, стр. 437.

[3] Б. А. Рыбаков. Уличи. КСИИМК, вып. XXXV, 1950.

[4] А. Я. Гаркави. Сказания еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. ТВОАО, ч. 17, 1874, стр. 219.

[1] С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, № 3.

[2] См. работы: В. Г. Васильевский. Византия и печенеги. Труды, т. 1, СПб, 1908; С. П. Толстов. Города гузов; В. С. Гордлевский. Государство сельджуков Малой Азии. М., 1941.

[3] Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 14, стр. 16.

касающихся истории Поросья, а именно берендеи, коуи, каепичи, боуты. С. П. Толстов делает сопоставления некоторых из этих названий с названиями 24 племен, входивших в состав гузского союза: берендеи—баяндур, каепичи—коуи—кайи, боуты—баят. Возможно, что некоторые из указанных племен вели происхождение, как и печенеги, от чуждых гузам народностей. Например, берендеи—баяндур могли происходить от кипчаков—половцев, так как в состав этих последних входил род бояндер, о чем писал Гардизи.[1] Во время движения многоплеменных сельджукских орд по южнорусским степям в них постоянно вливались новые отряды печенегов, основные силы которых отступали под давлением торков и руси на запад.

Таким образом, торки, прошедшие по южнорусским степям, были настолько смешаны с другими народами и, в частности, с печенегами, что выделить их памятники на этой территории не представляется возможным (исключение — три погребения второй группы).

После разгрома в 1060 г. Русью северной ветви гузского—торческого союза большая часть племен, входивших в него, пошла на службу к киевскому князю и была поселена им в Поросье (на левом берегу р. Роси). Кочевники, заселившие Поросье в XII в., объединились в новый племенной союз — черноклобуцкий.

Племенное многообразие торческого и позднее черноклобуцкого союзов привело к тому, что в результате тесного общения племен между собой у всех их выработался новый погребальный обряд. Следует, правда, отметить, что в основу этого обряда лег, по-видимому, печенежский обряд, поскольку печенеги были наиболее многочисленным племенем в союзе торков. Особенности обрядов других племен лишь несколько изменили описанный выше печенежский обычай.

3

Третья группа включает в себя все погребения смешанного типа, т. е. погребения людей, входивших в гузский—торческий и черноклобуцкий союзы. В нее входит более 150 комплексов, из которых 88 обнаружено в Поросье, т. е. на основной территории черных клобуков (рис. 5, *б*).[1]

Естественно, что основные признаки погребений третьей группы, касающиеся погребального обряда, совпадают с печенеж-

[1] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 105.

[1] Киевская обл.: с. Зеленки (кург. 215, 220, 293, 296—298, 299/1, 299/2, 306, 307, 309/1, 309/2, 310, 312—314, 317, 319/1, 319/2, 344—347, 365), с. Ковали (кург. 394), с. Кагарлык (кург. 217, 334—336, 338/5), с. Краснополка (кург. 224, 270, 271/1, 271/2, 280, 281), с. Краснополка—с. Гадомка (кург. 222, 224), с. Бурты (кург. 258, 259, 261, 262, 263/1, 263/2, 270, 272, 273, 276), с. Степанцы (кург. 215, 216, 347), с. Поток (кург. 398, 401, 417, 452), с. Юзефовка (кург. 247, 248), с. Цозаровка (кург. 250/1, 250/2, 260, 269), с. Емчиха (кург. 348—350, 352, 354, 357/1, 357/2, 359, 360), с. Липовец (кург. 264, 265/1, 265/2, 267), с. Зануевка (кург. 268/1, 268/2), с. Караныши (кург. 391/1, 391/2), с. Хальча (кург. 325, 328, 329), с. Гороховатка (кург. 283/1, 283/2), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг.; с. Лучка (кург 1—3), с. Клиново (кург. 1), с. Яблоновка (кург. 1), см.: Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 223—225, 237, 238. Черкасская обл.: с. Берестняги (кург. 27, 54), см.: А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы (дневники раскопок 1889—1897 гг.), т. III. СПб., 1901, стр. 106, 124. Переяславская обл.: с. Войницы (кург. б/№), см.: Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли, стр. 238. Херсонская обл.: с. Александровка (кург. б/№), см.: Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 730; с. Дымовка (кург. 3, 9), см.: ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2, 1899, стр. 147, 173. Днепровская обл.: с. Афанасьевка (кург. 5), с. Григорьевка (кург. 6), с. Бузовка (кург. 2), с. Татарбранка (кург. 4), см.: Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 119, 122, 128, 147. Гор. Никополь (кург. 1/19, 4/1, 4/2), см.: Отчет Б. Н. Гракова за 1939 г. (Архив ИИМК). Харьковская обл.: с. Пески (кург. 24), с. Каменка (кург. 10/2, 16, 1/7), с. Ступки (кург. 3/3, 5/7), дер. Ново-Александровская (кург. 2), дер. Переездная (кург. 3/1), с. Щеглово (кург. 12/1), см.: Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 281, 296, 301, 309, 317, 320, 323, 333, 344. Харьковская обл.: хут. Червенков (кург. 1/3), хут. Камышеваха (кург. 2/1), хут. Стратилатовка (кург. 8/1, 9/1), хут. Урусовка (кург. 2/1), хут. Николаевка (кург. 3/1, 3/2, 4/3), хут. Ковалевка (кург. 1/2, 2/1), хут. Верхний Степок (2/7, 1/7, 2/1), с. Кунье (кург. 1/1), с. Рай-городок (кург. 2/2, 3/1), хут. Бражковский (кург. 2/3), см.: Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 228—231, 236, 261—264, 271, 280—282, 284, 286, 287, 293, 297, 298. Гор. Жданов (кург. б/№), см.: колл. ЖИКМ, № 680. Гор. Славянск (кург. 253), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 162. Ростовская обл.: хут. Попов (кург. 5, 11, 12, 15, 20, 27—29, 33, 35, 36, 38/1, 39, 42, 46, 15/1, 18/1, 19/22, 19/26, 19/29, 19/56), см.: Гос. Эрмитаж, колл. Волго-Донской экспедиции; с. Елисаветинское (кург. 2), см.: ОАК за 1909—1910 гг., стр. 142; с. Недвиговская (кург. 41), см.: ОАК за 1908 г., стр. 129, г. Новочеркасск (кург. б/№), см.: ОАК за 1890 г.,

скими, поскольку именно этот народ составлял ядро обоих союзов (рис. 7).

Земляные насыпи, простые грунтовые могилы, вытянутое положение покойника, западная ориентировка типичны как для печенежских, так и для черноклобуцких погребений. Это долгое время затрудняло работу по разделению всей массы погребений с перечисленными признаками на две указанные группы. Потребовался подбор дополнительных признаков, отличающих погребения третьей группы от печенежских.

В первую очередь бросается в глаза разница в захоронении останков коня. В двух предыдущих группах при покойнике было обязательно захоронение частей коня. В третьей группе 17.5% всех захоронений сделано с полным остовом коня, 48% совсем без останков лошади и два погребения с частями быка вместо частей лошади. Во-вторых, в третьей группе много бедных вещевым материалом комплексов. Как правило, во всех безлошадных погребениях вещей очень мало или нет совсем. В-третьих, судя по инвентарю, количество женских погребений почти равно числу мужских. В-четвертых, в третьей группе никогда не встречаются удила без перегиба, характерные для печенегов. В-пятых, меняется по сравнению с первой группой ассортимент вещей в погребениях, он становится шире, разнообразнее. Появляются оборонительные доспехи, остатки одежды, украшения сбруи, пряслица и т. д. И, наконец, последним и едва ли не самым важным является хронологическая разница погребений первой и третьей групп. В то время как печенежские погребения датируются временем не позднее первой половины XI в., погребения третьей группы доходят до XIV в. Несомненно, что чисто печенежские погребения не могли относиться к позднему времени, так как основная масса печенегов покинула степи в середине XI в.

Остановимся на вещевом материале, характеризующем погребения третьей группы и позволяющем сделать ряд необходимых датировок (рис. 8—10).

Удила, найденные в могилах третьей группы, всегда с перегибом; трензельные кольца у них двух видов: небольшие, диаметром 3—4 см, круглые в сечении (рис. 8, *1*, *3*; 9, *2*, *6*) и большие, 5—8 см диаметром, овальные или чаще плоские (рис. 8, *2*; 9, *1*; 10, *3*, *7*). Большие плоские кольца датируются более поздним временем, чем первые, а именно концом XII—XV в. Стремена с полукруглыми, треугольными или квадратными дужками (рис. 8, *2*, *3*, *4*, *8*; 9, *1*, *2*; 10, *3*, *6*, *7*) и узкими подножками, укрепленными жгутом, датируются временем до начала XIII в. Поздних стремян с широкими плоскими подножками (XIII—XIV вв.) почти нет. Сбруйные украшения встречаются только в богатых погребениях. Особенного внимания заслуживают бронзовые бляхи в виде гусиных лапок (рис. 8, *3*). Они изготовлены, по-видимому, под воздействием искусства фино-угорских народов, в среде которых были широко распространены подвески в виде гусиных лапок.

Набор оружия в погребениях третьей группы чрезвычайно обширен: сабли, копья, луки, колчаны, стрелы, шлемы, кольчуги и даже наколенники. Сабли, как дорогое оружие, встречаются только в половине погребений воинов. Это тонкие однолезвийные клинки, кривизна которых значительно заметнее, чем печенежских (рис. 9, *2*, *4*, *5*; 10, *3*, *6*). Однако и в могилах черных клобуков попадаются слабо изогнутые клинки без эфесов, часто с тупыми концами (рис. 8, *1*; 9, *1*). Они подробно описаны Н. Е. Бранденбургом, связывающим их с азиатскими кончарами.[1] Что касается копий, то, судя по тому, как редко их находят в погребениях третьей группы, можно утверждать, что у этого народа они были значительно менее распространенным видом оружия, чем у печенегов.

От луков и колчанов сохраняются в земле только костяные и железные части.

стр. 45; с. Морской Гуляк (кург. 3), см.: ОАК за 1900 г., стр. 48. Каменская обл.: ст. Вешенская (кург. б/№), см.: Печатный каталог НИКМ, №№ 2581—2591. Запорожская обл.: г. Ногайск (кург. 3), см.: ОАК за 1889 г., стр. 16, 17. Гор. Симферополь (кург. б/№), см.: ОАК за 1892 г., стр. 6, 7. Винницкая обл.: с. Каменка (кург. 442), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 172, 173. Молдавская ССР: г. Тирасполь (кург. 23), с. Поркан (кург. 100), с. Суклея (кург. 319), с. Плоское (кург. 228), см.: Вісник Одеської комісії краезнавства, ч. 4—5, Одесса, 1930, стр. 104, 106, 107, 109. Владимирская обл.: г. Юрьев Польский (кург. б/№), см.: ИАК, вып. 15, 1905, стр. 78, рис. 1.

[1] Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 62—63 (кург. 248).

В редких случаях доходят до нас берестяные колчаны, имеющие вид длинных футляров, расширенных в нижней части. Носились они на широких ремнях с костяными петлями на концах (рис. 11). Костяные петли — одна из наиболее частых находок в кочевнических древностях XI—XIV вв. Так же широко датируются и костяные накладки на луки. Стрелы во всех кочевнических группах аналогичны одновременным с ними стрелам соседних народов (Русь, Венгрия и др.). Это небольшие, ромби-

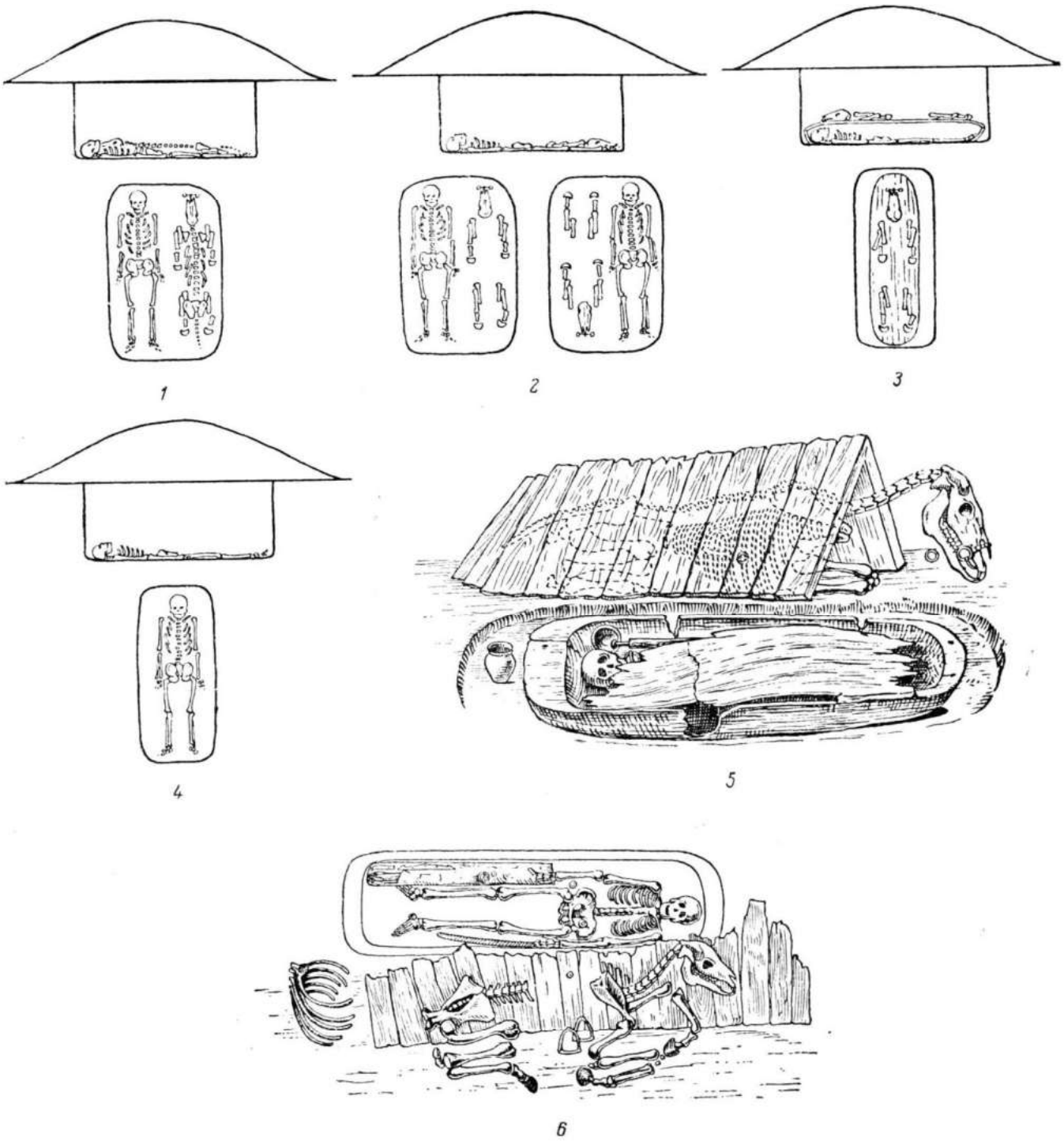


Рис. 7. Типы погребений торко-печенегов и черных клобуков.

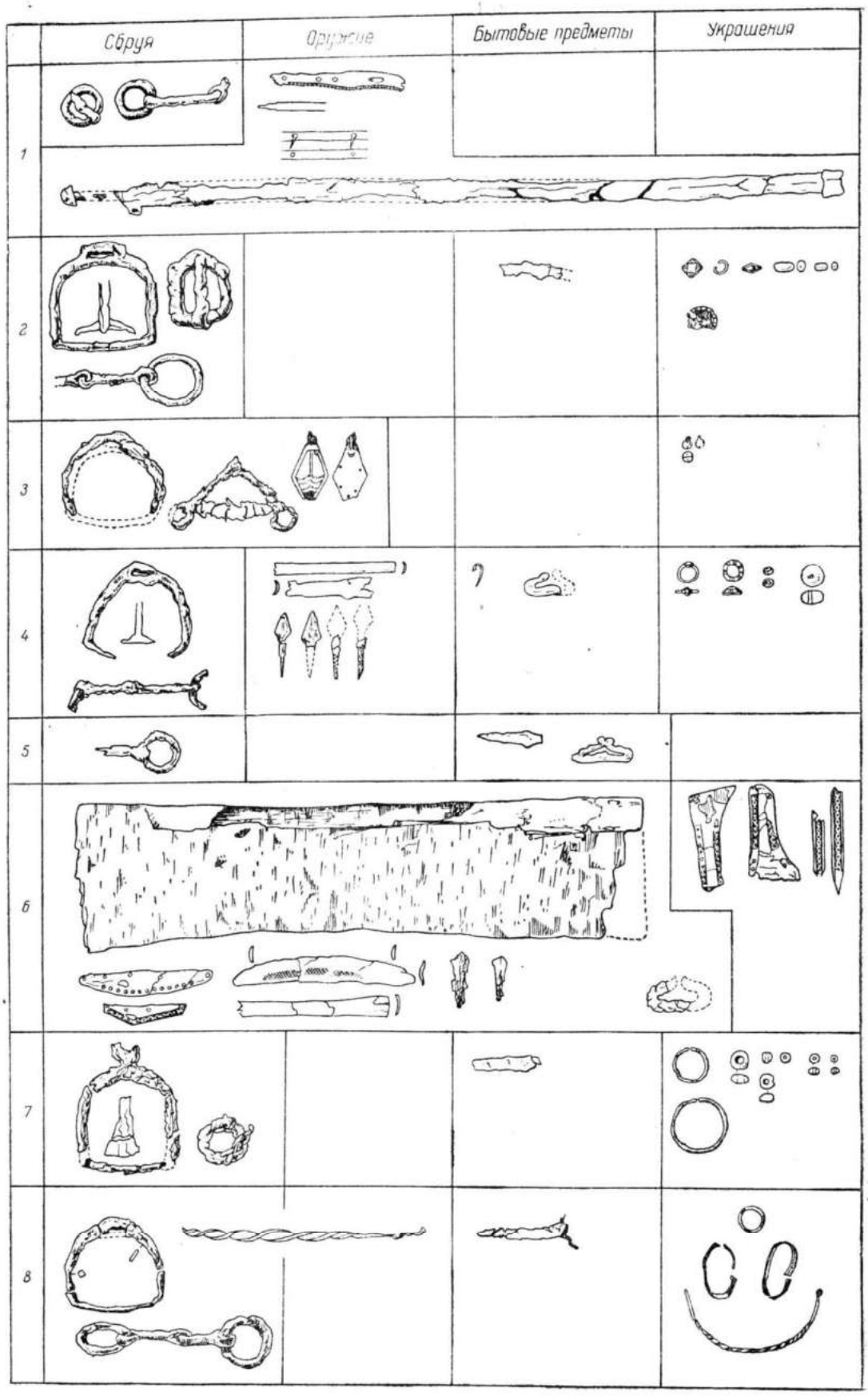


Рис. 8. Торко-печенежские и черноклобуцкие древности XI в.

1 — Киевская обл., с. Цозаровка, кург. 250/2; *2* — Киевская обл., с. Бурты, кург. 272; *3* — Киевская обл., с. Кагарлык, кург. 217; *4* — Харьковская обл., хут. Каменка, кург. 16; *5* — Киевская обл., с. Поток, кург. 417; *6* — Ростовская обл., Саркел—Белая Вежа, кург. 18; *7* — там же, кург. 19/26; *8* — там же, кург. 19/56.

ческие или удлиненно-ромбические, черешковые наконечники.

Особо следует отметить характерные для черных клобуков кожаные шлемы на сферическом железном каркасе, упоминания о находках которых есть в отчетах Н. Е. Бранденбурга.[1]

Подавляющее большинство погребений сопровождается бытовыми предметами: ножиками, кресалами, ножницами и т. д. Наиболее важны для датировок кресала:

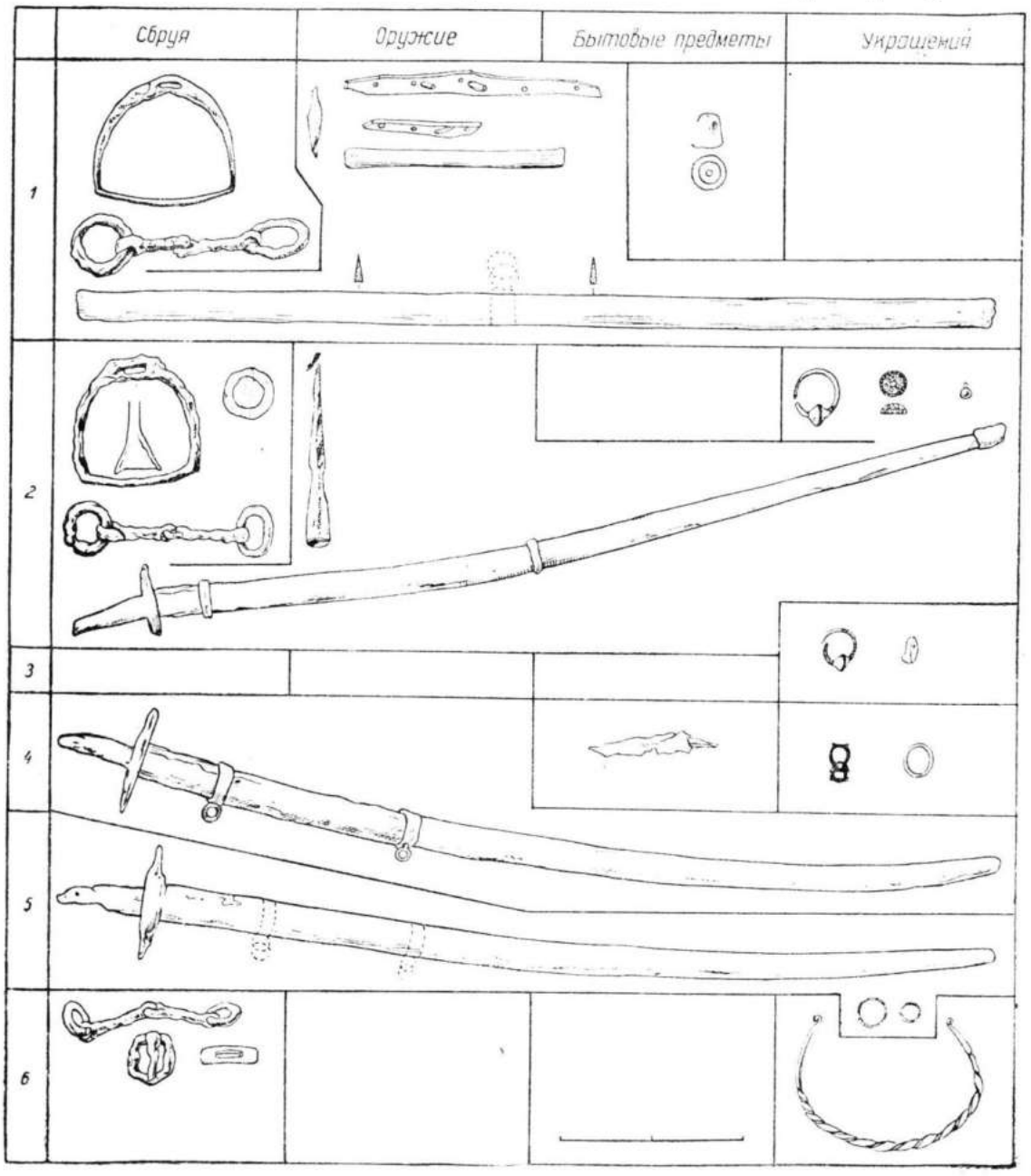


Рис. 9. Торко-печенежские и черноклобуцкие древности XI—XII вв.

1 — Киевская обл., с. Краснополка—с. Гадомка, кург. 222; *2* — Киевская обл., с. Краснополка, кург. 271/1; *3* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 365; *5* — Киевская обл., с. Степанцы, кург. 215; *5* — там же, кург. 216; *6* — Киевская обл., с. Цозаровка, кург. 260.

треугольные с завитыми концами XI в., овальные замкнутые середины XII в., прямоугольные замкнутые начала XIII в. (рис. 8, *4—6*; 9; 10, *3*).

Женские погребения третьей группы содержат серьги, гривны, браслеты, синие

[1] Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 69, 70 (кург. 261).

каменные подвески, серебряные нашивки на головной убор и остатки головных уборов, сделанных из шелковых тканей и серебряных цепочек и бубенчиков. Серьги в виде массивных серебряных колец с дутой биконической или «рогатой» нанизкой привозились к кочевникам из Руси, где они датируются XI—XII вв. (рис. 9, *2*, *3*; 10, *2*). То же можно сказать и о пластинчатых наручах и витых браслетах со вставками на концах из лящис-лазури, а также крученных из квадратного жгута гривнах с петлями на концах (рис. 4, *2*; 8, *8*; 9, *6*). Типичными кочевническими предметами,

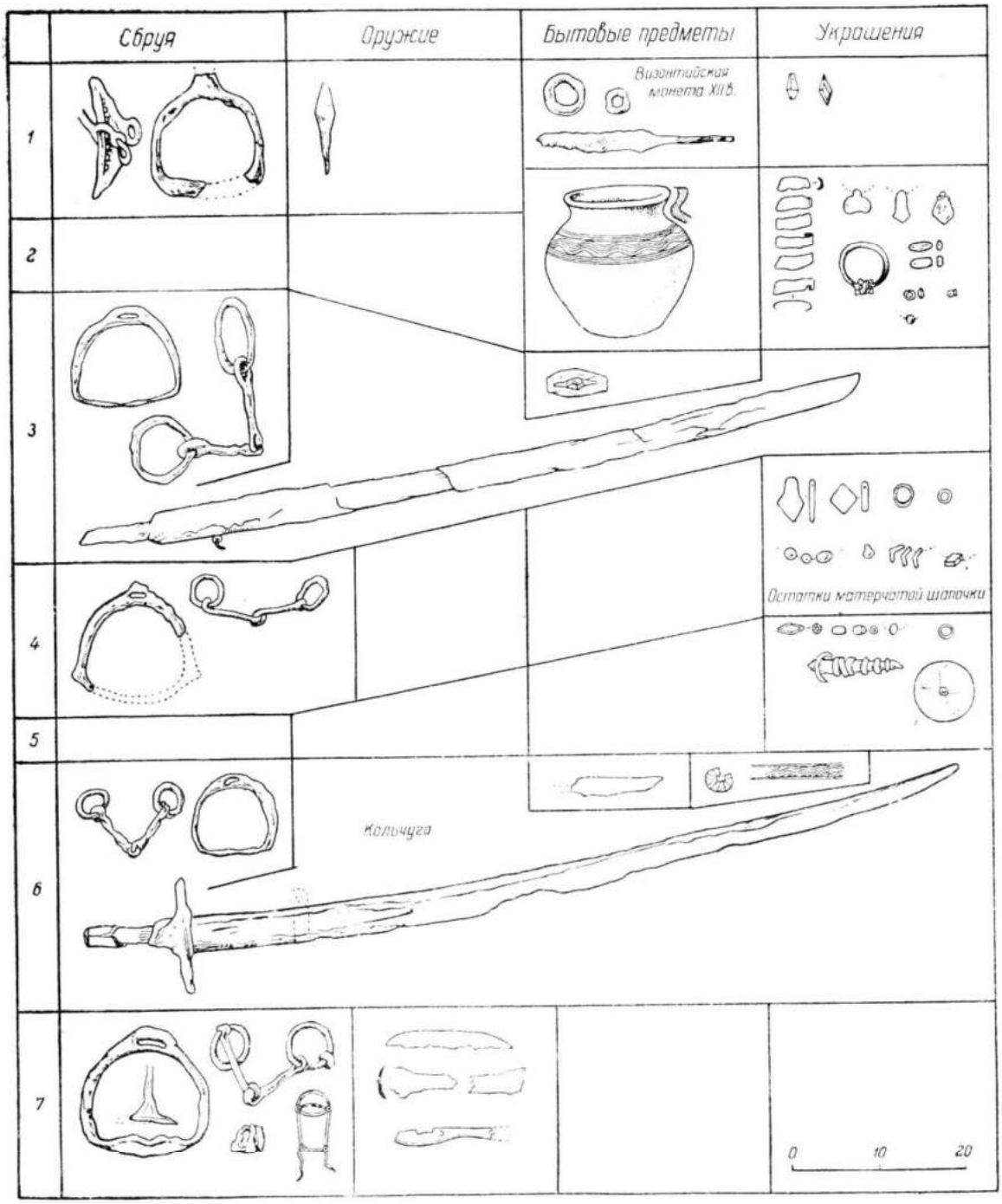


Рис. 10. Торко-печенежские и черноклобуцкие древности XII в.

1 — Киевская обл., дер. Яблоновка, кург. 1; *2* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 297; *3* — Киевская обл., с. Ковали, кург. 394; *4* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 317; *5* — там же, кург. 299/2; *6* — Киевская обл., с. Цозаровка, кург. 250/1; *7* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 312.

встречающимися одновременно с привозными, можно назвать серебряные пластинки-полукольца, являющиеся частью головных уборов или причесок (рис. 10, *2*, *4*). Полукольца находят обычно нашитыми на войлочные или кожаные валики, лежащие на лбу или у висков покойницы. Подобные же валики изображались на головах женских каменных статуй. Другим предметом, характерным только для кочевников, являются

Итак, изучение инвентаря погребений третьей группы определяет их хронологические рамки — IX—XII вв. К этому отрезку времени относится основная масса погребений, лишь небольшая группа датируется более поздним временем — XIII—XIV вв.

Антропологическая принадлежность костяков определена только на материале могильника Белой Вежи. Преобладающее большинство покойников — европеоиды-брахи-

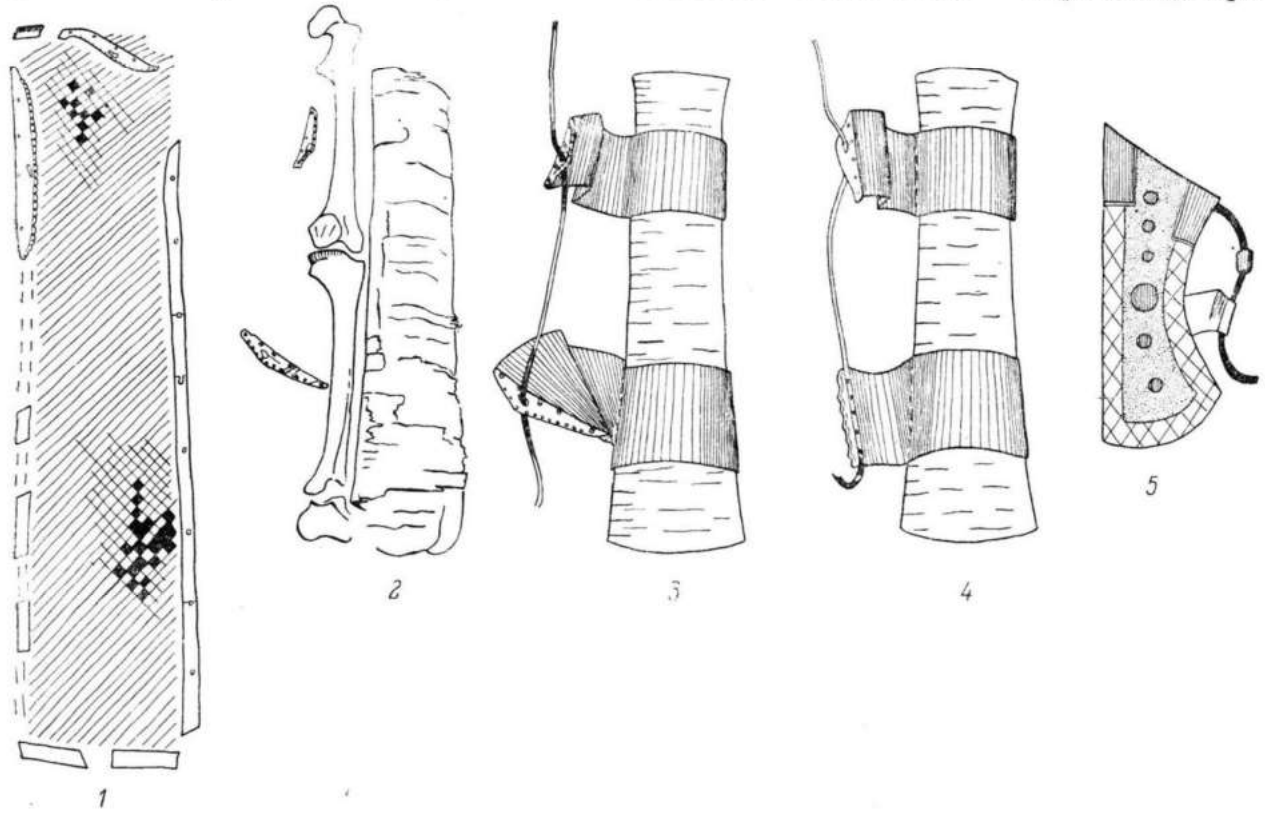


Рис. 11. Колчаны.

1 — кожаный колчан с костяными накладками, Поросье, кург. 269; *2* — расположение колчана и петель в погребении, Саркел—Белая Вежа, кург. 18; *3* — реконструкция колчана с двумя петлями; *4* — реконструкция колчана с одной петлей; *5* — башкирский колчан XIX в.

синие, ромбические и треугольные подвески, распространенные в то же время, что и головные украшения из валиков, и также изображающиеся на шее и груди каменных статуй.

В мужских погребениях украшений почти нет. Исключение составляют бронзовые бубенчики, небольшие бляшки и костяные пластинки на сапогах.

Бесспорную дату, во всяком случае самую раннюю, дают ряду комплексов находки монет. В Поросье было обнаружено погребение с византийской золотой монетой XII в., в Молдавии — 4 погребения с татарскими монетами конца XIII—XIV в.

краны или метисированные европеоиды, однако встречаются среди них и чистые монголоиды. Наличие монголоидов в третьей группе объясняется, вероятно, тем, что в огузский союз влились многие племена, в числе которых могли быть и чисто монголоидные. Обряд их погребения или мало разнился от печенежского или был заимствован у печенегов в результате тесного общения. Погребения у Белой Вежи датируются X—XII вв., т. е. оставлены были населением, обитавшим у этого города в его русский период (с 965 по 1117 г.). По-видимому, это были кочевники — вассалы русского города, подобные черным клобукам

в Поросье. О связях беловежцев с кочевниками свидетельствуют три женские погребения с кочевническим обрядом захоронения на христианском беловежском кладбище. Вероятно, захоронения эти принадлежали женам кочевников, происходившим из семей христиан-беловежцев.

Среди поросских погребений третьей группы выделяются погребения с захоронением вместе с человеком целого остова коня. Это наиболее богатые погребения в группе. Следовательно, разницу в обряде (целый остов или части коня) можно объяснить и имущественным неравенством. Однако в группе есть немало богатых погребений с захоронением частей коня, а потому погребение в могиле целого остова объясняется, по-видимому, не только имущественным положением покойника, но и своеобразием погребального обряда.

Вполне вероятно, что погребения с целым остовом коня (они составляют 17.5%) принадлежали не торкам и печенегам, а какому-то другому племени, игравшему немалую роль в черноклобуцком союзе и близкому к половцам, в могилах которых часто встречаются погребения целого остова коня. Возможно, что это погребения берендеев, род которых входил в состав кипчакского (половецкого) племенного союза (по Гардизи).

Кочевники-вассалы жили не только у южных городов, но и во Владимиро-Суздальской Руси, что подтверждается известными топонимическими данными,[1] а также раскопанным близ Юрьева кочевническим погребением. Многие подробности погребального обряда в нем, в частности ориентировка, остаются неизвестными из-за небрежности исследовавшего его А. С. Уварова. Тем не менее простое устройство могильной ямы, захоронение частей коня слева от покойника и датировка погребения XI—XII вв. говорят как будто о принадлежности его к третьей, печенего-торческой, смешанной группе.

Помимо сконцентрированных в Поросье и у Белой Вежи печенего-торческих погребений, оставленных вассалами русских князей, в южнорусских степях известно немало погребений этой группы, расположенных далеко от русских владений. Это погребения в Причерноморье, в Молдавии, на Северском Донце (рис. 5, *б*). Интересно, что погребения на Северском Донце расположены в районе близком к рекам, в названиях которых сохранилось имя торков (Тор, Сухой Торец и др.). Здесь стояли, по-видимому, зимовища какой-то части торческо-печенежского союза.

Торческо-печенежские погребения в глубине южнорусских степей могли быть оставлены в три хронологически и исторически различных периода:

1. Во времена продвижения племен огузо-печенежского союза по степям в первой половине XI в.

2. В половецкое время, когда отдельные орды торко-печенегов, подчиненные половцам, кочевали по степям. Об одной из таких орд сообщает русский летописец под 1103 г.: Владимир Мономах, возвращаясь из похода на половцев, встретил и захватил в степи «печенегов и торков с вежи» и увел их на Русь (т. е. поселил, вероятно, в Поросье и у Переяславля).

3. В татарское время, после разгрома Руси и половцев татаро-монголами. Небольшая группа поздних молдавских погребений свидетельствует о том, что торко-печенеги, или черные клобуки, бежавшие из Поросья, кочевали на отдаленных от золотоордынских центров землях. Однако и они были втянуты, судя по находкам монет, в экономическую жизнь татаро-монгольского государства.

4

В четвертую группу погребений включено 72 комплекса[1] (рис. 12, 13а—13в).

[1] Дер. Торчино, селение Торки, слобода Берендеевка, болото Берендеево и др. (см.: Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 344).

[1] Винницкая обл.: Ольгопольский р-н: хут. Каменка (кург. 428—435, 437—441, 443). Киевская обл.: с. Зеленки (кург. 291, 292, 294, 303, 304, 304/2, 361, 364, 366, 367), с. Кагарлык (кург. 235/1), с. Березовка (кург. 380/1), с. Пешки (кург. 323), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг.; Гос. Эрмитаж, колл. №№ 898, 914, 915, 917, 924, 942, 949; Васильковский р-н (кург. 1), см.: Тр. III АС, т. II, Киев, 1878, стр. 24. Днепропетровская обл.: дер. Вороная (кург. 7, 13), см.: ИАК, вып. 43, 1911, стр. 77—79; дер. Ново-Григорьевка (кург. б/№), см.: ОАК за 1882—1888 гг., стр. XI; дер. Афанасьевка (кург. 7, 4), см.: Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 122—124. Запорожская обл.: г. Ногайск (кург. 255), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 193;

Они характеризуются следующими чертами:

1. Наличие каменных обкладок или просто камней, перемешанных с землей, в курганной насыпи.

2. Сооружение для коня отдельной могильной ямы.

3. Наличие перекрытий над могилой человека.

4. Сложное устройство гробов, изготовлявшихся из отдельных поперечных дощечек.[1]

5. Положение покойника: вытянутое на спине, с уложенными вдоль тела руками.

6. Ориентировка погребенного головой на восток или на запад (с годовыми отклонениями).

Для могил четвертой группы, как и для предыдущей, не характерен какой-либо определенный вид захоронения коня. В них встречаются как целые остовы, так и части коней. В ряде погребений останков коня нет совершенно. Причем интересно, что они отсутствуют не только в бедных погребениях, но иногда и в богатых вещами комплексах. Это говорит, по-видимому, об изменении погребального обряда. Коней по-прежнему убивали на тризне умершего хозяина, но трупы их не клали в могилу, а помещали на поверхности курганов. О растягивании шкуры коня над могилой умершего кумана-половца рассказывал в XIII в. В. Рубрук.[1] Обычай этот сохранялся у среднеазиатских кочевников вплоть до XIX в., они оставляли на могиле умершего родича голову, ноги и шкуру его любимой лошади. В бедных погребениях четвертой группы нередко попадались кости крупного рогатого скота (коровы, быка), заменяющие, по-видимому, лошадиные.

Перечисленные выше признаки встречаются отнюдь не в каждом погребении четвертой группы. Однако то обстоятельство, что три из этих признаков (первый, второй и четвертый) и восточная ориентировка характерны только для четвертой группы, позволяет относить погребения хотя бы с одним из указанных признаков к данной группе.

Как уже говорилось, погребения четвертой группы делятся по количеству положенных в них предметов на богатые и бедные. В 30% комплексов материал беден и невыразителен, в 10% — вещей нет совершенно и только половина погребений дает материал, по которому можно судить о вещевом комплексе группы в целом. К сожалению, часть его хранилась в южных музеях (Днепропетровском, Харьковском, Киевском и др.), коллекции которых были уничтожены или разграблены во время Великой Отечественной войны.

Сбруя, оружие, бытовые предметы и даже украшения почти полностью аналогичны вещам из комплексов третьей группы (рис. 14, 15,16). Совпадают не только формы вещей, но и их подбор в каждом отдельном погребении. Поэтому подробно останавливаться на описании и датировках вещей четвертой группы нет необходимости. Укажу только на те различия, которые прослеживаются между материалом обеих групп. В основном различия эти хронологические. В древностях четвертой группы чаще встречаются вещи XIII и даже XIV в. Таковы массивные стремена с широкой, плоской подножкой (рис. 14, *1*; 15, *2*), сильно искривленные, тонкие сабли с изогнутым железным эфе-

---

дер. Белозерка (кург. 31), см.: Тр. XI АС, т. I, М., 1901, стр. 730; дер. Белозерка (кург. 31, 39), см.: Тр. VIII АС, т. III, М., 1897, стр. 148. Ростовская обл.: дер. Ново-Николаевка (кург. 2, 5, 8, 10), см.: ЗРОИДП, т. II, 1914; хут. Попов (кург. 19/15), см.: Гос. Эрмитаж, колл. Волго-Донской экспедиции; ст. Елисаветовская (кург. 7), см.: ИАК, вып. 56, 1914, стр. 233; ст. Казанская (кург. 25, 27), см.: ОАК за 1901 г., стр. 79; ст. Грушевская (кург. б/№), см.: колл. НИКМ, № 2788—2793. Краснодарский край: Анапа (кург. 2, 3, 4/1, 5), см.: ОАК за 1894 г., стр. 130—139; ст. Раевская (кург. б/№), см.: ОАК за 1894 г., стр. 172; ст. Курчинская (кург. 4), см.: ОАК за 1880 г., стр. VI—VII. Каменская обл.: ст. Усть-Белокалитвенская (кург. б/№), см.: Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 171; ст. Нижне-Кундрюченская (кург. 2), см.: там же, стр. 170. Ворошиловградская обл.: с. Лучки (кург. б/№), с. Нижняя Дуванка (кург. б/№), см.: Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 133, 137. Харьковская обл.: хут. Пески (кург. 17, 22, 23), хут. Каменка (кург. 1, 7, 12/2, 15, 17, 19, 20), ст. Ясиноватая (кург. 7/2, 8), ст. Переездная (кург. 1/5), хут. Марченки (кург. 27/2), см.: Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 286, 291, 298, 299, 302, 303, 306, 331, 332, 336, 337, 342, 343, 346. Воронежская обл.: хут. Гаевка (кург. б/№), см.: ИАК, вып. 19, 1906, стр. 153, 154; Гос. Эрмитаж, колл. № 612.

[1] Некоторые крайне южные погребения (в Прикубанье) выделяются из остальной массы наличием в них каменных гробов. Вероятно, эта особенность появилась под влиянием местных племен, для которых каменные гробницы были характерны вплоть до XVI в.

[1] В. Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перевод Малеина. СПб., 1911, стр. 80.

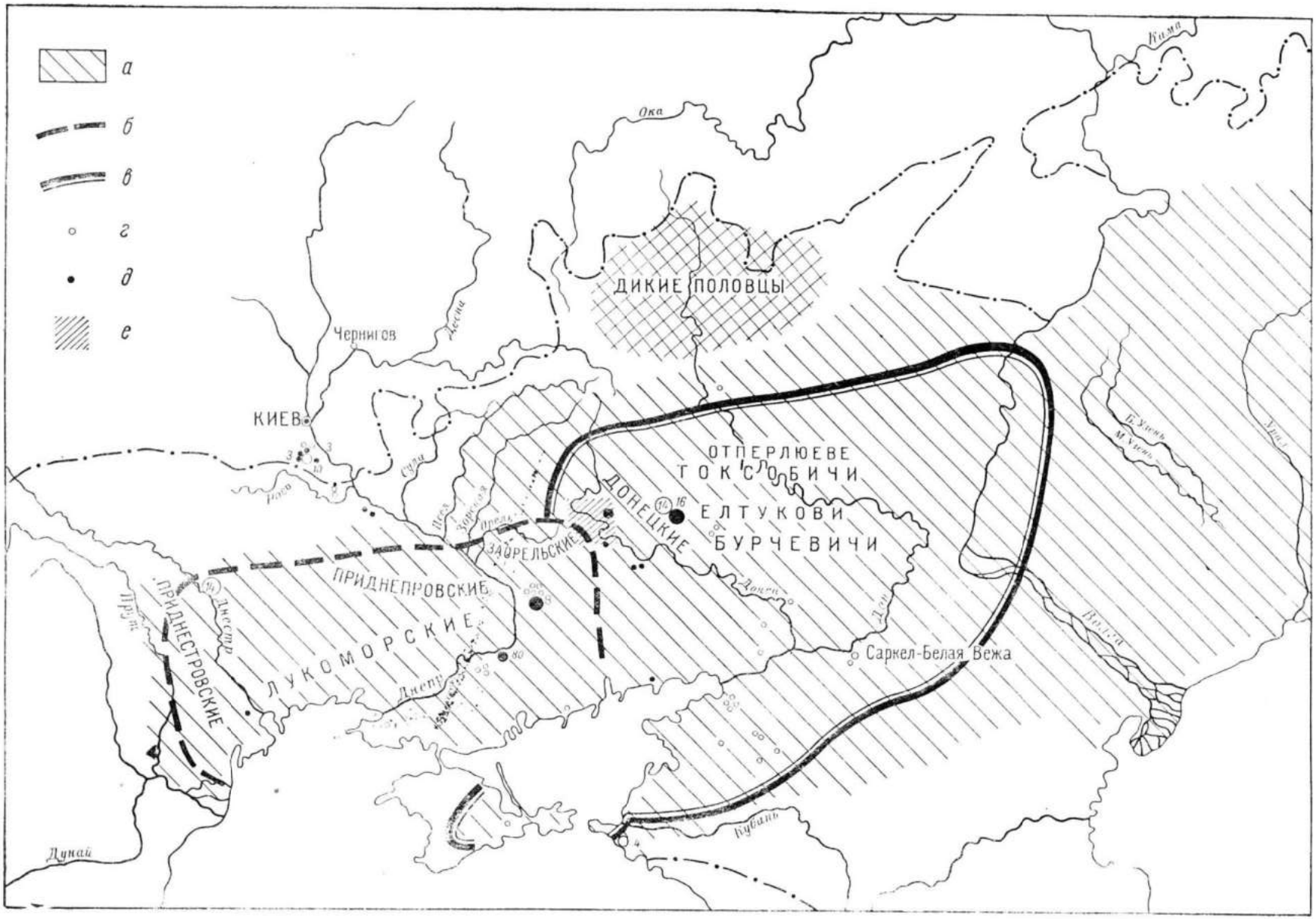


Рис. 12. Карта кочевий половцев в XI—XIII вв. (по письменным источникам и археологическим данным).

а — половецкие кочевья (по летописи); *б* — границы Белой Кумании (по Идриси—Рыбакову); *в* — границы Черной Кумании (по Идриси—Рыбакову); *г* — половецкие погребения (цифра у кружка обозначает количество погребений); *д* — погребения смешанного типа (цифра у кружка обозначает количество погребений); *е* — возможный район половецких городков Шаруканя, Балина, Сугрова.

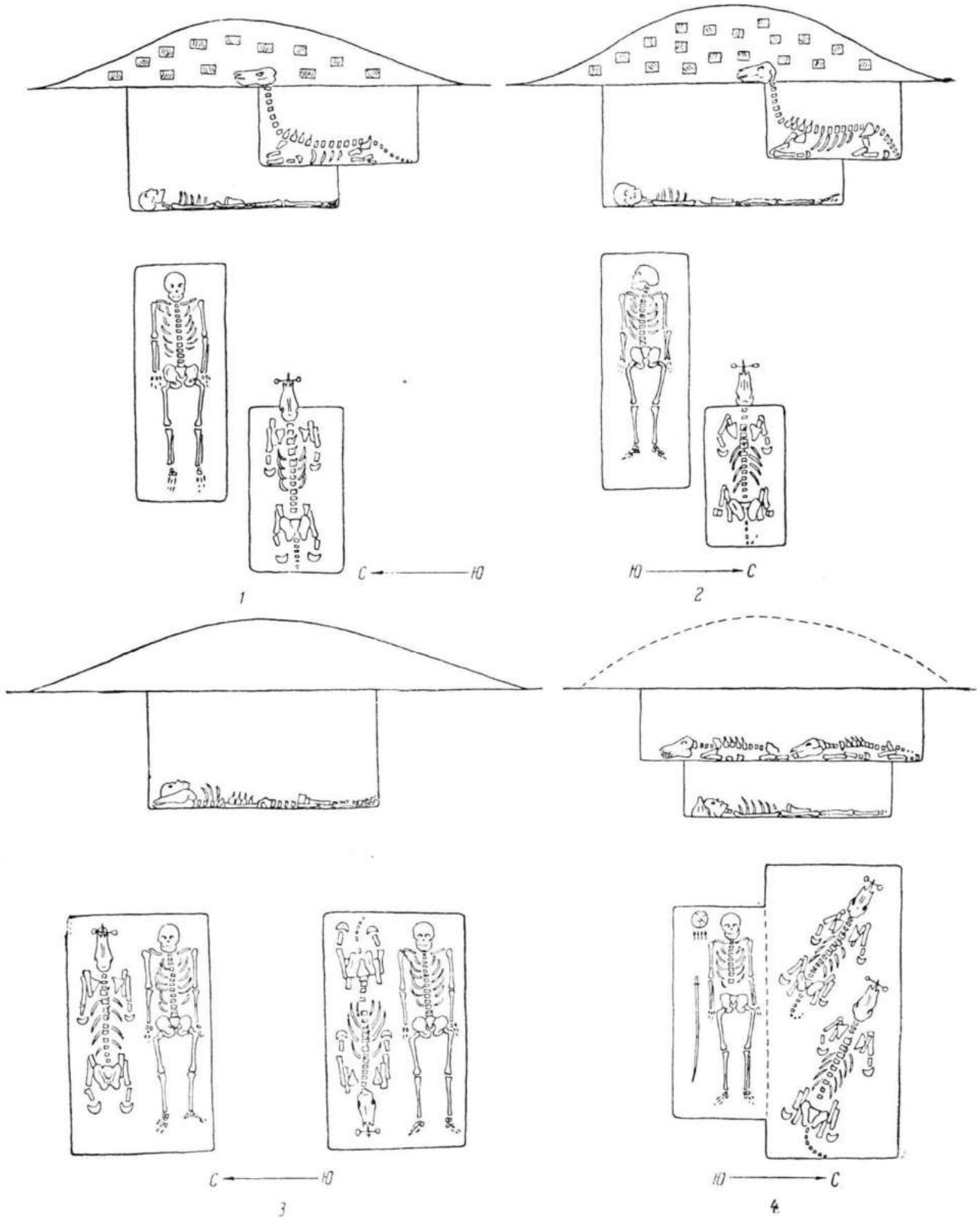


Рис. 13а. Типы погребений половцев.

сом (рис. 14, *1*), большие фигурные наконечники стрел (рис. 16, *7*), прямоугольные кресала (рис. 15, *3*; 16, *1*, *4*), зеркала, имеющие аналогии в Булгаре (XIV в.), и, наконец, костяные пластинки, украшенные пышным звериным и геометрическим орнаментом (рис. 17). Костяные пластинки появились у кочевников, по-видимому, в начале XIII в., особенный же расцвет их производства падает на вторую половину XIII—XIV в. Предметом, встречающимся, как и костяные пластинки, только в четвертой группе, являются серьги в виде знака вопроса с нанизкой-бусинкой на конце (рис. 16, *2*, *3*). Датируются они временем не раньше начала XIII в.

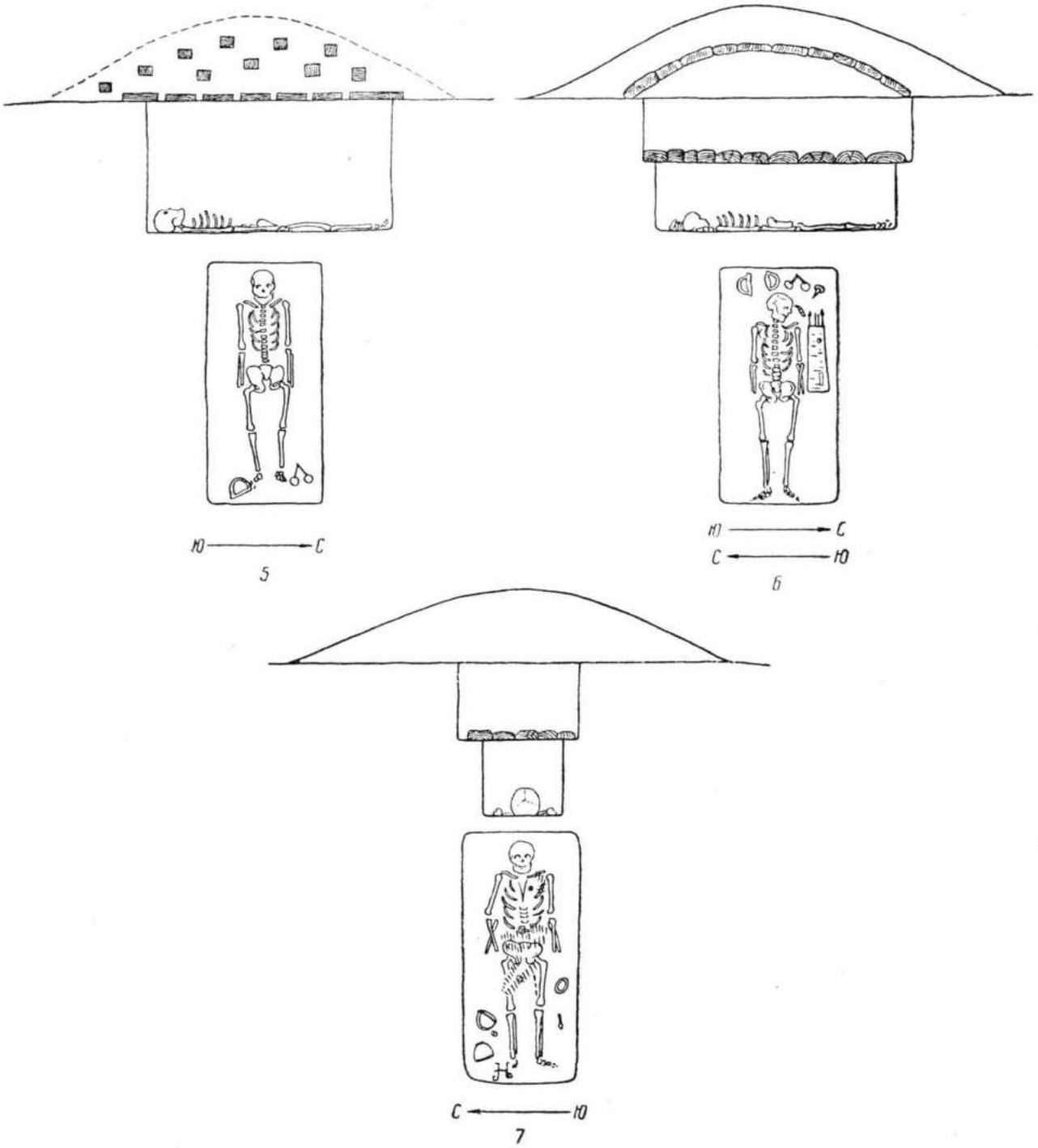


Рис. 13б Типы погребений половцев.

В заключение следует отметить, что в погребениях четвертой группы значительно чаще, чем в третьей, находят зеркала, а также керамику, причем большей частью грубую лепную. Лепные сосуды известны нам в основном по изданиям, в которых указывается, что они имеют форму стаканов с нарезками по венчику и грубыми толстыми стенками. Другой формой лепной кочевнической керамики этого времени (XII—XIII вв.) являются горшки. Один из них найден был в кургане Поросья. Это шаровидный сосуд с выделенным поддоном и нарезным орнаментом-зигзагом по плечикам (рис. 14, *10*). Стаканы и горшки описанных типов аналогичны лепным со-

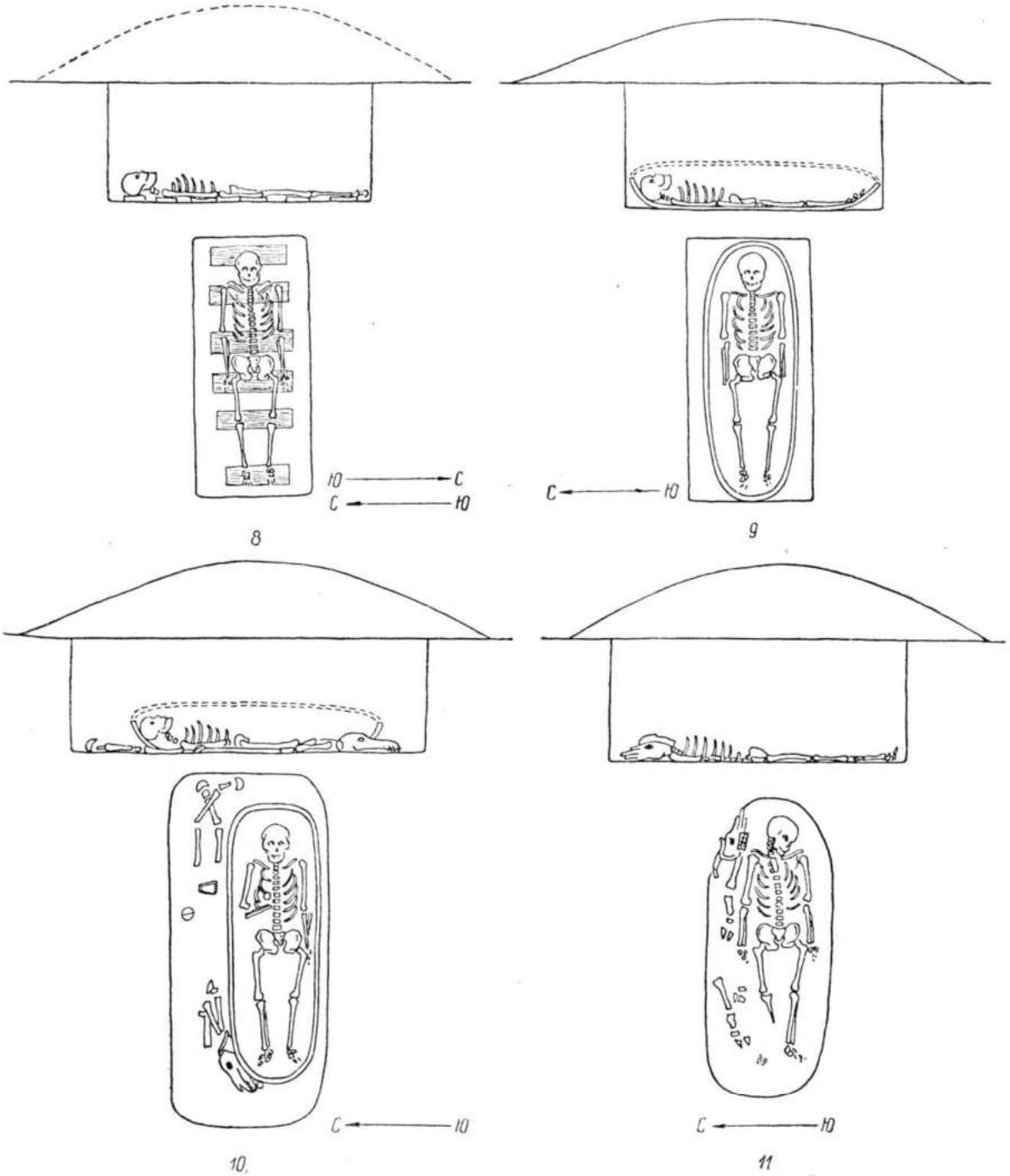


Рис. 13в. Типы погребений половцев.

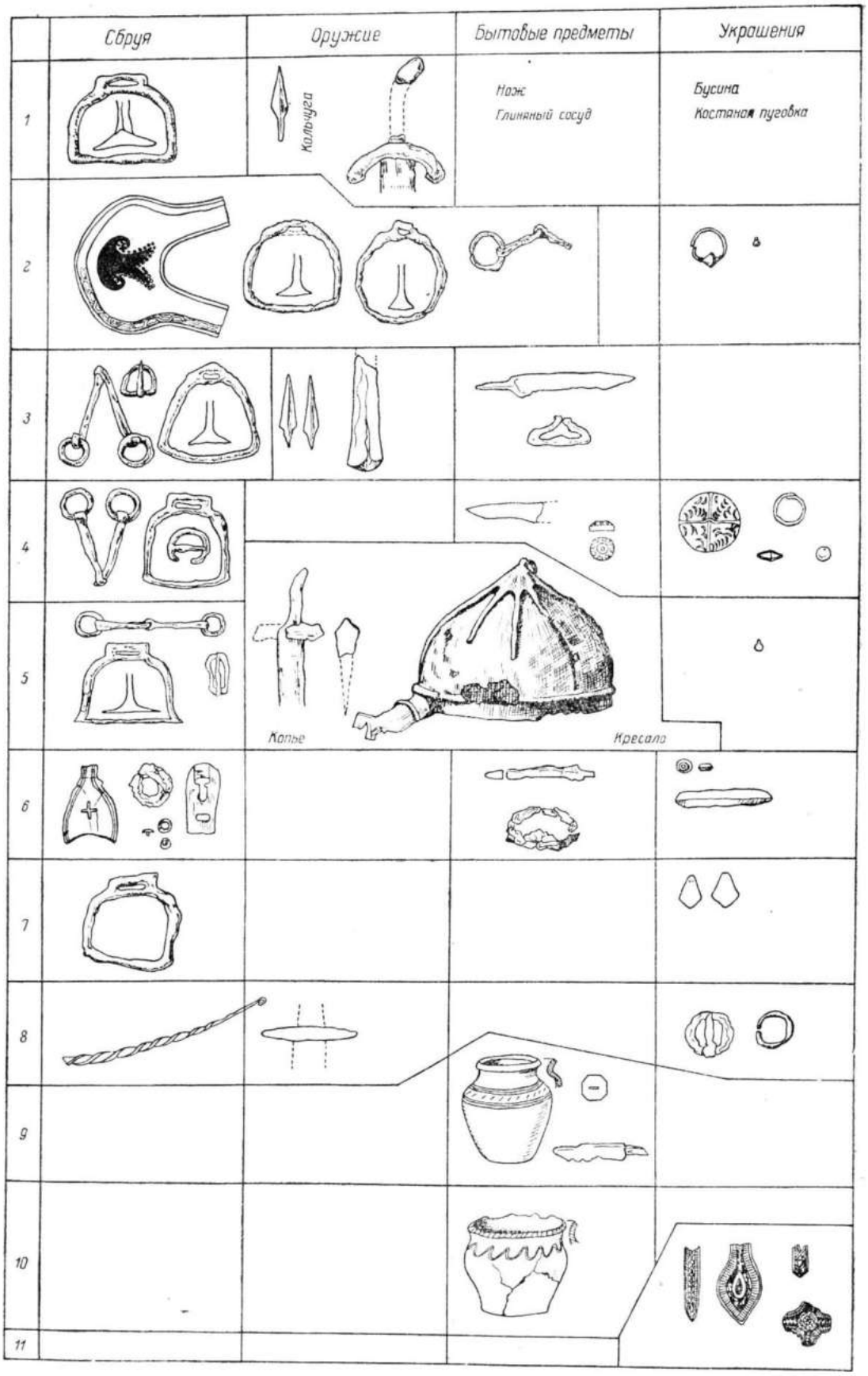


Рис. 14. Половецкие древности XI—XII вв.

1 — Краснодарский край, ст. Раевская, кург. б/№; *2* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 303; *3* — Винницкая обл., хут. Каменка, кург. 433; *4* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 304; *5* — Киевская обл., с. Пешки, кург. 323; *6* — Ростовская обл., Саркел—Белая Вежа, кург. 19/15; *7* — Харьковская обл., хут. Каменка, кург. 122; *8* — там же, кург. 20; *9* — Киевская обл., с. Зеленки, кург. 291; *10* — Киевская обл., с. Березовка, кург. 380/1; *11* — Воронежская обл., дер. Гаевка, кург. б/№.

судам, найденным в слоях XI—XII вв. в Белой Веже. Цилиндрические сосуды с пухлым венчиком изображались обычно в руках каменных статуй (каменных баб). Во всем остальном сходство вещевых комплексов обеих групп настолько велико, что различить их бывает невозможно.

Большинство вещей, встреченных в кочевнических комплексах, не было принадлежностью какого-то определенного народа, а употреблялось всеми кочевниками, являясь порождением эпохи на огромной территории степей от Урала до Дуная, своеобразной «модой», изменяющейся только с течением времени. Особенно ярким проявлением этой «моды» были серебряные полукольца на валиках головных уборов, синие подвески, серьги с коническими нанизками, сферические шлемы (кожаные и железные) на железном каркасе.

Основная масса погребений четвертой группы датируется концом XI—XIII в. Ранних погребений — X—первой половины XI в.— нет совершенно. В то же время поздних комплексов — конца XIII—XIVв. — в четвертой группе значительно больше, чем в третьей, черноклобуцкой.

Пол погребенных определялся по инвентарю, обнаруженному в могилах. Количество мужских захоронений лишь немного превышает количество женских. Антропологическое определение костяков не производилось.

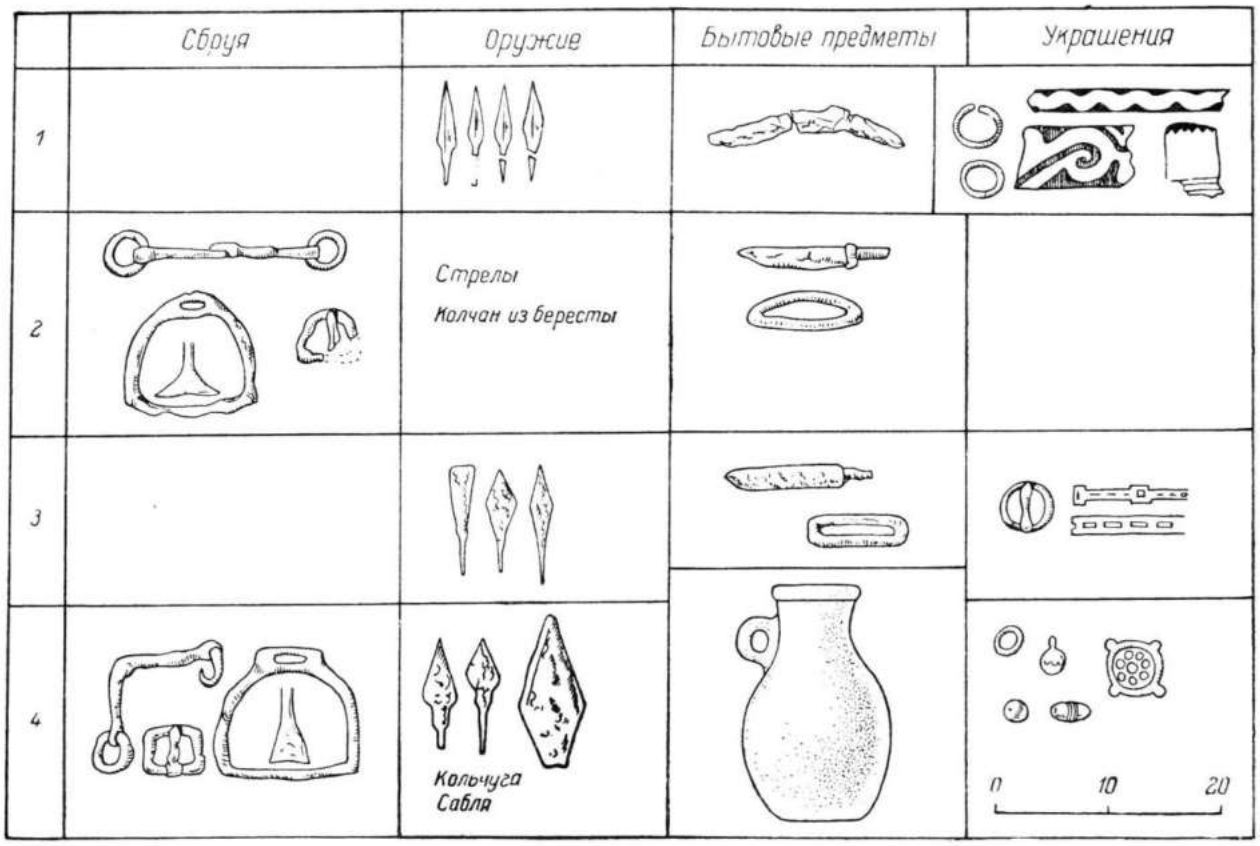


Рис. 15. Половецкие древности XII в.

1 — Крым, с. Мысхако, кург. 1; *2* — Винницкая обл., хут Каменка, кург. 443; *3* — там же, кург. 441; *4* — Краснодарский край Анапа, кург. 5.

Курганы четвертой группы распределены в южнорусских степях, как и печенежские и огузо-печенежские, на огромных пространствах от Днестра до Волги (рис. 12,*а*). В XII—XIV вв. эту территорию, по письменным источникам, занимали кипчаки—половцы, следовательно погребения четвертой группы могли быть оставлены только ими (рис. 12, *г*).

До нас дошло описание половецкого погребального обряда, сделанное в XIII в. В. Рубруком. Описание его настолько обще, что является скорее характеристикой языческого, шаманистского, а не конкретного половецкого погребального обычая. В опи-

сании интересен только один факт, а именно: «Команы (т. е. половцы,— *С. П.*). . . воздвигают ему (умершему,— *С. П.*) статую, обращенную лицом к востоку и державшую

вательно, позволяют датировать статуи примерно XII—XIII вв.

Поскольку торки также ставили в могилу и над могилами статуи, можно пред-

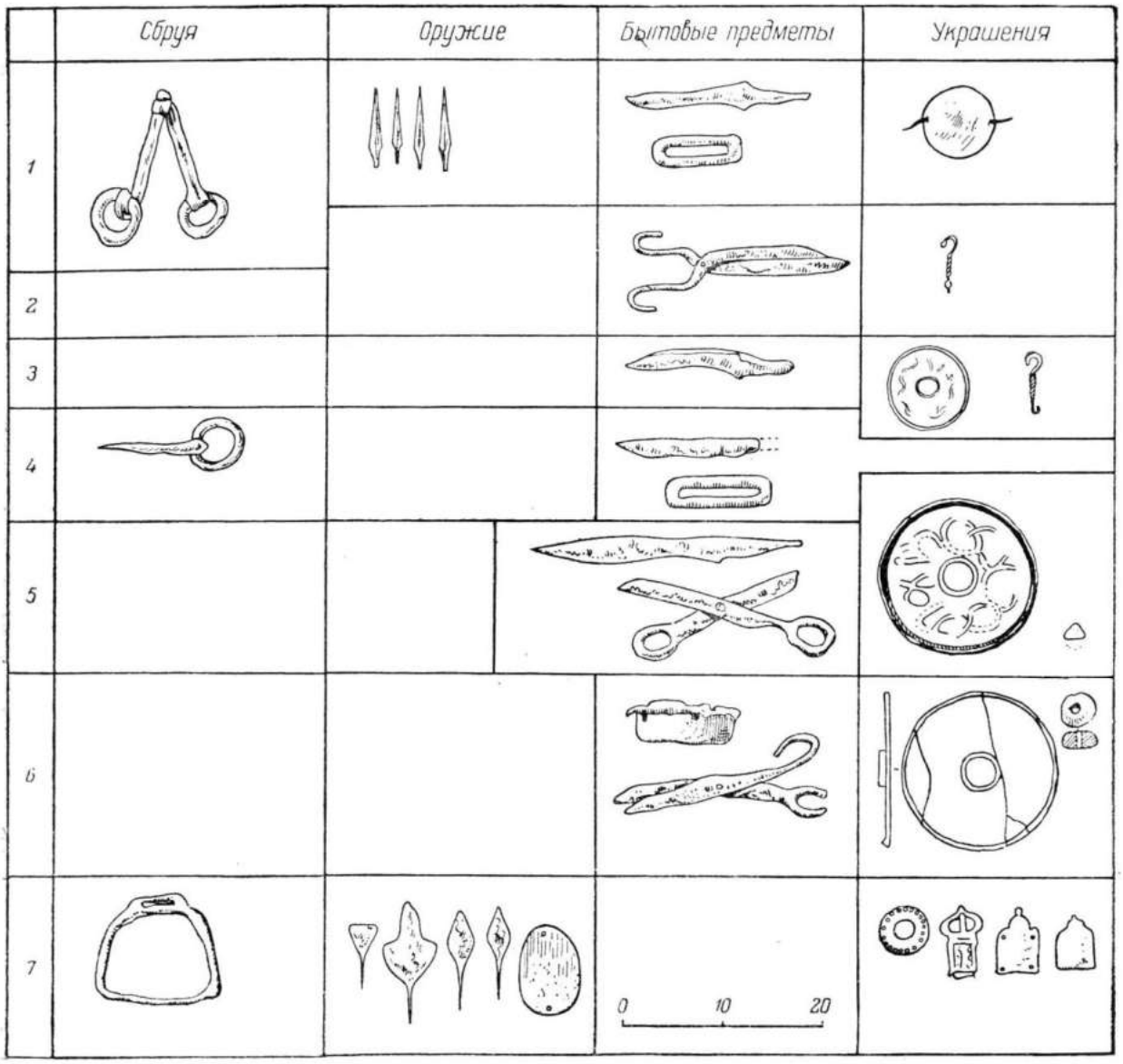


Рис. 16. Половецкие древности XII—XIII вв.

1 — Винницкая обл., хут. Каменка, кург. 434; *2* — там же, кург. 431; *3* — там же, кург. 439; *4* — там же, кург. 430; *5* — там же, кург. 437; *6* — там же, кург. 432; *7* — Днепропетровская обл., дер. Вороная, кург. 7.

у себя в руках перед пупком чашу».[1] В южнорусских степях известно огромное количество этих статуй. Детали их костюма до мелочей совпадают с могильным инвентарем третьей и четвертой групп и, следо-

положить, что эти статуи или хотя бы часть их принадлежали кочевникам, входившим в торческо-печенежский союз. Однако известно, что у торков статуи изображали слуг, а потому изготовлялись крайне небрежно (в Сибири, например, вместо балбалов, изображавших слуг, нередко стави-

[1] В. Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 80.

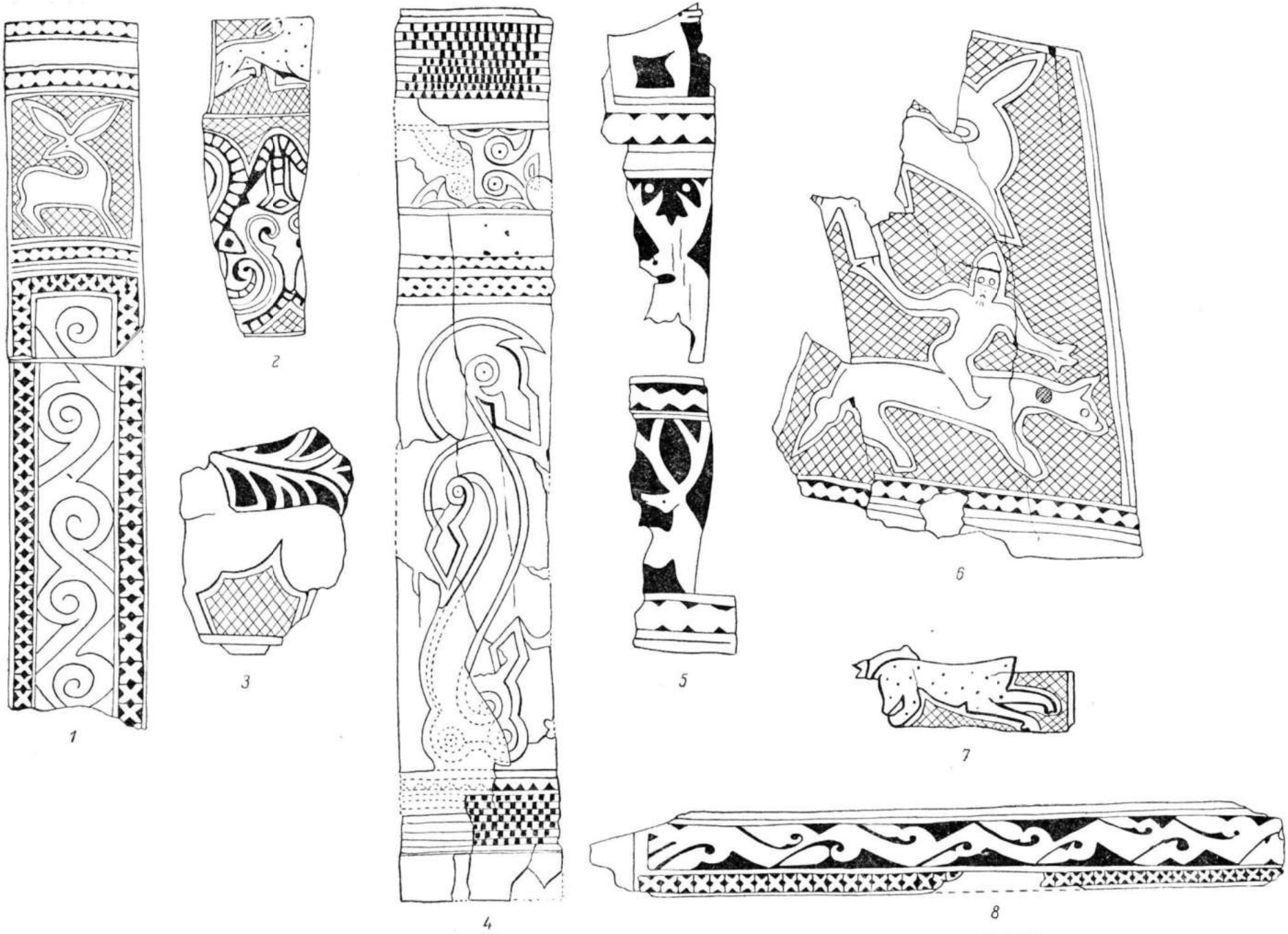


Рис. 17. Костяные, богато орнаментированные накладки на колчаны и седла. НИКМ.

лись простые камни).[1] Половецкие статуи, воздвигавшиеся в честь умерших воинов, естественно, ваялись тщательнее. Другим доказательством половецкой принадлежности статуй является их географическое распространение — их нет в Поросье и у Белой Вежи, в местах наибольшего и безусловного скопления черных клобуков и торко-печенегов, в местах скоплений курганов и курганных могильников, принадлежащих последним.

До середины XI в., т. е. до прихода в южнорусские степи, половцы имели уже большую историю, так как это было одно из крупнейших племен, а позднее и союзов племен в Азии. В VIII—IX вв. кимаки и кипчаки—половцы жили еще за Уральским хребтом, о чем писал Гардизи, пользовавшийся источниками VIII и IX вв. В X в. (по Худуд-ал-Алему) они уже проникали в Заволжье, несколько севернее гузов и печенегов. Движение кипчаков на запад началось, по-видимому, около начала X в. Однако только после того как гузо-печенежские северные объединенные отряды двинулись в начале XI в. за Волгу в южнорусские степи, кипчаки смогли занять Заволжье. В 1055 г. они впервые напали на Русь. Этот год явился началом так называемого южнорусского периода в истории половецкого народа.

19% всех половецких погребений, описанных в настоящей работе, обнаружено в Поросье, т. е. в районе враждебных половцам черных клобуков, на земле вассального Киеву союза. Характерно, что почти все они сосредоточены в одном могильнике у с. Зеленки. Эта компактная группа погребений оставлена, вероятно, половцами, поступившими на службу к киевскому князю, но не влившимися в черноклобуцкий союз. Скорее всего эта была одна из орд так называемых диких половцев, потерявшая в XII в. кочевья в степях и поселенная в Поросье в 90-х годах XII в. киевским князем Рюриком Ростиславичем (см. раздел V настоящей работы). Погребенный на беловежском христианском кладбище половец (кург. 19, погр. 15) тоже был, вероятно, оторвавшимся от своего рода «изгоем», вошедшим в состав живших у Белой Вежи кочевников. Что касается отдельных половецких погребений на территории Поросья, то это могли быть жены половчанки или же половецкие воины — родственники черных клобуков, погибшие во время набега на Поросье. Случаи захоронения умерших родственников, входивших во враждебное племя, вполне вероятны, так как даже русский князь-христианин Святополк в 1096 г. считал своим долгом отыскать после битвы труп тестя-язычника Тугоркана, убитого под Переяславлем, и похоронить его на княжеском кладбище в Берестове.

[1] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния южной Сибири и Монголии. МИА, № 24, 1952.

5

В последнюю, пятую группу могил включено мной 40 комплексов (рис. 18), отличающихся от остальных групп ориентировкой покойника головой на юг или север.[1] Кроме этого первого и основного признака, погребения пятой группы имеют следующие характерные черты:

1. Больше половины всех погребений являются впускными в насыпи предыдущих эпох. Меньшая часть их произведена под небольшими земляными насыпями, аналогичными печенежским и черноклобуцким курганам.

2. Преобладающим типом могил этой группы являются простые глубокие ямы

[1] Харьковская обл.: хут. Ступка (кург. 1), дер. Переездная (кург. 3/2, 3/3, 3/4, 4/1, 4/2, 4/3), хут. Каменка (кург. 3, 8/2, 8/3), хут. Пески (кург. 21/3), хут. Родионовка (кург. 2/1, 2/2, 4/1), дер. Щеглова (кург. 12/2), хут. Марченко (28/1), см.: Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 289, 294, 304, 305, 309, 310, 312, 333, 340, 348; слобода Ямполь (кург. б/№), с. Рай-городок (кург. 2/1), см.: Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 247, 261, 262; г. Славянск (кург. 253), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 106. Днепропетровская обл.: дер. Григорьевка (кург. 1—6), дер. Рыбальская (кург. 1), дер. Афанасьевка (кург. 2, 3), см.: Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 146, 147, 135, 121. Киевская обл.: с. Кагарлык (кург. 235/2), с. Кагарлык—с. Краснополка (кург. 277), с. Краснополка (кург. 224/2), с. Поток (кург. 416), с. Бурты (кург. 289/2, 339, 447), с. Караныши (кург. 391), см.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 5, 6, 42, 47, 76, 79, 106, 137. Черкасская обл.: с. Смела у р. Серебрянки (кург. 14), см.: А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. I, стр. 40; с. Берестняги (кург. 53), см.: там же, т. III, стр. 122—124; Киевский истор. музей, № 4556/2. Одесская обл.: с. Павловка (кург. 2/3), см.: ОАК за 1891 г., стр. 162—163; ГИМ, № 15/4. Сталинская обл.: г. Жданов (кург. Чермалык), см.: ОАК за 1902 г., стр. 59; ГИМ, № 144/64.

с камышовыми подстилками, кусками мела и извести или с углями. Только в некоторых погребениях прослежены деревянные, часто обгорелые накаты и земляные подсыпки над покойником, приступки слева от него, подбои.

3. Подавляющее большинство погребений произведено без одновременного захоронения останков коня. Только в 9 наиболее богатых погребениях рядом с покойником положен был целый остов или голова и ноги коня.

Вещевой материал погребений пятой группы беден и известен нам почти исключительно по отчетам авторов раскопок. Особенно характерно в могилах пятой группы присутствие керамической и медной посуды — кувшинов, горшков, чашечек и даже котлов (посуда встречена в 70% погребений). Формы сосудов неизвестны, так как

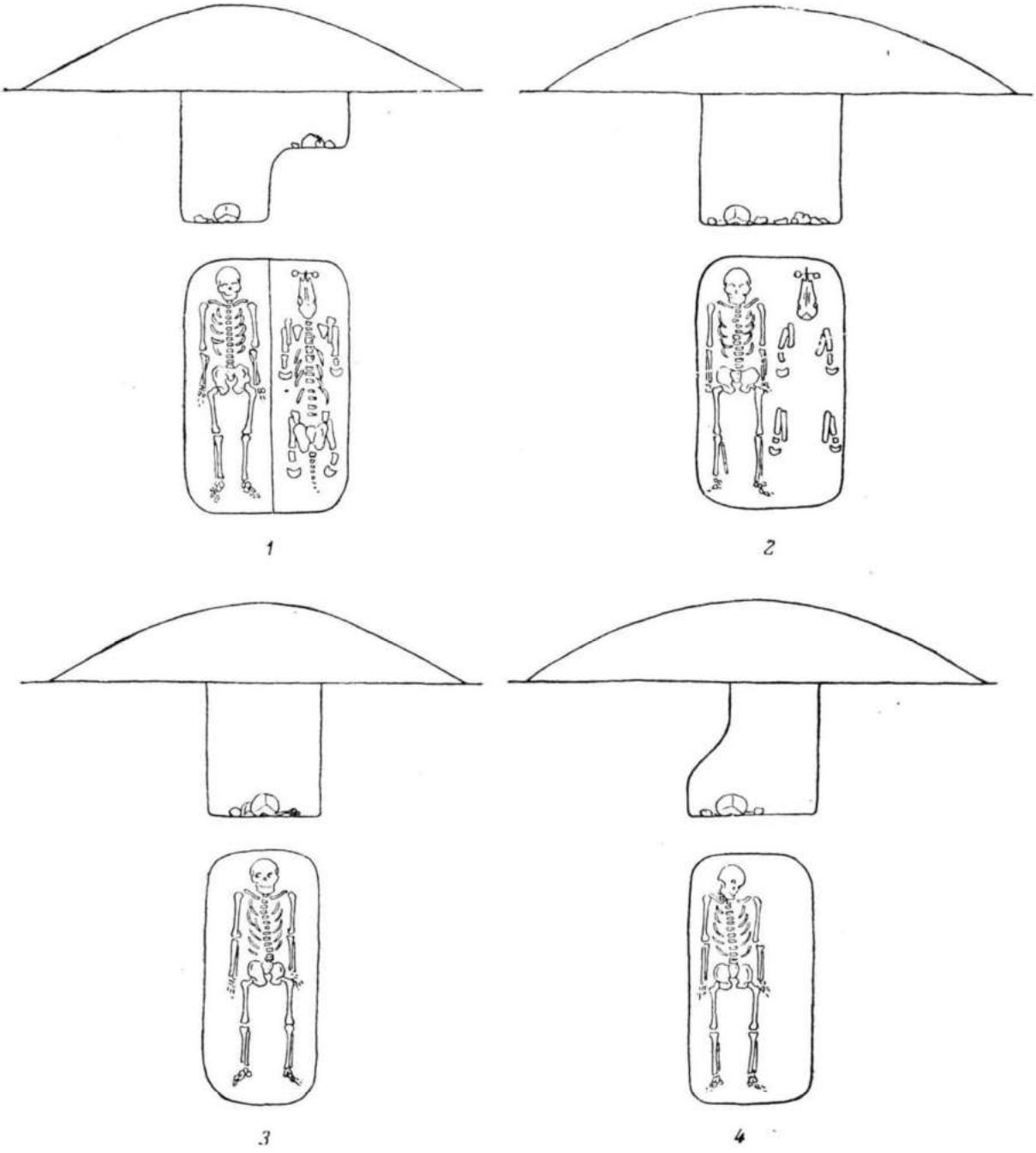


Рис. 18. Погребения смешанного типа (ориентировка по оси север—юг).

ни один из них не дошел до нас, а издававшие материал исследователи не останавливались на описаниях обнаруженной в погребениях керамики.

Нередко попадались в могилах пятой группы кости баранов, коров, лошадей,

Рис. 19. Инвентарь погребения № 53 (Поросье).

причем чаще всего лопатки. Лопатка животного у тюркских народов играла важную роль в шаманистском ритуале;[1] вероятно, и в данном случае лопатка, положенная в могилу, играла скорее роль амулета, чем запаса пищи. В качестве запаса пищи клались в могилу другие части туши — ноги, ребра.

Конская сбруя, оружие, украшения встречаются только в 16 погребениях; шесть из них — с погребением останков коня. Наибольшее количество вещей (оборонительного и наступательного оружия) дало поросское погребение у с. Берестняги (кург. 53). В нем обнаружены замечательные оборонительные доспехи воина: кольчуга, шлем-шишак и забрало — железная маска, выкованная с соблюдением сходства с покойником (вероятно, по слепку лица; рис. 19). Остальное оружие пятой группы — сабли, стрелы, колчаны, копья-пики и наколенники — ничем не выделяется из общей массы кочевнических древностей XI—XII вв. То же можно сказать и о конской сбруе.

Украшения ограничиваются серебряными серьгами-кольцами и мелкими стеклянными синими бусами. Кроме них, в четырех погребениях были обнаружены обломки зеркал.

Расовая принадлежность костяков пятой группы установлена только в двух погребениях. В обоих случаях это европеоиды, причем в одном — долихокран. Пол и возраст покойников определены в 17 погребениях (по инвентарю и указаниям исследователей), из них 8 мужчин, 7 женщин, 2 ребенка.

Географически погребения пятой группы располагаются в основном в районе распространения в VIII—IX вв. салтово-маяцкой культуры на Северском Донце (рис. 12, *д*). С погребениями салтово-маяцкой культуры захоронения пятой группы связываются следующими признаками: ориентировкой, наличием камышовых подстилок, извести, углей и керамики в могилах и (редко) небольших подбоев для покойника в стенках могил.

О датировке погребений пятой группы поздним временем (XI—XIII вв.) говорит инвентарь, а о связях их с кочевниками X—XIII вв. — изменения, происшедшие в погребальном обряде: сооружение курганов, накатов, присыпки и приступок в могилах, захоронения частей коня вместе с человеком.

Все сказанное дает право предполагать, что пятая группа погребений оставлена отюреченным, завоеванным населением донецких степей. То, что в могилах данной группы редко встречаются конская сбруя и оружие, свидетельствует о бедности и даже, может быть, некоторой бесправности этого населения сравнительно с остальными кочевниками. Только самые богатые из них имели право и возможность носить оружие.

Завоеванное население обитало в поселках, расположенных на Северском Донце

[1] В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии. СПб., 1859, стр. 232.

и его притоках. Оно же населяло донецкие городки половцев — Шарукань, Балин, Сугров, упоминающиеся в русской летописи. В 1111 г., когда Владимир Мономах захватил город Шарукань, там, по свидетельству летописца, были христиане, встретившие русского князя как освободителя, а в 1116 г. при захвате другого половецкого городка, Балина, русский князь Всеволод Владимирович вывез оттуда дочь ясского князя, «красну вельми», и женился на ней.

Вероятно, в результате этих походов небольшая часть ясского населения перешла на службу к киевскому князю и влилась в черноклобуцкий союз, о чем свидетельствуют погребения пятой группы, обнаруженные в Поросье. Одно из них, наиболее богатое (рис. 19), принадлежит безусловно князю или предводителю отряда. Другая часть яссов продвинулась под давлением занявших их земли кочевников с Донца в Приднепровские земли (рис. 12, *д*).

К пятой, смешанной группе имеют отношение и погребения из могильника у с. Каменка Запорожской области, раскопанные Э. А. Сымоновичем. Правда, они в значительной степени потеряли характерные для них как свои, местные, так и кочевнические черты (ориентировка у них западная, могилы простые, посуды, остатков ритуальной пищи, курганов над могилами и останков лошадей в погребениях нет). Основным признаком, связывающим покойников из Каменского могильника с местным населением, является антропологическая близость их черепов со зливкинскими черепами, а с кочевническими погребениями их связывает инвентарь (костяные пластинки с пышным растительным узором, зеркала и т. д.). Эти вещи датируют могильник XIII—XIV вв. Вполне возможно, что изменения погребального обряда произошли в связи с принятием этой группой населения христианства. Бескурганные могилы, западная ориентировка и находки крестиков в некоторых из погребений говорят в защиту этого предположения.

В кочевнических древностях Поросья выделяется одно богатейшее курганное погребение, обнаруженное у дер. Королевино под Таганчой (Каневский р-н Киевской обл.). В нем захоронен мужчина, ориентированный головой на запад; вместе с ним положен конь. Инвентарь чрезвычайно богат и разнообразен: стремена, удила, сабля, копье, булава, остатки щита, кольчуга, шлем, медальон с изображением Христа, серебряные накладки, серебряная чаша и т. д.[1] Погребение воина у Таганчи неоднократно вызывало интерес, его считали принадлежащим печенегу (Хойновский), венгру (Хампель), викингу (Арендт), славянину (Нидерле) и, наконец, князю Ярополку Святославичу (Сарновская). Последняя гипотеза основывается на трех положениях: длинноголовость покойника, датировка погребения X в. и сообщение летописца о захоронении Ярополка на Днепре.

Однако датировка погребения ранним временем, X в., вряд ли возможна, поскольку наряду с действительно ранними вещами (образок Христа) в нем встречены вещи, аналогии которым известны в кочевнических комплексах XI—XII в. (удила с большими плоскими кольцами, шлем вытянутой формы с наносником, как в кургане 53). Кроме того, под 1044 г. «Повесть временных лет» сообщает: «. . . выгребоша два князя Ярополка и Ольга, сына Святославле, и крестиша кости ею, и положиша я в церкви святые Богородица»;[2] следовательно, старое языческое захоронение Ярополка Святославича было разрушено еще в середине XI в.

Представитель какого народа похоронен под Таганчой, сказать трудно: в XI—XIII вв. в Поросье мог быть похоронен черноклобуцкий, половецкий и ясский воин или князь.

Вещи при определении этнической принадлежности погребенных не могут играть никакой роли, так как Поросье в XI—XIII вв. было местом, в котором мог появиться человек любой народности и приобрести вещи из всех стран, с какими воевала или торговала Русь. Так, наличие в погребении щита, булавы, чаши, образка Христа, никогда не встречавшихся в погребениях ко-

---

[1] Погребение опубликовано дважды: в 1896 г И. Хойновским, раскопавшим его (Краткие археологические сведения о предках славян на Руси. Киев, 1891), и в 1946 г. В. Сарновской, изучившей его по коллекции, хранившейся до второй мировой войны в Варшавском войсковом музее (W. Sarnowska. Wczesnohistorueznu kurhan z Korolewina nod Tagańeza w pow. Kaniowskim. Swiatowit, t. XX, Warszawa, 1949, стр. 233—297, табл. I—VIII).

[2] Повесть временных лет, ч. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 104.

чевников, а также европеоидность и длинноголовость покойника говорят как будто о христианском и даже русском его происхождении. Тем не менее, очевидно, что в XI—XII вв. русские богатые дружинники не могли хоронить по языческому обряду — с конем и оружием.

Длинноголовый европеоид, т. е., по-видимому, все-таки русский, христианин (судя по образку), принявший кочевническую обрядность, мог быть только бродником, т. е. примкнувшим к кочевникам русским воином. Из бродников в XII—начале XIII в. составлялись целые отряды. Они участвовали в Липецкой (1216 г.) и Калкинской (1223 г.) битвах.

В науке неоднократно высказывалось мнение о том, что бродники — это предки казаков.[1] Казаки часто (об этом говорится в украинских песнях-думках) хоронили воина вместе с его конем. Их предводителями были наиболее выдающиеся воины — кошевые, имевшие знак отличия и власти — булаву. Похороненный в Таганче воин с булавой был, вероятно, кошевым одного из броднических отрядов, положенным с атрибутом его власти — булавой, по бродническому, т. е. казацкому, обычаю с конем и оружием. То, что в Поросье он не был исключением, подтверждается наличием там бедных погребений длинноголовых европеоидов, похороненных по кочевническому обряду (под курганной насыпью, с вещами).[2]

II. ХОЗЯЙСТВО КОЧЕВНИКОВ

1

Для более полного представления о жизни кочевников нужно прежде всего восстановить реальные условия, окружавшие их повседневно. На приложенных к настоящей работе картах (рис. 1, 5, 12) видно, что средневековые памятники, принадлежащие кочевникам, расположены в зоне степей и отчасти лесостепей. Граница леса и степи не могла существенно измениться; пятьсот—тысячу лет назад она проходила по тем же землям, что и сейчас, поскольку распределение почв и растительности по зонам восходит к глубокой древности.[1] Тем не менее картина самой степи изменилась до неузнаваемости. Распашка девственной степи привела к тому, что степь превратилась в желтую, потрескавшуюся и пыльную полупустыню. Только в некоторых местах сохранились типичные уголки девственной степи. Описания их современными учеными почти дословно совпадают с описанием степи, сделанным в 1578 г. Мартином Броневским, польским послом в Крымском ханстве: «. . .почва этих степей чрезвычайно плодоносна и удобна к обработке и населению. По ним растут в изобилии разного рода травы пахучие и чрезвычайно питательные для огромных стад овец и рогатого скота».[3]

Степь не была совершенно безлесной местностью. В. И. Докучаев писал, что «все речные долины наших степей, по крайней мере долины, начало которых находится в лесной полосе России, были одеты смешанной лесной растительностью вплоть до Черного и Азовского морей».[4] Леса стояли сплошными труднопроходимыми чащами, как бы стеной возвышаясь над землей. Русский летописец имел в виду, вероятно, именно такую чащу-стену, употребляя выражение «притиснувше к лесу»,[5] подчеркивающее почти полную непроходимость лесного массива.

Фауна степей была чрезвычайно разнообразной. В XVI в. Мартин Броневский писал, что в степях водились «дикие буйволы, лоси, лошади, олени, однорогие бараны, козлы, вепри и степные медведи».[6] Все эти животные перечисляются в «Половецком

---

[1] В. И. Докучаев. Наши степи прежде и теперь. Избранные труды, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 393.

[1] П. В. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884; А. И. Попов. Кипчаки и Русь.

[2] Киевская обл., с. Зеленки (кург. 300, 318, 392). См.: Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг., стр. 22, 23, 33, 52.

[3] Мартин Броневский. Описание Крыма. ЗООИД, т. 6, 1867, стр. 334.

[4] В. И. Докучаев. Наши степи прежде и теперь, стр. 386.

[5] Ипат. лет., стр. 369.

[6] Мартин Броневский. Описание Крыма, стр. 334.

словаре» (XIII в.), который, расширяя список, называет также волков, рысей, куниц, белок и зайцев.[1]

2

В период IX—XIII вв. у степняков было, судя по составу стада, развитое кочевое хозяйство. Стадо в развитом кочевом хозяйстве состоит из лошадей, овец, верблюдов, коз, крупного рогатого скота. Все эти виды скота перечисляются в составе печенежского, гузского и половецкого стада восточными авторами и русской летописью.

В X в. персидский Аноним сообщал, что хазарские печенеги владеют «всяким скотом и баранами»,[2] а Константин Багрянородный утверждал, что руссы покупают у печенегов быков, коней и овец.[3] По свидетельству Ибн-Фадлана (X в.), богатые гузы владели стадами, состоящими из 10 тыс. лошадей и 100 тыс. голов овец. В состав калыма, платившегося гузами, входили, по словам этого автора, «верблюды или лошади или иное подобное».[4] Наконец, русский летописец, перечисляя полоны, захваченные русскими князьями в степях в 1096, 1103, 1111, 1191, 1193 гг.,[5] подробно характеризует состав половецкого стада. В него входили кони, верблюды, овцы и «скоты», т. е. крупный рогатый скот.

Скот содержался на подножном корму круглый год. Летом корма хватало: травы девственной степи «до такой степени переплетаются между собой, что, пройдя с трудом шагов сто, вы должны отказаться от дальнейшего пути через опутывающую вас зелень — писал В. И. Докучаев. С наступлением осени это море растительности постепенно замирает, травы сильно наклоняются и перепутываются, зимой снег окончательно придавливает их к земле торчат только немногие, самые крепкие стебельки».[1] Таким образом, под снегом образовывались как бы залежи сена. Ими питался скот зимой. Об этом писал Ибн-Фадлан: «. . . чаще всего пасутся овцы на снегу, выбивая копытами и разыскивая траву».[2] Плано Карпини в XIII в., отмечая неприспособленность европейских коней к путешествию по южнорусской степи, объяснял это тем, что «они не умели добывать копытами траву под снегом подобно лошадям татар».[3] В очень снежные зимы скот (особенно мелкий) не мог доставать траву из-под снега и погибал массами.

Боясь падежа скота, кочевники на зимнее время, как правило, перебирались в более южные, малоснежные места. Гардизи в главе о кимаках сообщает, что «зимой они уводят лошадей в отдаленную страну».[4] В. Рубрук в середине XIII в. отмечал, что зимой обитатели половецкой степи спускаются в более теплые страны, летом поднимаются на север — в более холодные».[5]

О породах скота, разводимых кочевниками в IX—XIII вв., судить трудно. Поскольку стада паслись круглый год на подножном корму, и скот жил в естественных условиях, он был, во-первых, очень выносливый, а, во-вторых, будучи выведен табунным способом, мелкопороден и в большинстве случаев малопродуктивен. Повышение общей производительности стада происходило за счет увеличения количества скота, а не качества его. Крупный рогатый скот не только разводили для пищи, но и употребляли в качестве тягловой силы. Быки впрягались в телеги наряду с лошадями и верблюдами (об этом писали Рубрук в XIII в. и Броневский в XVI в.). Одним из источников, по которому можно судить о породе верблюдов, разводимых средневековыми кочевниками, является фреска Софийского собора (над дверью в северную башню). На ней изображен двугорбый верблюд. Представление о нем русский художник вынес,

[1] «Половецкий словарь» или «Codex Cumanicus», — памятник XIII в. Он написан итальянцем, жившим в Крыму, в Солхате, и содержит 1560 половецких слов с переводом их на латинский и персидский языки. См.: K u u n. Codex Cumanicus bibliothecae at templum Divi Marci Venetiarum. Budapest, 1880; А. Н. С а м о й л о в и ч. К истории и критике Codex Cumanicus. ДРАН, апрель—июнь, Л., 1924; Д. А. Р а с о в с к и й. К вопросу о происхождении Codex Cumanicus. SK, t. III, Praga, 1928.

[2] V. F. M i n o r s k y. Hudud-al-Alem. London, 1937, стр. 160.

[3] Константин Б а г р я н о р о д н ы й. Об управлении государством, стр. 5.

[4] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 61, 65, 66.

[5] Ипат. лет., стр. 158, 192, 452, 455.

[1] В. И. Д о к у ч а е в. Наши степи прежде и теперь, стр. 380—381.

[2] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 66.

[3] Плано К а р п и н и. История монголов. Перевод Малеина. СПб., 1911, стр. 5.

[4] В. В. Б а р т о л ь д. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 106, 107.

[5] В. Р у б р у к. Путешествие в восточные страны, стр. 69.

безусловно, из степи, от ближайших соседей, владевших этим животным. Обнаруженные в кочевническом могильнике около Саркела—Белой Вежи останки коня показывают, что в основном это была большеголовая с крепкими массивными конечностями порода, т. е. типичная лошадь кочевников.[1] Другой тип лошади, останки которой найдены в том же могильнике, отличается от первого меньшими размерами головы, узким носом, тонкими и длинными пястными костями (погребение в кургане 37).

В. О. Витт, исследуя остовы коней из Пазырыкских курганов,[2] пишет о двух породах лошадей: первая — грубая, большеголовая, вторая — тоже местная, но возникшая под влиянием других условий, тонконогая, стройная, породистая лошадь, употребляемая только под седло князю. За последними лошадьми был особый уход, их берегли и держали на конюшнях. В. О. Витт замечает по этому поводу, что навес в могиле над остовом коня и подстилка под ним свидетельствуют об особых условиях содержания и кормления коней при жизни.

В ряде южнорусских кочевнических курганов обнаружены были вместе с останками коней остатки крыш над ними и подстилок [3] (рис. 7, *5*, *6*). Наличие этих остатков в погребениях также обозначает, по-видимому, что некоторые лошади были выделены из общей массы и за ними осуществлялся специальный уход. Косвенным подтверждением тщательного ухода за отдельными лошадьми служит наличие в «Половецком словаре» половецких слов: стойло (ayran), скребница (chasrau), попона (eyat yabogi), подкова (naal) и др.[4]

Скотоводство обеспечивало кочевника почти полностью. Оно давало ему одежду, жилище, пищу, средства передвижения по степи. Вот как говорит об этом тюркская легенда о Богач-Джане: «Дай ему бедуинского коня с длинной шеей; пусть он ездит на нем. . .

«Дай ему 10 тыс. овец из твоих стад; пусть они служат этому юноше пищей. . .

«Дай ему красных верблюдов из твоих рядов; пусть они служат ему для вьюков».[1]

3

Основой кочевнического хозяйства было скотоводство. Вместе с тем несомненно, что часть кочевников южнорусских степей под влиянием ряда причин переходила к оседлому земледельческому труду. Причинами этого являлись, как полагает А. Ю. Якубовский, феодализация кочевнического общества и связанное с ней обнищание некоторой части кочевников, а также влияние соседних земледельческих народов.[2]

Все это прекрасно подтверждается этнографами. По данным М. А. Леваневского, казахи после суровой зимы 1879/80 г., во время которой они потеряли весь скот, стали прикрепляться к земле: «занялись посевами хлебов и стали оставаться на зимовищах, готовя запасы хлеба и сена на зиму».[3] Недостаток пастбищ у башкир, по наблюдениям А. Калачева и С. И. Руденко, также вызывал переход к земледелию.[4]

Археология дала нам интересный и показательный материал для установления экономического неравенства кочевников XI—XIII вв., т. е. кочевников гузского—торческого, черноклобуцкого и половецкого союзов.

Все погребения третьей и четвертой групп делятся на три типа:

1) богатые — с дорогими вещами, оружием, сбруей и останками лошадей;

2) средние — с небольшим количеством вещей, состоящих преимущественно из конской сбруи и оружия (удила, стрелы, накладки на луки), и с останками лошадей;

3) бедные — почти без вещей и без костей коня.

Иногда вместо захоронения полагающихся по ритуалу останков лошади в могилу по-

---

[1] На этот тип кочевнической лошади неоднократно указывали этнографы. О небольшом росте степной лошади говорит и русская былина: при описании княжеских коней упоминается «маленький полоненный воронко» (Онежские былины, т. II. Изд. АН СССР, М., 1950, стр. 388).

[2] В. О. Витт. Лошади Пазырыкских курганов. СА, XVI, 1952, стр. 168—169.

[3] Харьковская обл., Изюмский р-н, хут. Черевков, кург. 1/3; слобода Николаевка, кург. 3/2, 4/3. См.: Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 228—231, 264.

[4] Codex Cumanicus, стр. 121, 122.

[1] В. В. Бартольд. Китаби-Коркуд. ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 186.

[2] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 19.

[3] М. А. Леваневский. Очерки киргизских степей. Журн. «Земледелие», кн. IV, М., 1895.

[4] А. Калачев. Очерк современного экономического положения башкир Уфимской губернии. ЖС, вып. II, год IX, СПб., 1899; С. И. Руденко. Башкиры, т. II. Л., 1925.

ложены отдельные ее части (одна нога, одно ребро и т. д.) или же кости коровы.

Выделение малоимущих из общей массы кочевников, а также находки в их могилах костей коровы говорят о том, что часть кочевников не имела возможности заниматься только скотоводством и была полуземледельческой или целиком земледельческой, разводя при этом более подуктивный молочный скот.

Кочевники, по многочисленным свидетельствам древних и современных этнографов, выращивали просо, ячмень, пшеницу, дыни, арбузы, лук, чеснок и некоторые другие культуры. Арбузы кочевники-половцы называли своим, оригинальным, именем, отличным от латинского, персидского и русского, а именно «coun».[1] Слово это до настоящего времени сохранилось в украинском языке — «кавун».

4

Особой, причем значительной статьей дохода в кочевническом обществе был грабеж соседних более цивилизованных стран и связанные с ним выкупы и откупы. В. Г. Васильевский приводит чрезвычайно интересную характеристику кочевников, данную Феофилактом Болгарским: «. . . жизнь мирная — для них несчастье, верх благополучия — когда они имеют удобный случай для войны».[2] В основном во время набегов захватывались пленники-рабы. Половцы, по словам русского летописца, «ездяху по оной стороне Днепра люди емлюще».[3] После удачных набегов кочевники обыкновенно продавали пленников. Об этом опять-таки писал летописец: «. . . много крестьян изгублено бысть, а другое полонено бысть и расточено по землям».[4] Впрочем, кочевники не всегда сразу продавали пленников, очень часто они требовали за них выкуп. Так, Анна Комнин рассказывает, что когда «начальники скифов (печенегов, — *С. П.*) хотели было убить пленных, которых содержали. . . сходка не позволила этого, надеясь выдать их за деньги».[5] Выкуп требовали очень настойчиво; если пленник отказывался дать его, то его убивали или подвергали жестоким мучениям. Так, автор «Жития многотерпеливого Никона, черноризца» писал: «. . .се же все (пытки, — *С. П.*) творяхуть ему окаяннии половци, да даст за себе окуп».[1] Под 1167 г. в летописи записано: «. . . яша половци Шварна за Переяславлем, а дружину его избиша и взяша на нем искуп множество».[2]

Огромные богатства переходили к кочевникам в виде откупов при заключении мирных договоров. Константин Багрянородный с раздражением рассказывает о жадности печенегов, которые «бесстыдно требуют больших гостинцев. . . для себя. . . для своих жен».[3] Анна Комнин так изображает заключение союза византийского императора с половцами: «Алексей, зная изменчивость их мыслей, пригласил их к себе, одарил, угостил и тогда потребовал клятвы и заложников».[4]

Описания подобных откупов со стороны оседлых соседей кочевников постоянно попадаются на страницах средневековых произведений.

5

Несмотря на постоянные войны, обогащавшие некоторую часть кочевников, несмотря на появление в их хозяйстве земледелия, базисом их производства являлось скотоводство. Естественно, что ремесла, возникшие и развившиеся у кочевников, прежде всего были связаны с обработкой продуктов, получаемых от скотоводства. В «Половецком словаре» [5] перечисляется ряд профессий, связанных с обработкой этих продуктов: убойщик скота, мясник, меховщик, сапожник. Судя по свидетельству В. Рубрука о татарах, женщины кочевников делали войлок, а мужчины приготовляли кожи «при помощи кислого, сгустившегося и соленого овечьего молока».[6]

Ведя натуральное хозяйство, кочевники не только обрабатывали продукты, получаемые от скотоводства, но и изготовляли почти

---

[1] Codex Cumanicus, стр. 126.
[2] В. Г. Васильевский. Византия и печенеги, стр. 5.
[3] Ипат. лет., стр. 213.
[4] Ипат. лет., стр. 157.
[5] Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, стр. 334.

[1] Памятники русской литературы XII—XIII вв. СПб., 1872, стр. 96.
[2] Ипат. лет., стр. 362.
[3] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 7.
[4] Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, стр. 375.
[5] Codex Cumanicus, стр. 203—205.
[6] В. Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 78.

все предметы, необходимые для их жизни. Женщины, по данным В. Рубрука, занимались шитьем «сандалий, башмаков и другого платья» из обработанных шкур животных, а мужчины строили дома и повозки, делали луки, стрелы, стремена, уздечки и седла. То, что все эти отрасли производства были хорошо известны тюркоязычным степнякам средневековья, подтверждается «Половецким словарем», в котором дан перечень специальностей и предметов, с ними связанных: портной — игла, нитки, ножницы, пуговицы, шов, наперсток; сапожник — сапог, колодка, шило, подошва, башмак, сафьян; кузнец — наковальня, молот, щипцы, ножи, меха, печь, уголь, таз, железо, серебро, золото, сплав серебра и свинца, олово, латунь; токарь — токарный станок, рубанок, скребок, бурав, пила, циркуль, веревка для измерения, топор, молоток; седельщик, уздечник, лучник, выделыватель стрел, мечник, живописец, каменщик.[1]

Чрезвычайно характерно отсутствие в «Половецком словаре» названия «гончары». Горшки делались женщинами грубо, от руки, или привозились из соседних стран. Гончарный круг не употреблялся кочевниками, а значит, не было у них ни выделенного гончарного ремесла, ни ремесленников-гончаров.

Таким образом, ремесло у кочевников, судя по письменным источникам XIII в., не было выделено в отдельную отрасль хозяйства. Правда, многие из специалистов, указанных в «Словаре», могли быть и ремесленниками. Особенно это относится к таким специальностям, как каменщик, живописец, кузнец-золотоделатель, токарь, работающий на токарном станке. Совершенно очевидно, что прекрасно изваянные каменные статуи воинов и женщин изготовлялись специалистами-художниками. То же можно сказать и о каменных подвесках, находимых почти в каждом женском погребении XII—XIII в., о серебряных полукольцах для головных уборов и некоторых других вещах, характерных и широко распространенных у кочевников.

Ремесленники, как и земледельцы, выделялись из массы кочевников вследствие интенсивного экономического расслоения общества. Это были, видимо, оседавшие в зимовищах бедняки.

[1] Codex Cumanicus, стр. 96—100, 103—104.

6

Кочевники оседали обычно по берегам рек, на местах длительных ежегодных зимовищ. А. Калачев, характеризуя быт башкир (конец XIX в.), пишет, что кочевники, засеяв пашню, «уходили за несколько десятков верст на кочевку. . . Близ пашни устраивались постоянные зимовки — избы, примитивные и жалкие».[1]

Часто зимовища устраивались кочевниками в захваченных и полуразрушенных городах и укреплениях. В X в. в Печенегии «по сю сторону Днепра, в стороне, обращенной к Булгарии. . . имеются опустевшие города», — читаем мы в трактате Константина Багрянородного.[2] Печенежские названия этих городов являются доказательством того, что они не были заброшены печенегами полностью (Тунгаты, Кракпакаты, Салмакаты, Синекаты, Гизукаты). Особенно интересно последнее название — Гизукаты. Этот город был назван по имени известного печенежского князя Гиази и был, по-видимому, главным его зимовищем. Анна Комнин в XII в. писала, что печенеги «взяли несколько местечек и, имея в них некоторую оседлость, возделывали землю и сеяли просо и пшеницу».[3]

Русский летописец называет несколько городков, принадлежащих в XII в. половцам и названных, как и печенежские городки, по имени князей, владевших ими: в записи под 1111 г. названы Шарукань и Сугров, под 1116 г. — Шарукань, Сугров и Балин. Все они расположены на Северском Донце в районе разрушенных еще в конце IX в. печенегами салтово-маяцких крепостей.[4]

Таким же разрушенным городищем-зимовищем была и Белая Вежа, после того как бóльшая часть русского населения покинула ее (в 1117 г.). Верхний слой Белой Вежи характеризуется остатками глинобитных наземных жилищ такого типа, какой описан был М. Броневским в XVI в., со-

[1] А. Калачев. Очерк современного экономического положения башкир Уфимской губернии, стр. 367.

[2] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 16.

[3] Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, стр. 310.

[4] Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г. КСИИМК, вып. XLIII, 1952.

общавшим, что татары «обмазывали свои жилища землей и навозом».[1]

Интенсивное оседание земледельцев и ремесленников в зимовищах постепенно превращало эти последние в небольшие поселения-городки. Зимовища, устроенные на месте разрушенных городов и крепостей, были, видимо, укреплены стенами и валами, однако новые зимовища не укреплялись вовсе и представляли собой вид обширных селищ. В случае опасности кочевники, не защищая их, откочевывали в глубь степи.

Совсем иное значение имели города черных клобуков, подданных киевского князя. Это были небольшие крепости, в которые скрывалось население во время половецких налетов. В летописи под 1150 г. записано: «. . . придоша к нему (Изяславу, — *С. П.*) чернии клобуци, жены своя и дети своя в городах затвориша на Поросьи».[2] Оборонный характер городков объясняется влиянием русских, стремившихся образовать на границе своего государства цепь крепостей, задерживающую половцев.

Помимо городищ-зимовищ, половцы в отличие от печенегов имели под своей властью и настоящие торгово-ремесленные города. Печенегам так и не удалось за 150 лет своего хозяйничанья в степях овладеть ни одним крупным причерноморским городом. Хазарский каганат и Византия были еще сильны, чтобы удержать власть над Причерноморьем. Что касается объединения половцев, то оно, как более сильное и централизованное, вытеснило к концу XII в. с берегов Черного и Азовского морей не только ослабленную и разоренную крестоносцами Византийскую империю, но и Русь, пользовавшуюся в причерноморских городах после разгрома Хазарии и образования Тмутороканского княжества исключительным влиянием. В результате агрессивных действий половцев Тмутороканское княжество перестало существовать уже в середине XII в. В конце XII в. автор «Слова о полку Игореве» включает Тмуторокань в число половецких владений.[3] Половцам же принадлежал и описанный Ибн-ал-Асиром (в середине XIII в.) город Судак (Солхат): «. . . этот город кипчаков, из которого они получают свои товары, потому что он лежит на берегу Хазарского моря и к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, буртасные меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся в земле их».[1] Определяя географическое положение Судака, В. Рубрук подчеркивает огромное торговое значение этого города на пути от Турции до «Северных стран». В «Половецком словаре»[2] даны названия самых разнообразных ремесел, занятий и профессий, необходимых в крупном торговом городе, начиная от купца и кончая брадобреем и трактирщиком.

Таким образом, развитие торговли и ремесел в приморских городах не было задержано кочевниками и протекало так, как в любом из крупных европейских и восточных городов. Получая от торговли огромные выгоды, половецкие ханы, как в свое время хазары, всячески поддерживали ее и способствовали ее развитию, стараясь в то же время захватить все торговые пути, проходившие по их землям. Во второй половине XII в. князь Мстислав Изяславич призывает русских князей «поискати отець своих и дед своих пути», поскольку половцы у них «и гречьский путь изъотимають, и соляный, и залозный».[3] Захватывая пути, половцы поощряли и не грабили даже в случае войны купцов, ездивших по ним. Примером может служить летописный рассказ о том, что в 1184 г. во время крупного похода русских князей в степи им навстречу попались купцы, благополучно прошедшие мимо приготовившихся к битве половецких отрядов: «Устретостя гости, идущь противу себе ис Половец и поведоша, им яко половцы стоять на Хороле».[4] Правда, изредка половцы нападали на русских «гостей», по всей вероятности для того, чтобы заставить их платить пошлину. Так, в 1167 г. во время очередной княжеской междоусобицы половцы «шедше в пороги, начаша пакостить гречником».[5] Упорно борясь за монопольную власть над степной торговлей, половцы более полустолетия вели войну с Белой Вежей — русским торговым го-

[1] Мартин Броневский. Описание Крыма, стр. 337.
[2] Ипат. лет., стр. 279.
[3] Слово о полку Игореве. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 12.

[1] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884.
[2] Codex Cumanicus, стр. 104, 105.
[3] Ипат. лет., стр. 368.
[4] Ипат. лет., стр. 429.
[5] Ипат. лет., стр. 360.

родом, стоявшим почти в центре половецкой земли и связанным с Тмутороканским княжеством. Только в 1117 г. борьба эта закончилась разгромом Белой Вежи, превратившейся после того в небольшой половецкий городок-зимовище.

III. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ, ПРАВО, ВОЕННОЕ ДЕЛО КОЧЕВНИКОВ

1

Письменные источники, в которых в той или иной степени авторы касаются вопросов общественного строя кочевников X—XIII вв., немногочисленны и лаконичны, поэтому восстановить полную картину их общественной жизни не представляется возможным. Другой причиной, затрудняющей изучение общественных отношений кочевников в их динамике, является консервативность кочевнического общества, происходящая от замедленности развития производительных сил в кочевом, скотоводческом хозяйстве. Патриархально-родовой строй характерен для общества скотоводов-кочевников от начала нашей эры до XX в. Естественно, что проследить в нем черты зарождения феодализма, превращения его в полупатриархально-полуфеодальный строй на протяжении трех столетий почти невозможно. Однако из источников очевидно, что общественный строй печенегов, половцев и черных клобуков [1] в период их пребывания в южнорусских степях претерпел значительные изменения, в результате которых в конце XII в. половецкий племенной союз превратился в государственное, хотя и непрочное образование, а черные клобуки вошли в феодальное русское государство.

2

Константин Багрянородный, посвятивший печенегам несколько глав своего знаменитого трактата, обратил внимание читателей не только на дипломатические выгоды дружбы византийцев с дикими печенегами, но постарался разобраться в связях между отдельными ордами и в некоторых обычаях, характерных для печенегов.[2]

Он делил печенегов на две ветви, в каждую из которых входило по 4 округа, т. е. племени. По существу западные и восточные печенеги не представляли собой единого племенного союза. Это были два объединения, с различной территорией и различным этническим составом.

Местоположение кочевий четырех западных (правобережных) племен, с которыми византийцы имели постоянные сношения, Константин указывает с предельной для того времени точностью: «. . . округ Гиазихопон соседит с Булгарией, округ Гила соседит с Туркией, округ Харовои соседит с Русью, а округ Явдиертим соседит с подвластным Русской земле областями, именно Ултинами, Деревленинами, Лензенинами и прочими славянами» (рис. 1, *1*).

На левом восточном берегу Днепра располагались кочевья округов Кварципур, Сирукалпеи, Вороталмат и Вулацоспон, обращенные «к восточной и северной сторонам Узии, Хазарии, Алании, Херсону и прочим Климатам». Несмотря на то, что византийцы безусловно общались и с восточными племенами, поскольку последние граничили с Херсоном и «Климатами», Константин не счел нужным указывать точно местонахождение каждого из них. Мы знаем только из сочинения Иосифа-бен-Гориона, что племя тилмац, или вороталмат, кочевало на берегах Волги. Как располагались остальные три племени на огромных пространствах между Днепром и Доном, неизвестно (рис. 1, *1*).

Восемь округов, или племен, печенежских делились на 40 частей, или родов, т. е. в каждое племя входило 5 родов. Родоплеменная структура печенежского общества по схеме 1 : 2 : 2 : 2 : 5 (40) существует и поныне у каракалпаков.[1] Во главе племен стояли «великие князья»,[2] во главе родов — «меньшие князья». Князья выбирались на племенном совете, в который входила вся разбогатевшая родовая верхушка. О существова-

[1] Общественному строю гузов посвящена значительная часть монографии акад. В. С. Гордлевского «Государство сельджуков Малой Азии» (М., 1941).

[2] Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 1—9, 13, 14, 38, 40, 42.

[1] Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. АЭХЭ, М., 1952, стр. 481.

[2] Во времена Константина Багрянородного имена князей 8 округов были: Куэль, Куркут, Ипай, Кондум, Коста, Ватан, Гиази, Манну.

нии таковой у печенегов говорит наличие богатых погребений. Русский летописец называет ее представителей «лучшие мужы в родах». В венгерских летописях говорится, что из числа последних избирались все должностные лица: сотники, десятники и т. д.[1] Наличие родовой верхушки подтверждается свидетельствами епископа Бруно (XI в.) и Анны Комнин (XII в.).[2]

Роль племенных и родовых князей сводилась главным образом к роли военачальников. Общего военачальника над всеми восемью округами-племенами у печенегов не было. Каждое племя действовало, по-видимому, в значительной степени самостоятельно. Во время грабительских войн власть князей и родов, к которым они принадлежали, усиливалась, в их руках сосредоточивались огромные богатства. Все это привело к тому, что власть некоторых родов стала наследственной. Причем интересно, что власть наследовалась не по прямой линии, а племянником или двоюродным братом.[3] Узурпация власти отдельным родом вызывала недовольство аристократии других родов. На этой почве возникали междоусобицы, подрывавшие силы и без того непрочных племенных объединений печенегов. Примером междоусобной смуты является разгоревшаяся в среде причерноморских печенегов борьба между правящим богатым родом Тираха и родом Кегена, описанная в XI в. византийцем Кедриным.[4]

Епископ Бруно и Анна Комнин противопоставляют совету старейшин народные собрания, которые Бруно именует советом, а Анна Комнин сходкой. Совет-сходка всех печенежских воинов собирался в исключительных случаях, чаще всего во время походов, когда аристократии приходилось считаться с мнением рядовых кочевников. Таким образом, у печенегов прослеживаются все органы военной демократии, а именно совет старейшин, выбранные на совете военачальники и народное собрание.

Во время военных походов печенеги захватывали огромное количество рабов, которых они затем в подавляющем большинстве случаев продавали. Кроме того, ал-Бекри сообщал еще об одном чрезвычайно интересном использовании пленников: печенеги предоставляли военнопленным «на выбор, желают ли они оставаться у них на условиях полной равноправности и даже вступления в брак у них, если того пожелают, или быть отправлены обратно в безопасное для них место».[1] Такие «равноправные» пленники превращались в силу обстоятельств в вассалов отпустившего их рода, поскольку у них не было ни собственной земли, ни скота для ведения самостоятельного хозяйства. Возможно, что в подобных случаях имел место обычай суан, охарактеризованный С. П. Толстовым[2] как «зерно кочевого феодализма»: богач давал бедняку на выпас скот, от которого бедняк кормился и за это пас стада сюзерена и выполнял другие порученные ему работы.

Рабов, судя по письменным источникам, у печенегов не было. Можно только предполагать, что оставленные печенегами для себя женщины-пленницы в единичных случаях превращались в рабынь и даже убивались на похоронах мужчины, о чем говорит парное печенежское погребение, обнаруженное в большом кургане под Кишиневом.[3]

Сообщение ал-Бекри о «равноправных» пленниках-вассалах имеет огромную важность, поскольку означает, что внутри рода племенного печенежского общества появились разлагающие его элементы феодализма. Однако они не получили, по-видимому, достаточного развития во время пребывания печенегов в южнорусских степях. В этот период истории печенегов для них была характерна высшая стадия родо-племенного строя — военная демократия. Об этом свидетельствует самая политика печенегов — политика постоянных войн, грабежей и разорения соседних земледельческих стран.

3

Восстановить географию половецкой земли по имеющимся источникам значительно труд-

---

[1] А. Куник. О торкских печенегах и половцах по мадьярским источникам. ЗАН, т. III, вып. 5, 1855.

[2] Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Л., 1936, стр. 76; Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, стр. 334.

[3] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 16.

[4] В. Г. Васильевский. Византия и печенеги, стр. 9—14.

[1] А. Куник и В. Розен. Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах, ч. I. СПб., 1878, стр. 60.

[2] С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. Изв. ГАИМК, вып. 103, I, 1934, стр. 188.

[3] Изв. Молдавск. фил. АН СССР, № 5 (25), Кишинев, 1955, стр. 48.

нее, чем печенежской, так как единого и связного описания ее, подобного описанию византийского императора, не сохранилось. Русская летопись дает материалы только для того, чтобы определить расположение отдельных половецких орд.[1] Об объединении этих орд в две группы, или два союза, говорится в «Географии» XII в., написанной арабом Идриси. Анализ этого источника был сделан Б. А. Рыбаковым.[2] Благодаря его работе стало очевидно, что Половецкая земля (Дешт-и-Кипчак) делилась в середине XII в. на Белую и Черную Куманию. Белая, или Западная, Кумания включала в себя приднестровские и приднепровские орды. Центром Черной Кумании был Северский Донец. В нее входили земли, перечисленные в «Слове о полку Игореве» под общим названием «земли незнаемой», на которую двинулся Игорь Святославич в 1187 г., — Волга, Поморье, Посулие, Сурож, Корсунь, Тмутороканъ.

Таким образом, деление на два крыла (или ветви) характерно было как для печенегов, так и для половцев. Б. А. Рыбаков справедливо замечает, что деление племен на две ветви является обычным у многих тюркских народов (в частности, у хазар).

Структура половецкого общества внешне мало отличается от того общественного устройства, которое прослежено у печенегов. Основой уклада в XI и даже в XII в. продолжал оставаться патриархальный род. В источнике XII в. — «Житии черноризца Никона» говорится о половчине, который «крестися и бысь монах и с родом своим».[3] Еще под 1172 г. летописец упоминал: «Кончак с родом своим».[4] Роды объединялись в более крупные образования. В летописи неоднократно встречаются названия: Отъперлюеве (1152 г.), Токсобичи (1152 и 1147 гг.), Елтукови (1147 г.), Бурчевичи (1193 г.).[5]

Значение, которое придает летописец перечисленным группировкам, заставляет предположить, что это были не роды, а племена, или орды. О существовании последних у половцев было известно итальянцам даже в XIII в.: слово «orda» в «Половецком словаре» переведено по-латыни как «curia». Все это говорит как будто о крепости родоплеменных отношений в половецком обществе. Несмотря на это, из источников становится очевидным, что половцы переживали период бурного разложения родо-племенного строя, хотя многие внешние черты последнего оставались у них вплоть до татарского нашествия. Внешняя патриархальная оболочка долгое время скрывала от исследователей сущность половецкого общества, ставшего к началу XII в. феодальным.

Общественная дифференциация половцев подтверждается прежде всего их экономической дифференциацией, установленной благодаря анализу половецких погребений (богатые и бедные погребения). Половцы разделились в XII в. на ряд экономически и политически различных групп. Какие это были группы, говорит, на наш взгляд, следующая фраза летописца: «. . .ополонишася Ростислав и черниі клобуце. . . челядью и колодники много взъимаша, княжичевых и добрым мужи».[1] Как видим, кроме княжичей и «добрых мужей», в цитате говорится о колодниках и челяди. Колодниками летописец считал только взятых в плен воинов. В 1111 г. непосредственно после боя и победы над половцами русские разговаривали с колодниками, а в 1103 г., когда русские взяли вежи, упоминается челядь, а не колодники. Таким образом, половцы разделены летописцем на две группы — на воинов-хозяев и на челядь, зависимую от первых, называемую «Половецким словарем» «eudági epči» (лат. «famulu»), т. е. «домашние рабы».[2] О последних говорится и в «Сказании о пленном половчине»: половец «повеле рабам своим нарядитися и стадо коней отлучити».[3]

Тот же источник — «Сказание о пленном половчине» — свидетельствует о разложении рода, о появлении новой общественной единицы — семьи: «. . .иде в дом свой и созва весь род свой и племя (т. е. семью,

---

[1] Пользуясь русской летописью, К. В. Кудряшов в сборнике «Половецкая степь» (М., 1948) составил карту расположения половецких орд Приднепровья.

[2] Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г.

[3] Памятники русской литературы XII—XIII вв. стр. 96.

[4] Ипат. лет., стр. 375.

[5] Араб Эннувейри в XV в., ссылаясь на летопись эмира Руккеддина Бейбирса, приводит названия половецких (кипчакских) племен: Токсоба, Иета, Бурджоглы, Бурлы и др.; см.: В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, стр. 540—541.

[1] Ипат лет., стр. 455.

[2] Codex Cumanicus, стр. 93, 103.

[3] Памятники старинной русской литературы, т. I. СПб., 1860, стр. 73.

— *С. П.*)».[1] Глава семьи владел всеми богатствами независимо от рода, который в свою очередь не оказывал ему материальной поддержки. Вполне возможно, что понятие «семья» тождественна понятию «чадь», с которым мы встречаемся неоднократно на страницах летописей (1147, 1170, 1172 гг.). В феодальную семью, по словам акад В. Я. Владимирцова, включались не только близкие — домочадцы и челядь, но и воины-дружинники (нукеры) хана или баатура.[2] И. И. Срезневский трактует «чадь» как «дети, люди, народ, свои, товарищи, дружина», а Даль — как «дружина, ополчение, челядь».[3] Таким образом, понятие «чадь» в их толковании объединяет все составные элементы феодальной семьи.

Появление у половцев семьи — ячейки классового общества — по существу уничтожало родо-племенную структуру. Старые родовые традиции существовали в дальнейшем только формально, прикрывая хищнические тенденции феодальной верхушки половецкого общества. Иерархическая феодальная лестница заключала вассальные отношения половцев в строгие и продуманные рамки. Внизу лестницы стояли свободные половецкие воины — главы феодальных семей. Наиболее богатые из них назывались русским летописцем «добрыми мужами» или «господичичами». «Половецкий словарь» именует их беями (лат. «baron», перс. «эмир»).[4] Как беи, так и бедные, но свободные главы семей были вассалами беков — князей, стоявших во главе родов («княжичи» по русской летописи). Беки в свою очередь подчинялись главам орд или племен, называемым в «Словаре» солтанами (лат. «rex»).[5] Правители половецких племенных союзов назывались у половцев ханами (лат. «imperator»).[6] Сила и прочность власти ханов зависела от их военной активности; если хан возглавлял и организовывал постоянно военные походы, обогащающие аристократию, она поддерживала его, власть хана возрастала почти до абсолютной. Такими могущественными ханами были Боняк и Тугоркан, делившие власть над Белой Куманией в конце XI—начале XII в., или хан Шурукань, владевший Черной Куманией. В первой половине XII в. власть ханов свелась к минимуму, вероятно в связи с многочисленными удачными походами русских в глубь степи, разгромивших оба объединения половцев (Белую и Черную Куманию).[1] Именно этим можно объяснить слова еврейского путешественника Петахьи: «. . .куманы не имеют общих владетелей, а только князей и благородные фамилии».[2] Князьями Петахья именует, вероятно, солтанов, возглавлявших орды, а «благородные фамилии» — это беи и беки, богатые главы семей и родов.

Власть ханов и солтанов по старым племенным обычаям была выборной и ограничивалась советом старейшин — съездом аристократии, описанным в XII в. печерским монахом в одном из житий: «. . .приключился сному быти князем их и вельможем, съехавшемся мнозем».[3] Однако ханы и солтаны, как и в печенежском обществе, могли избираться только из определенных богатых и знатных родов, и поэтому власть их по существу оставалась наследственной, хотя и не передавалась по прямой линии от отца к сыну. Так, в начале XII в. Боняк передал власть брату Таазу, а уже у Тааза наследовал ее сын Боняка — Севенч. Точно так же, по-видимому, Шарукану наследовал Сугр (брат?), а после Сугра власть пришла к сыну Шаруканя, Сырчану, и затем к внуку Шаруканя и племяннику Сырчана — Кончаку.

Развитие феодальных отношений в половецком обществе, борьба антагонистических классов привели в конце XII в. к необходимости создания сильной центральной власти. В качестве хана — объединителя всей половецкой земли был выдвинут половецкой аристократией хан Кончак. Вся политическая деятельность Кончака была направлена на создание из разрозненных

---

[1] Памятники старинной русской литературы, т. I. СПб., 1860, стр. 73.

[2] В. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 95.

[3] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III. СПб., 1912; В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М., 1955.

[4] Codex Cumanicus, стр. 104—105.

[5] Codex Cumanicus, стр. 104—105.

[6] Codex Cumanicus, стр. 104—105.

[1] Так, в 1103 г. пассивная политика князя Урусобы в отношении Руси привела к тому, что «уньшие», т. е. рядовые, половцы вышли из повиновения и без его согласия двинулись на Русь (Ипат. лет., стр. 183—184).

[2] П. В. Марголин. Три еврейских путешественника XI—XII вв. СПб., 1881.

[3] Хрестоматия по русской истории. СПб., 1870, стр. 1281.

половецких орд и эфемерных союзов единого государства с крепкой наследственной властью. По-видимому, в какой-то степени ему удалось добиться этого, поскольку известно, что наследником Кончака был его сын — Юрий Кончакович, названный русским летописцем «больший всех половец». Государство Кончакидов не имело еще ни стройной налоговой системы, ни управленческого аппарата, ни достаточных средств для поддержания власти хана. Неокрепшее и рыхлое, оно распалось и бесследно исчезло при первом же столкновении половецких войск со скованной железной дисциплиной феодальной армией татаро-монголов.

4

Что касается черных клобуков, то общественный строй их, как и у половцев XII в., характеризуется чертами полупатриархального-полуфеодального быта. Семья с «клиентами» — «чадь» — существовала и у черных клобуков, о ней дважды упоминается в русской летописи.

Социальное устройство черных клобуков в значительной степени было подчинено социальному строю Киевской Руси, так как они были гражданами этого государства и вассалами русских князей. Наверху иерархической лестницы стояли «лепшие мужи» и князья, возглавлявшие роды, т. е. беки. Верховными владетелями черных клобуков, такими, как ханы у половцев, являлись русские князья, которым черные клобуки служили. Для поросских кочевников это были киевские стольные князья. В конце XII в. Поросье с центральным городом Торческом стало одним из уделов киевского князя, который давал этот удел наиболее удалым князьям. Это было последним шагом к включению Поросья в систему феодального государства.

5

Правовые отношения кочевников совершенно не освещены источниками. Исключением является право половцев, определенное русским летописцем: «половци закон держать отец своих».[1] О двух основных законах так называемого обычного права говорится далее: «крови проливати, а хвалящуся о сем» (обычаи кровной мести), «поимають мачехы своя и ятрови» (обычай левирата).

Араб Ибн-Батута отмечает еще один закон обычного права, бытовавший у кипчаков-половцев: «. . . у скотины их нет ни пастухов, ни сторожей вследствие строгостей постановлений их за воровство. Постановление же их по этой части такое, что тот, у кого найдут украденного коня, обязан возвратить его хозяину его и вместе с тем дать ему 9 таких же [коней], а если он не в состоянии сделать это, то отбирают у него за это детей его, если же у него нет детей, то его зарезывают».[1] Подобный закон обычного права сохранился до XVII в. у бурят, о чем писал С. А. Токарев. Там за кражу лошади вор должен был отдать 7 лошадей.[2]

Специальных судей у половцев не было, однако понятие «судья» (половецк. «yarguzi», лат. «potestas») существовало (см. «Половецкий словарь»).[3] Вероятно, знатоки обычного права в качестве судей жили только в крупных торговых городах с этнически пестрым населением, подобно тому, как жили судьи для язычников в хазарском Итиле. Судьи следили за исполнением законов половцами и разъясняли их представителям других народов в случае недоразумений, возникавших между ними и половцами.

6

«Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот», — писал Энгельс.[4] У кочевников, для которых война и грабеж являлись одним из основных средств обогащения, военная организация была неразрывно связана с общественным строем. В период военной демократии и позднее, при феодализации кочевнического общества, войско не отделялось от народа, поскольку «вооруженный народ и был войском», и участие в «войске было правом и обязанностью всех свободных».[5] Этим обстоятельством объясняются огромные по тому времени размеры кочевнических войск, которые,

[1] Ипат. лет., стр. 9.

[1] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, стр. 282.

[2] С. А. Токарев. Памятник обычного права бурят XVII в. Истор. архив, т. II, М.—Л., 1939.

[3] Codex Cumanicus, стр. 104.

[4] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, М., 1945, стр. 156.

[5] Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 347.

по образному выражению русского летописца, выступали «аки борове и не бе перезрети их».[1]

Основной тип войска у кочевников — конница. Она делилась на два вида — легкую и тяжелую. В мужских могилах X—XIII вв. встречаются погребения воинов трех видов:

1) погребения с конем или без него, с остатками лука и наконечниками стрел;

2) погребения с конем, взнузданным и оседланным, с пикой-копьем, остатками лука, стрелами, колчаном, иногда с остатками кольчуги и с саблей;

3) погребения с конем, взнузданным и оседланным, богато украшенным сбруей, с полным набором наступательного оружия (саблей, пикой, луком и т. д.), как правило, со шлемом и кольчугой; в некоторых случаях оружие покрыто серебряной насечкой и в могилу положены дорогие, серебряные и золотые предметы.

Первый вид — воины-стрелки, входившие в легкую конницу. Во время расцвета военной демократии легковооруженные воины выделялись из наиболее молодых и ловких наездников, с разделением же общества на классы эта часть войска стала составляться преимущественно из беднейших кочевников, лишенных возможности приобрести более дорогие доспехи. Второй вид воинов — всадники с пикой и саблей (лук и стрелы обязательны для всякого кочевника), составлявшие тяжелую конницу кочевников. Третий вид — богатые и знатные воины. Они не составляли специальных отрядов, а входили в тяжелую и легкую конницу в качестве военачальников — баатуров.[2] О делении кочевнической конницы на легкую и тяжелую пишет русский летописец. Легкую конницу он называет стрельцами и противопоставляет ее остальному войску — «силе половецкой»: «. . .выехаша из половецких полков стрельци и пустивше по стреле на Русь и тако поскочиша. . .поскочиша же и ти половци сили половецкие».[3]

Кочевническое войско, несмотря на наличие в нем тяжелой конницы, было несравненно более легким и подвижным, чем западноевропейское и даже русское; поэтому естественно, что у них выработались особые, отличные от других народов военный строй и тактика.

Вот как описывает военный строй печенегов Анна Комнин: «Скифы (печенеги, — *С. П.*) тоже построились в боевой порядок: они, от самой природы наученные военному делу, расположились по фалангам, разместились засадами, связали свои ряды по правилам тактики и, оградив войско крытыми повозками, будто башнями, двинулись на самодержца поотрядно и стали издали метать стрелы».[1] Рашид-эд-дин объясняет возникновение этого способа наступления и обороны следующим образом: «В старинные времена, когда какое-нибудь племя останавливалось на каком-нибудь месте наподобие кольца и старейший из них был подобен точке в середине круга, — это называли курень. В нынешнее время, когда приближается неприятельское войско, располагаются по той фигуре, дабы не вошел в середину чужой и неприятель».[2] Принцип наступления под укрытием повозок-веж, составленных в кольцо или каре, прослеживается П. В. Голубовским вплоть до XVI в. (у казаков).[3] Для удобства маневрирования войско кочевников делилось на части: фаланги — по словам Анны Комнин, полки — по выражению русского летописца: «и ту приеха к нему (князю Глету, — *С. П.*) все черныи клобуци с радостью великою всеми своими полкы»[4] или: «[Боняк] разделися на два полка по 50 на сторону».[5] Еще в XI в. Гардизи рассказывал, что у печенегов «есть знамена и копья, которые они поднимают во время битв».[6] Выражение «поднимают знамена» очень интересно. Русский летописец, подчеркивая готовность половцев к бою, писал: «. . .половци пришедше к валове, поставиша стяги своя».[7] Поднятые во время боя стяги изображены над головами сражающихся полов-

---

[1] Ипат. лет., стр. 437.

[2] С. Е. Малов полагает, что таинственные тюркские слова из «Слова о полку Игореве» — олберы, могуты, щельбиры, топчаки, ревуги — обозначают высшие чины кочевнического войска (см.: ИАН, Отд. литер. и яз., т. V, вып. 2, 1946).

[3] Ипат. лет., стр. 431.

[1] Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, стр. 327.

[2] Рашид-эд-дин. История монголов, т. I. Перевод М. Н. Березина. СПб., 1858.

[3] П. В. Голубовский. С какого времени можно проследить на юге Руси способ защиты табором. Тр. XI АС, т. II, М., 1902.

[4] Ипат. лет., стр. 216.

[5] Ипат. лет., стр. 178.

[6] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 120.

[7] Ипат. лет., стр. 186.

цев в Радзивилловской рукописи[1] (рис. 20 и 21). Описывая поражения половцев, летописец прежде всего констатирует: «. . .не взмогоша и стяга поставити, но побегоша хватаючи копии».[2] На миниатюре в Радзивилловской летописи, изображающей эту

Рис. 20. Миниатюра Радзивилловской летописи (л. 69, лицевая).

битву, половецкий стяг нарисован сильно наклоненным, почти падающим (миниатюра, л. 153; рис. 22). Стяги были эмблемой власти военачальников и предводителей отдельных полков. О значении их во время боя (ориентир, к которому стягивались воины) писал Б. А. Рыбаков.[3]

Для тактики легко вооруженного войска кочевников характерны стремительность нападения, засады, ложное бегство, быстрые отступления при неудаче и поражении. Анна Комнин, из рассказов отца прекрасно осведомленная о всех особенностях кочевнической тактики боя, подробно описывает все три приема, причем отмечает, что византийские полководцы не только охотно использовали союзные им печенежские войска, но и заимствовали при этом характерную для последних тактику.[1] Судя по описанию русским летописцем битвы князей Давида и Боняка с уграми в 1097 г., половцы для «наведения на засады» в ложном бегстве использовали наиболее быструю и легкую часть своего войска, возглавляемую молодым князем Алтунопой: «Алтунопа же пригна к первому заступу и стреливше побегу перед Угра, Угры же погнаху по них, мьняху Боняка бежаща».[2]

Кочевники редко осаждали крупные города. Византийцы (Анна Комнин, Георгий Акрополит) отмечали, что они овладевали только городками, которые были слабее

[1] Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. СПб., 1902.
[2] Ипат. лет., стр. 186.
[3] ИКДР, т. I. М.—Л., 1948, стр. 413.

[1] Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, стр. 24, 30 и сл.
[2] Ипат. лет., стр. 178.

Рис. 21. Миниатюра Радзивилловской летописи (л. 233, лицевая верхняя).

Рис. 22. Миниатюра Радзивилловской летописи (л. 153, лицевая).

укреплены.[1] На русские города кочевники отваживались нападать лишь тогда, когда князь и его дружина были в отсутствии и не могли защищать их. Русскому летописцу известны некоторые способы, которые применяли кочевники, чтобы принудить осажденных к сдаче. Так, в 997 г. печенеги обложили Белгород и не «дадяхуть вылести из града, бе бо голод велик».[2] В 1093 г. половцы осадили Торческ и «нача налегати, отоймати воду, изнемогати начаша у городе жаждою водною и гладом».[3] В конце XII в., при Кончаке, у половцев появились усовершенствования, направленные для взятия и уничтожения городов — своеобразная осадная артиллерия, заимствованная из восточных, среднеазиатских или малоазиатских, стран. Под 1184 г. русский летописец записал: «Пошел бяше окаяньый и безбожный и треклятый Кончак... похупся яко пленити хотя грады русскые и пожещи и огнемь: бяже бо обрел муже такового басурменина, иже стреляше живым огнем, бяху же у них луки тузи самострельни, одва 50 муж можашети напрящи».[1] Это были, вероятно, машины, подобные катапультам, заряжающиеся «сфероконусами». В «Слове о полку Игореве» они названы шерешпирами, а жидкость, наполняющая ядра, — смагой, т. е. нефтью.[2]

О стратегических военных расчетах кочевников можно сказать очень мало. Стратегия, как и тактика, определялась в значительной степени условиями их жизни. Например, кочевники нападали на Русь только летом, поскольку в это время года кочевья их были ближе к русским границам, а также потому, что зимой много времени уходило на уход за скотом.

IV. БЫТ И РЕЛИГИЯ, КУЛЬТУРА КОЧЕВНИКОВ

1

Жилища, средства передвижения, пища кочевников теснейшим образом связаны с их способом производства.

Классическое описание кочевнического жилища дано Плано Карпини в середине XIII в.: «Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудости людей. Некоторые быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках».[4]

В. Рубрук дал интересное дополнение к описанию П. Карпини: «. . .бревнами его дома служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса (туйник, как называют его современные туркмены, — *С. П.*),[3] из которого поднимается ввысь шейка, наподобие печной трубы; ее они покрывают белым войлоком».[4]

Оба эти автора описывают татарские кибитки. Единственным источником по изучению более ранних, в частности половецких, кибиток являются миниатюры Радзивилловской летописи, дающие три типа жилищ: ульевидные неподвижные, поставленные на землю, ульевидные подвижные — на повозках и кибитки в виде навеса (рис. 23—27). Два первых типа описаны П. Карпини, причем характерно, что туйник у второго типа юрт очень небольшой в диаметре и от него поднимается изгибающаяся в виде знака вопроса труба; это позволяет отождествлять данный тип юрт с описанными В. Рубруком. Третий тип половецких жилищ, судя по рисунку, сделан из досок или бревен. Это, вероятно, неподвижные и тяжелые деревянные зимо-

---

[1] Летопись великого логофета Георгия Акрополита. Под ред. Н. Троицкого. СПб., 1853 (сер. «Византийские историки»).

[2] Ипат. лет., стр. 87.

[3] Ипат. лет., стр. 154.

[4] Плано Карпини. История монголов, стр. 6—7.

[1] Ипат. лет., стр. 428,429.

[2] П. М. Мелиорансκий. Турецкие элементы в «Слове о полку Игореве». ПАН, Отд. русск. яз. и словесн., т. II, 1902; Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, стр. 26.

[3] Я. Р. Виниκов. Современное жилище колхозников туркмен. СЭ, 1950, № 2.

[4] В. Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 69.

Рис. 23. Миниатюра Радзивилловской летописи (л. 154, лицевая средняя).

Рис. 24. Миниатюра Радзивилловской летописи (л. 196, лицевая нижняя).

Рис. 25. Миниатюра Радзивилловской летописи (л. 242, оборотная).

Рис. 26. Миниатюра Радзивилловской летописи (л. 232, оборотная).

вища, возникшие у кочевников под влиянием русских. В отличие от обычных домовкибиток или юрт половцы называли их по-русски — избами, о чем свидетельствует имеющееся в «Половецком словаре» слово «izba».[1]

Подвижные, т. е. поставленные на повозки, кибитки (или вежи, как называет

Рис. 27. Миниатюра Радзивилловской летописи (л. 237, оборотная нижняя).

их русский летописец) употреблялись кочевниками во время передвижения по степи. Повозки, которыми пользовались половцы, ставились на два или на четыре колеса. И тот и другой вид повозок изображен на радзивилловских миниатюрах. Кроме того, в позднем половецком погребении[2] раскопками Д. И. Эварницкого найдены были обломки двухколесной повозки, диаметр колеса которой равнялся 1.3 м. Тягловой силой для передвижения веж служили лошади, верблюды и волы. Способ управления ими в татарское время описан был арабом Ибн-Батута в XIV в.: «. . .тот, который заправляет арбой, садится верхом на одну из ведущих лошадей, на которой [находится] седло. В руке его плеть, которую он приводит в движение для погонки, и большой шест, которым он направляет ее [арбу], когда она сворачивается с пути».[1] Таким же способом управляли повозкой и лошадьми половцы. Русский художник-миниатюрист изобразил погонщика-половца с длинным кнутом в руке, сидящего верхом на запряженной в повозку лошади (рис. 26).

Помимо кибиточной езды, подавляющее большинство кочевников передвигалось по степи верхом на лошадях и верблюдах. Верховой ездой прекрасно владели как муж-

[1] Ananiasz Zajaczkowski. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Prace w rocławskiego towarzystwa naucowego, ser. A, № 34, Wrocław, 1949.

[2] Днепропетровская обл., дер. Афанасьевка, кург. 7. См.: Тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 123—124.

[1] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, стр. 281.

чины, так и женщины. Анна Комнин указывала, что женщины участвовали в боях наравне с мужчинами,[1] а Плано Карпини отмечал, что «девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины».[2]

Очень существенным моментом в кочевке по степи являлись переправы через реки. Впервые описание способа, которым пользовались средневековые кочевники при переправах, сделано Ибн-Фадланом в начале X в.: «Люди вытащили свои дорожные мешки, а они из кож верблюдов. . . потом они наложили их одеждами и [домашними] вещами, и, когда они наполнились, то на каждый дорожный мешок села группа человек в пять-шесть-четыре, меньше или больше. Они взяли в руки деревяшки из белого тополя и держали их как весла. . . А что касается лошадей и верблюдов, то на них кричат, и они переправляются вплавь».[3] О переправе на тюках, набитых имуществом или сеном, писали и византийцы. В XIII в. Георгий Акрополит сообщал, что половцы, «теснимые татарами. . . переплыли на мехах Дунай».[4] Плано Карпини, дополняя Ибн-Фадлана, писал: «. . .этот корабль [т. е. мешок с вещами, — *С. П.*] они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть вперед наравне с лошадью человека».[5] Иных средств для переправы у кочевников, видимо, не было.

Главными продуктами питания для кочевников-скотоводов были, естественно, мясо и молоко. Гардизи сообщал о кимаках, что «на зиму они заготовляют сушеное мясо, баранье, лошадиное или коровье, каждый по мере своих средств».[6] Мясом перечисленных животных питались кочевники на протяжении тысячелетий. О способах приготовления мясной пищи, кроме описания Гардизи, имеются сведения в письме еврея Петахьи, проезжавшего по половецкой земле в XII в.: «. . .они кладут куски мяса под седло лошади, на которой едут, и потом гоняют ее, пока она не вспотеет. Мясо делается теплым и они едят его».[1] Петахья наблюдал, вероятно, способ, довольно часто употребляемый кочевниками, но им не понятый. В действительности кочевники не клали мясо под седло лошади, так как это неизбежно привело бы к образованию на спине коня тяжелых ран, а привешивали мясо к задней луке седла. Под летним солнцем мясо в несколько дней провяливалось и становилось годным в пищу.

Главное место среди молочных продуктов занимали кобылье молоко и его производное — кумыс. У того же Гардизи находим сведения, что летом кимаки «питаются кобыльем молоком, которое у них называется кумысом»,[2] а Петахья отмечал, что куманы (половцы) употребляют «кобылье молоко вместо питья».[3] Какую важную роль играло молоко в жизни кочевников, можно судить по описанию одного из обрядов их клятвы: «. . .медный сосуд, имеющий форму человеческого лица, наполняется молоком; путешественник и его спутник пьют из него, и после этого никогда не бывает измены».[4] Об употреблении половцами кумыса сообщал и русский летописец. В 1185 г. в день бегства Игоря Святославича из плена «половци напилися бяхуть кумысу, а и бы при вечере».[5] Большую роль играло молоко и в изготовлении половцами мучной пищи: «хлеба они не употребляют в пищу, но едят рис и просо, сваренные в молоке», — писал в том же письме Петахья.

О мучных продуктах у кочевников южнорусских степей X—XIII вв. сведений почти не сохранилось. Только в «Половецком словаре» в 20-й группе слов помещено слово «пекарь» («etmači») и связанные с его специальностью слова: печь, лопата, тесто, хлеб и др.[6] Половецкое слово «реč» взято из русского языка, что свидетельствует, по-видимому, о заимствовании как самой печи, так и ремесла пекаря у русских.

---

[1] Сокращенное сказание о делах царя Алексея Комнина, стр. 342.
[2] Плано Карпини. История монголов, стр. 16.
[3] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 163.
[4] Летопись великого логофета Георгия Акрополита, стр. 63—65.
[5] Плано Карпини. История монголов, стр. 30.
[6] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 106—107.

[1] П. В. Марголин. Три еврейских путешественника XI—XII вв., стр. 3.
[2] П. В. Марголин. Три еврейских путешественника XI—XII вв., стр. 3.
[3] П. В. Марголин. Три еврейских путешественника XI—XII вв., стр. 3.
[4] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 106—107.
[5] Ипат. лет., стр. 438.
[6] Codex Cumanicus, стр. 100—104.

2

Господствующей религией у южнорусских кочевников X—XIII вв. был шаманизм. Основные черты его отображены в источниках IX—XIII вв.: поклонение вещам, волхование, вера в злых духов и главного бога, вера в загробную жизнь, являющуюся продолжением земной.

Гардизи писал о том, что у тюрков существовал «обычай испрашивать дождя посредством камня».[1] О подобной вере в чудодейственную силу вещей и о поклонении им сообщал персидский Аноним: «. . .они поклоняются каждой вещи, которая [чем-нибудь] хороша или удивительна. Они почитают лекарей и всякий раз, как видят их, [им] поклоняются. Эти лекари распоряжаются и жизнью и имуществом их».[2]

В русской летописи дана яркая сцена половецкого волхования (XII в.): «Идущими же има и сташа к ночьлегу и яко бысть полунощи и встав Боняк, отъеха от рати и поча выти волъчьски, и отвеся ему волк, и начаша мнози волцы выти; Боняк же приеха поведе Давыдови, яко победа ны есть на Угры».[3] Перекличкой с волками Боняк стремился узнать результат предстоящего боя. Смысл этого волхования и личность самого Боняка подробно охарактеризованы в работе В. А. Гордлевского «Что такое „босый волк“».[4]

Главного бога половцев звали, по словам Карпини, Кам; «они удивительно боятся и чтут его и приносят ему много даров», — сообщает этот автор.[5] О вере в злых духов говорят некоторые обычаи, связанные с болезнью: «А если заболевает человек, у которого есть рабыни и рабы, то они служат ему и никто из домочадцев не приближается к нему. Для него ставят палатку в стороне от домов и он остается в ней, пока не умрет или не выздоровеет», — так писал Ибн-Фадлан об обычаях гузов.[6] Подобный обычай наблюдал 350 лет спустя монах В. Рубрук у половцев: «. . . никто не посещает недужного, кроме прислуживающего ему», так как «они опасаются, чтобы со входящими не явился злой дух или ветер».[1]

В качестве амулетов (оберегов) от злых духов служили острые, режущие предметы. Доброе женское божество Умай по верованиям сибирских тюрок отгоняло злых духов мечом, стрелой, веретеном.[2] Южнорусские кочевники с целью защиты от духов в могилы женщин часто клали в изголовье ножницы и маленькие ножики без футляров. Иногда ножницы-обереги изображались и на головном уборе каменных статуй (рис. 32, № 37).

Анализ погребального обряда кочевников неопровержимо доказывает веру их в продолжение земной жизни за гробом.

В источниках сохранились сведения о проникновении в кочевническую среду мусульманства и христианства. У ал-Бекри читаем, что уже в XII в. «случился у печенегов пленный из мусульман, который и объяснил ислам некоторым из них, вследствие чего те и приняли его. . . и стала распространяться между ними пропаганда ислама».[3] О принятии южнорусскими кочевниками христианства дошло значительно больше известий. В 1008—1009 гг. епископ Бруно писал, что во время пятимесячного пребывания его у печенегов он обратил в христианство около 30 душ, и «было тогда посеяно христианство между самым грубым и самым свирепым. . . языческим народом».[4] Особенно интенсивно христианизация степного населения началась в XII в. под непосредственным влиянием христианского центра Руси — Киево-Печерского монастыря. О переходе половцев в христианство целыми родами известно из повествований, написанных монахами этого монастыря, — «Жития черноризца Никона» и «Сказания о пленном Половчине». В записи от 1224 г. русский летописец отмечал важный политический шаг великого половецкого князя Бастия, который, находясь под угрозой нападения татар, бежал в Киев и крестился там, перейдя тем самым и передав свой

---

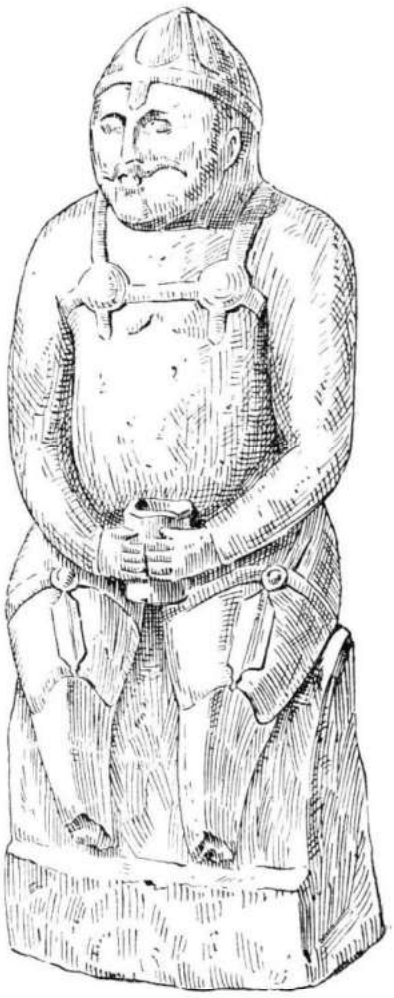
[1] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 103—104.
[2] МИТТ, т. I, стр. 211.
[3] Ипат. лет., стр. 177.
[4] ИАН, Отд. литер. и яз., т. VI, вып. 4, 1947.
[5] Плано Карпини. История монголов, стр. 10.
[6] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, стр. 63.

[1] В. Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 80.
[2] Н. П. Дыренкова. Умай в культе тюркских племен. Сб. «Культура и письменность Востока», кн. III, Баку, 1928.
[3] А. Куник и В. Розен. Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах, т. I, стр. 58.
[4] Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. М., 1936, стр. 76—77.

1

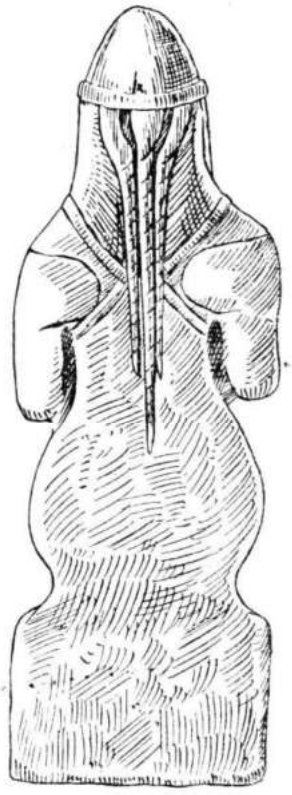
2

Рис. 28. Каменные статуи.
1 — № 11; *2* — № 1.



Ри:. 29. Каменная статуя № 15.

1



2

Рис. 30. Каменные статуи.
1 — № 12; *2* — № 13.

народ под защиту христианского государства.

Однако, принимая новую религию, кочевники не отказывались полностью от древних верований своего народа. В. Рубрук как нельзя лучше подтверждает это, описывая типично языческий обряд погребения человека, про которого говорили, «что он окрещен».

3

Искусство у кочевников X—XIII вв., как и у всех средневековых народов, тесно связано с религией. Памятники половецкого изобразительного искусства — каменные статуи (бабы) — являются важнейшим элементом погребального, т. е. одного из религиозных, обряда половцев. Обычай ставить в могилах или над ними балбалов с различным значением (изображение самого воина или его слуг) существовал у многих тюркских народов начиная с VIII в.[1] Однако половецкие каменные статуи наиболее совершенны по тщательности и художественности отделки. Естественно, что заказывать изображения умерших родичей могли только наиболее богатые кочевники, поэтому статуи изображали всегда представителей аристократической верхушки половецкого общества (знатных князей, баатуров и их жен). Ремесленники-камнерезы, изготовлявшие статуи, воплощали в них идеалы воинов и женщин.

Л. А. Евтюхова в работе о каменных изваяниях Сибири писала, что в подавляющем большинстве случаев статуи ставились не на могилах, а в специально сооруженных оградках из камней, игравших, по-видимому, роль жертвенников.[2] В. А. Городцов, раскопавший специально 8 больших курганов с каменными бабами над ними, в 6 из них не нашел никаких следов кочевнических погребений, а в насыпях двух остальных обнаружил бедные впускные погребения, к которым статуи, стоявшие на насыпях, по признанию самого автора, не могли иметь никакого отношения.[1] Таким образом, кочевники южнорусских степей, как и сибирские тюрки VIII в., ставили свои памятники отдельно от могил умерших, которым они были посвящены. Чтобы статуя была издали заметна и привлекала внимание, ее ставили на большие курганы пре-

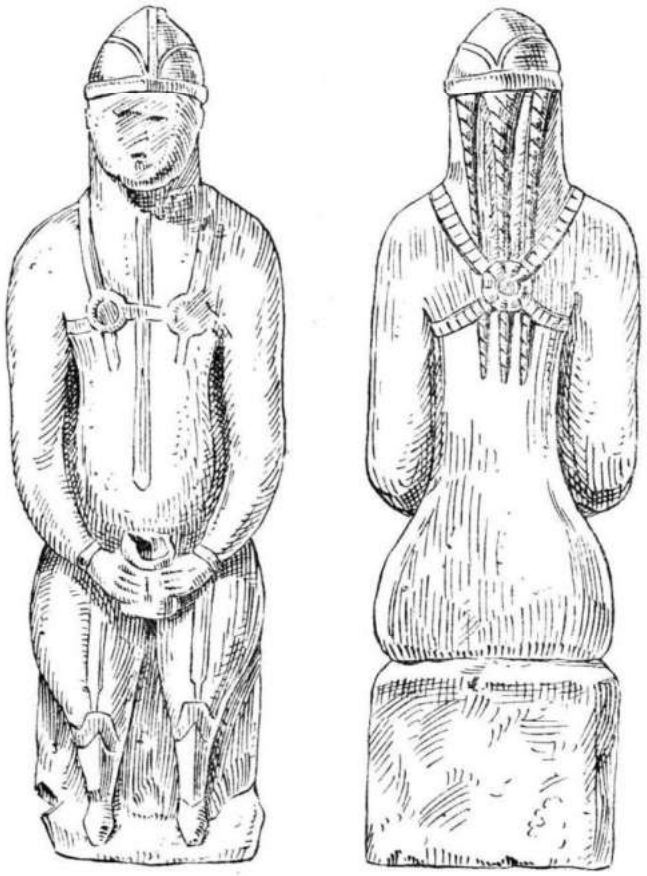


Рис. 31. Каменная статуя № 14.

дыдущих эпох (отсюда возникла версия, что каменные бабы сделаны были скифами или в бронзовую эпоху).

Установленные на высоких курганах статуи играли, по-видимому, роль дорожных жертвенников. В памятнике XVII в., «Книге Большому Чертежу», неоднократно упоминаются каменные мужские и женские статуи, стоящие на видных местах при скрещении степных дорог или на высоких курганах: «Человек камен, а у него кладут из Белгорода станичники доездные грамоты, а другие памяти кладут на Самаре у дви девок каменных» или «курган высок, а на нем 3 человека каменных».[2] Таким же до-

[1] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния южной Сибири и Монголии. Нередко кочевники изображали человека не из камня, а из дерева. Так делали гузы, а 800 лет спустя — казахи, о чем писал в 1771 г. этнограф-путешественник Рычков (Киргизы Букеевской Орды. М., 1889). Деревянные изображения дошли до нас только в исключительных случаях.

[2] Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния южной Сибири и Монголии.

[1] Тр. XII АС, т. I, М., 1905, стр. 215.

[2] Книга Большому Чертежу. Под ред. К. Н. Сербиной. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.

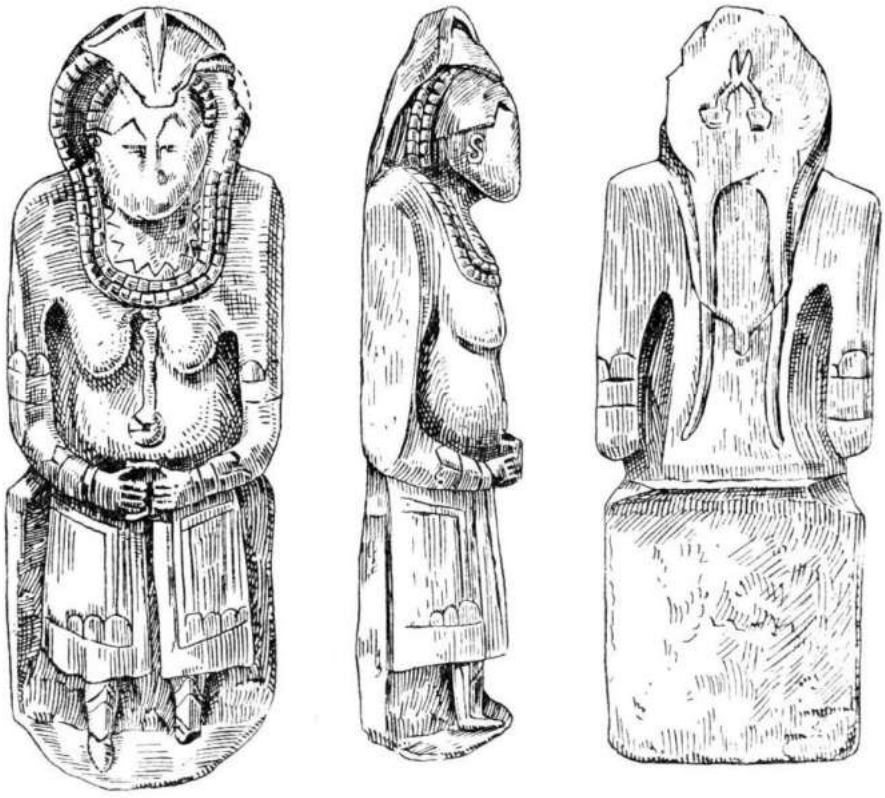


Рис. 32. Каменная статуя № 37.

Рис. 33. Каменная статуя № 34.

1 2

Рис. 34. Каменные статуи.

1 — № 33; *2* — № 38.

рожным жертвенником был, вероятно, и «Тмутараканьский блъвань» о котором писал автор «Слова о полку Игореве».[1]

Выполненные с замечательным реализмом половецкие каменные статуи могут быть прекрасным источником для изучения одежды

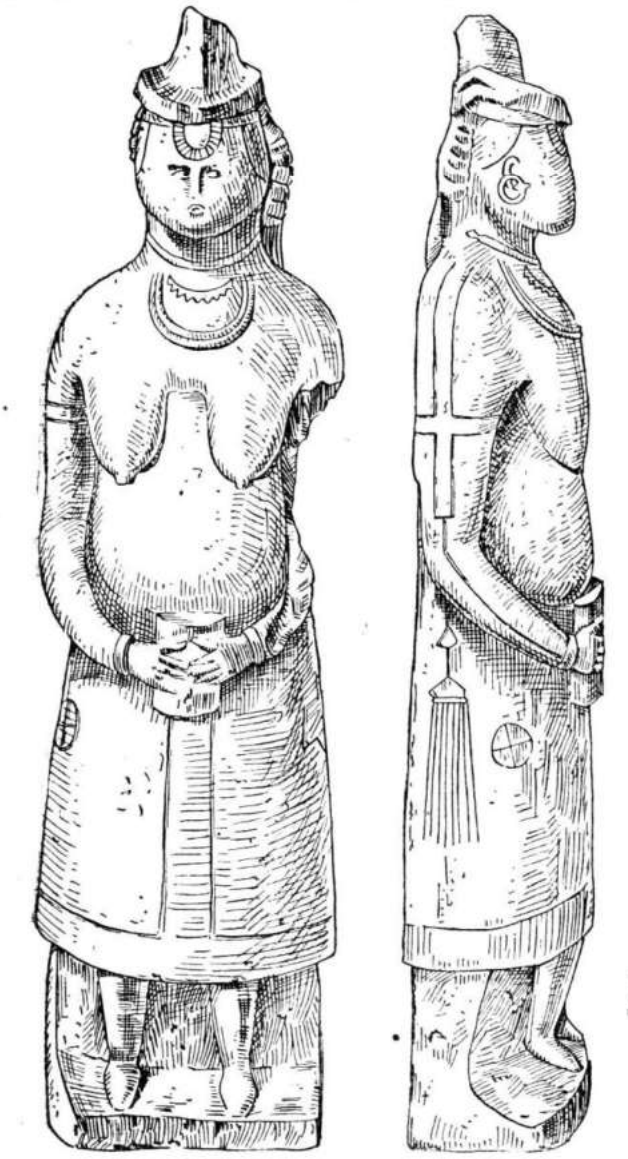


Рис. 35. Каменная статуя № 35.

кочевников (рис. 28—36). Ниже мы даем описание 68 хорошо сохранившихся и нигде не изданных каменных статуй (рис. 37, 38). Они входят в коллекции Новочеркасского, Днепропетровского, Таганрогского и Ждановского музеев. В начале XX в. проф. Н. И. Веселовский описал и издал коллекцию статуй Одесского музея.[2] В нашу работу мы включили только 4 из изданных Веселовским статуй (рис. 37, №№ 1а, 2а, 3а, 4а). Все они исполнены с таким искусством и такими подробностями в одежде,

Рис. 36. Каменная статуя № 36.

что не включить их в обобщающую таблицу было невозможно, поскольку это обеднило бы представление о всех южнорусских статуях в целом.

Мужские статуи (рис. 37)

А. Головные уборы. На 20 статуях изображены конические шлемы, на трех — полушаровидные (№№ 3, 5, 12) и на одной — конический с небольшим, стершимся от времени шишаком (№ 6). Дошедшие до нас шлемы половецкого времени очень похожи по форме на шлемы каменных статуй. На некоторых из них изображены даже прутья каркаса (№№ 6, 11, 14, 15), шишаки (№ 6), наносники (№ 15) и дополнительные пластины, укреплявшие шлемы (№ 2). На некоторых радзивилловских миниатюрах летописец-художник нарисовал степняков в высоких остроконечных шапках с отогнутыми вверх полями (миниатюры на листах 72 об., 127 об.). Подобные войлочные островерхие шапки употребляются тюркскими народами до настоящего времени, но на каменных статуях их нет, вероятно, потому, что воинским боевым

[1] Слово о полку Игореве, стр. 12.

[2] Н. И. Веселовский. Современное состояние вопроса о каменных бабах. ЗООИД, т. XXXII, 1915.

головным убором кочевника-половца был шлем. Из-под шлема по спине статуи спускаются три косы, иногда они слиты на затылке в одну косу (№№ 5, 18). Изредка затылок воина прикрыт бармицей в виде квадратной лопасти, спускающейся от шлема (№№ 7, 8, 11). В одном случае из под бармицы выпущены косы (№ 11).

Некоторые изваяния выделяются замечательно выточенными лицами (№№ 11, 12, 13, 15). Все они европеоиды с большими глазами, высокими, даже в скульптуре, носами и длинными густыми усами. Обычай носить усы существовал и у печенегов, и у половцев.[1] На лицах статуй, опубликованных Н. И. Веселовским, гораздо сильнее сказывается монголоидность: у них широкие лица, узкие глаза и тонкие усы (№ 1а). По-видимому, среди половцев встречались различные типы, как европеоиды, так и монголоиды.

Б. Одежда. Почти на каждой статуе, выполненной хотя бы с минимальной тщательностью, грудь воина прикрыта двумя бляхами-кругами, прикрепленными к системе ремней, охватывающей весь торс воина. Иногда ремни покрыты поперечными полосками, изображающими, возможно, небольшие поперечные бляшки. Остатки нагрудных блях, сделанных из толстых кожаных и войлочных кругов, заключенных между железными и серебряными пластинами, неоднократно были находимы в кочевнических комплексах XII—XIII вв.

Одежду половецких воинов составлял длиннополый кафтан, настолько плотно охватывавший верхнюю часть тела, что о наличии его на руках и груди статуи можно судить только по узким обшлагам и нашивкам на рукавах (№№ 1, 7, 11).

В. Обувь. Ноги у стоячих статуй вытачивались в виде бутылок горлышками вниз. Расширение в верхней части ног, вероятно, обозначало широкие штаны. Голенища сапог изогнуты, заходят на колени (№ 1) и подхвачены выше колен поножами (№ 4), уходящими под полы кафтана. Особенно хорошо видны поножи на сидячих статуях, поскольку у них по́лы кафтанов забраны в шаровары. Высокие сапоги пристегнуты к ременным поножам, охватывающим бедра и прикрепленным к поясу.[1]

Г. Поясной набор. К поясу слева и справа подвешивались различные предметы обихода и оружия: слева — мешочки и кресала, справа — ножи и гребешки. На одной статуе (№ 4) слева на боку помещена искривленная сабля с отогнутой к лезвию ручкой, висящая на двух ремнях, прикрепленных у эфеса и на середине ножен. К эфесу прикреплен какой-то треугольный предмет, вероятно кисть. В двух случаях на левом боку воинов изображены сложные луки в налучьях (№№ 2а, 3а), у одной статуи с правого бока изображен кельтовидный колчан со стрелами и накладкой посредине и своеобразный овальный предмет — лопатка или весло, в котором Н. И. Веселовский склонен видеть типично кочевнический струнный инструмент — комс. Помимо этих обычных в кочевническом быту предметов, на поясе одной из статуй был процарапан контур человечка, вероятно куклы-божка. Возможно, это обозначало, что изваянный воин при жизни был шаманом.

Д. Сосуды. Руки статуй соединены на животе и держат сосуд. Формы сосудов однообразны: простые цилиндры, лишь изредка некоторые из них усложнены толстыми венчиками (№№ 7, 9, 15, 23); в трех случаях сосуды горшковидные (№№ 11, 17, 21). У всех сосудов выдолблены небольшие ямки, которые могли предназначаться для жертвоприношений.

Женские статуи (рис. 38)

А. Головные уборы. Головные уборы женщин очень сложны, это даже не головные уборы, а сложнейшие прически, составленные из «шляпы», волос, лент, цепочек и колец. Основной частью прически являлись «шляпы», прикрывающие макушку и темя. Формы их разнообразятся различной высотой тульи, величиной и степенью изогнутости полей. К приподнятым на затылке полям «шляпы» часто прикреплялась спускающаяся на спину лопасть (№№ 31, 32, 36, 37, 42, 58, 64). Если на статуе изображались спускающиеся на спину косы, лопасть

[1] П. В. Голубовский. Половцы в Венгрии. Универс. изв., № 12, Киев, 1889.

[1] Н. И. Веселовский писал, что подобная манера привязывания голенищ к поясу существовала в XIX в. у некоторых бурят.

делалась гораздо миниатюрнее (№№ 44, 50) или совсем отсутствовала (№№ 34, 43). Косы никогда не изображались с насечками — видимо, их носили заключенными в футляры. На концах кос изредка вытачивались тонкие лунницы (№ 34). Обычай носить косы, а также спускающуюся с головного убора на спину лопасть, отмечал А. Терещенко у казахов в середине XIX в.: «Волосы женщины и девушки разделяют на 2 и 3 косы: 2 висят по плечам, третья обшита в бархат. Иногда вместо косы — лопасть, украшенная кистями, лентами и бляхами».[1]

Следующим важным элементом прически являются «рога» — полукруги, обрамляющие лицо статуи. Археологические остатки подобных украшений встречены во многих кочевнических могилах XI—XIII вв. Это серебряные легкие полукольца, нашитые на войлочные валики. Их находят почти всегда у висков и лба покойниц. Рубчатость валиков на статуях подтверждает то, что они были составлены из отдельных члеников — поперечных полуколец.

Высокие «шляпы» с «рогами» были наиболее праздничным нарядом женщин. «Рога» имели не только декоративное, но и смысловое значение. Они были, вероятно, символом девушки-невесты. Предположение это позволяет сделать прослеженная этнографами у тюрок свадебная игра — скачка, в которой невеста отождествлялась с бараном, а жених и его дружки с волками, обязанными догнать девушку.

Второй тип убора на головах статуй представляет собой небольшую, круглую и плоскую шапочку (№№ 28, 33). Особенно роскошна и тщательно выточена шапочка на статуе № 33. Затылок женщины прикрыт полукруглым козырьком и перехвачен лентой, сходящейся на лбу. По щекам к ушам проведена цепочка.

Третьим типом головных уборов являются низкие плоские «шляпы» (№№ 63, 65), имеющие аналогии среди головных уборов современных кочевых народов; это повязка из фаты, называемая «жаулык», — принадлежность пожилой замужней женщины.[2]

Б. Украшения. В ушах статуй изображаются кольчатые серьги — без подвесок, с биконической подвеской и с кистью. Шея, как правило, увешана наборами различных украшений: гривнами гладкими и витыми, с несходящимися концами, ожерельями из крупных бус и ромбических подвесок, наконец, лентой, покрытой бляшками (№ 33). На груди статуй — квадратные, ромбические, круглые, пальметообразные бляхи-подвески. Это или талисманы или, как полагал Н. И. Веселовский, коробочки-капторги для хранения парфюмерных принадлежностей.

В. Одежда. Все стоячие статуи женщин — в длинных кафтанах с расходящимися по́лами, в юбках, из-под которых видны заправленные в сапоги шаровары. Сидячие женские фигуры встречаются редко. Обычно по́лы их кафтанов не заправлялись в шаровары, хотя встречались статуи и с заправленными по́лами. В таком случае они отличались от мужских статуй только головным убором и наличием груди. Грудь у всех женских статуй обнажена. Одежда богато украшена различными орнаментальными вставками. В действительности она, вероятно, украшалась вышивкой.

Г. Поясной набор. На поясе женщины, как и мужчины, носили много предметов. Это прежде всего зеркала в круглых мешочках, часто на кожаном витом шнурке (№№ 32, 34, 35, 38, 43, 50, 51), гребешки в квадратных футлярах или без них (№ 51), ножики и длинные кисти непонятного назначения (может быть, многохвостные плетки).

Д. Сосуды. Руки женских статуй, как и мужских, соединены на животе и держат сосуд, обыкновенно цилиндрической формы с утолщенным венчиком. Кроме этого основного типа, встречаются горшкообразные и бокаловидные сосуды.

Одежда других средневековых кочевых народов, в частности печенегов, тюрок и особенно черных клобуков, вероятно, была похожа на половецкую. У печенегов отсутствовали только некоторые детали костюмов, появившиеся в XII—XIII вв. (нагрудные ремни, серьги, синие подвески и др.).

Кроме скульптуры, половцы прекрасно владели родственным ей костерезным ремеслом. Они покрывали кость пышным растительно-геометрическим и звериным узором, используя часто оригинальный и изящный

---

[1] А. Терещенко. Следы Дешт-и-Кипчака и внутренняя Киргиз-Кайсатская орда. Москвитянин, № 22, кн. 2, 1853, ноябрь, стр. 68.

[2] Н. И. Веселовский. Современное состояние вопроса о каменных бабах, стр. 437.

прием врезания в кость квадратов и треугольников, расположенных в различных комбинациях. Узор этот так прост, что им пользовались и камнерезы для украшения статуй (№ 34).

О других видах искусства у кочевников говорить трудно, поскольку от них не осталось материальных памятников. О наличии в половецкой среде музыкантов (гудцов) и певцов сообщают нам русский летописец в знаменитом рассказе о Сырчане и Отроке («оставъшю у Сырчана единому гудьцу же Орели, посля й в Обезы. . . пой же ему песни половецкии»)[1] и «Половецкий словарь», в котором упомянуты профессии музыканта (cobuxči), певца (yrči) и их инструменты — рог (suruna) и барабан (taf).[2] Кроме этих двух инструментов, половцы пользовались комсом — двухструнной мандолиной, изображенной на одной из мужских статуй (№ 3а). В. А. Пархоменко делает очень интересное предположение о том, что в русских летописях иногда ощущается «половецкая литературная струя».[3] Он приводит ряд мест из летописи, которые могут считаться взятыми из половецкого эпоса. Таковы упомянутое повествование о Сырчане и Отроке, описание съезда половецких князей в 1103 г. и др.

Несмотря на эти отрывочные сведения и гипотезы, очевидно, что в культурном отношении кочевники южнорусских степей стояли значительно ниже своих оседлых соседей. В этом отношении чрезвычайно показательно отсутствие у них письменности, т. е. собственного алфавита. О существовании последнего у южнорусских кочевников X—XIII вв. не сохранилось никаких сведений. В «Половецком словаре»[1] в отделе письменных принадлежностей перечислены на латинском и персидском языках различные предметы, относящиеся к письму (буква, бумага, чернила, перочинный нож, книга, записная книжка и др.), но ни одного из этих слов нет на половецком языке.

Это обстоятельство как нельзя лучше свидетельствует о том, что тюркоязычные кочевники X—XIII вв., в отличие от сибирских тюрок и своих предшественников болгар и хазар, не имели собственной письменности.[2]

V. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ (КОЧЕВНИКИ И РУСЬ)

1

Политическая история кочевников южнорусских степей X—XIII вв. неразрывно связана с историей Руси. Русь была в эти столетия единственным государством, способным сдержать движение хлынувших из азиатских степей кочевников и принять основную силу их ударов. Поэтому история кочевников является по существу историей отношений их с Русью. Взаимоотношения эти нашли подробное отражение на страницах русской летописи. Все остальные государства, соприкасавшиеся в какой-то степени с печенегами, торками и половцами в период их пребывания в южнорусских степях, или были слишком слабы (Хазарский каганат), или находились далеко (Булгарское царство, Грузия, Византия), в связи с чем они не могли играть существенной роли в истории степняков. Все три народа безусловно имели большую историю до вторжения в южнорусские степи. На некоторых

[1] Ипат. лет., стр. 479.
[2] Codex Cumanicus, стр. 206.
[3] В. А. Пархоменко. Следы половецкого эпоса в летописях. Проблемы источниковедения, 1940, № 3.

[1] Codex Cumanicus, стр. 99.
[2] В Венгрии, в Миклоше, был обнаружен клад из нескольких серебряных, богато орнаментированных сосудов. На некоторых из них процарапаны от руки знаки, похожие на орхонское и салтово-маяцкое письмо. Известный венгерский тюрколог Немет полагает, что надписи и сосуды принадлежат печенегам. Не зная языка, трудно говорить о том, прав Немет или нет. Приведу только ряд соображений о принадлежности сосудов и о всаднике, изображенном на одном из них. Поскольку вооружение этого всадника аналогично оружию салтовских погребений VII—VIII вв., можно полагать, что сделаны сосуды были в эти века по заказу одного из салтово-маяцких воинов. Им же, по-видимому, были процарапаны надписи на своем языке. Предположение это тем более вероятно, что некоторые языковеды, в частности А. М. Щербак, считают эти надписи булгарскими. См.: J. Hampel. Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn, Bd. I—III. Braunschweig, 1905; I. Nemeth. Die Inschriftes des Schatzes von Nagi-Scent-Miklos. Budapest, 1932; А. М. Щербак. О приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. СА, XIX, 1954.

фактах этой истории мы остановимся в той мере, в какой они связаны с событиями, происшедшими в последующую эпоху.

2

В заволжский период своей истории печенеги были со всех сторон окружены сильными народами: хазарами и буртасами с запада, гузами с юга, кипчаками с востока, булгарами и башкирами с севера. «Все эти народы производят нашествия, нападают на печенегов, уводят их в плен и продают в рабство»,[1] — писал Гардизи. Наиболее слабым звеном в окружавшем печенегов кольце был дряхлеющий и распадающийся на части Хазарский каганат. Естественно, что печенеги, отступая под давлением юго-восточных соседей, столкнулись с хазарами. Последние, пытаясь ослабить напор печенегов, вынуждены были заключить союз с гузами, основным и наиболее сильным врагом печенегов. «. . .узы, войдя в соглашение с хазарами и вступив в войну с печенегами, одержали верх, изгнали их из собственной страны», — писал в 50-х годах X в. Константин Багрянородный.[2] Событие это произошло, по его словам, примерно в последней четверти IX в.

Хазары ошиблись в расчетах. Разбитые орды печенегов, убегая от гузов, хлынули на территорию каганата, который не смог противостоять этому. Годы завсевания печенегами южнорусских степей не получили достаточного отражения в источниках. Только в персидском географическом труде «Границы мира», составленном неизвестным автором X в. «из книг и рассказов умных людей»,[3] говорится несколько слов о печенегах, разделенных на две ветви. Географическое положение одной из них, «тюркской», он описывает следующим образом: «Восток их страны граничит с гузами, на юг от них буртасы и барадасы, на запад от них мадьяры и рус, на север от них [река] Рута».[4] Описание это запутано и неясно, однако, если признать, что река Рута — Дон в среднем его течении, в том месте, где он делает изгиб на восток,[1] то окажется, что сведения обо всех остальных соседях печенегов даны Анонимом совершенно точно (рис. 1, *3*). Тюркские печенеги в период, описанный Анонимом, кочевали в Донецко-Донском междуречье.

Другая ветвь — «хазарские» печенеги — расположилась на землях, на восток от которых проходили «Хазарские горы, на юг от них — аланы, на запад — море Gurz, на север от них — мирваты».[2] Хазарскими горами Аноним мог назвать только холмистую гряду предгорий Кавказа, тянущуюся вдоль Кума-Манычской впадины, так как настоящих гор, идущих с севера на юг, на территории южнорусских степей вблизи Хазарского каганата нет. В таком случае «море Gurz» — вероятнее всего, Хазарское, или Азовское, море, а это значит, что хазарские печенеги занимали земли в устье Дона и Кубани (рис. 1, *3*). Название «тюркские» и «хазарские» Аноним дал, повидимому, по основному, наиболее опасному для печенегов соседу: у «тюркских» печенегов это были гузы-тюрки (торки), у «хазарских» — хазары.

«Хазарские» печенеги, вклинившись между основной территорией Хазарии и подвластными ей в IX в. крымскими городами, прервали всякую связь между ними и этим нанесли экономике каганата сильный удар. Вероятно, пострадали от печенегов и самые города Крыма и Тамани, однако данных об этом ни письменных, ни археологических у нас нет. Хазары всячески старались вытеснить печенегов с захваченных последними земель. Они постоянно нападали на печенегов, уводили и продавали их в рабство, угоняли скот и т. п. К каким-либо явственным результатам это не привело, печенеги не покинули междуречья Кубани и Дона. В X в. Константин Багрянородный писал, что они были очень близки к Херсону, но еще ближе к Боспору и что они «окружали» Боспор,[3] т. е. подходили к нему не только со стороны Крыма, но и с востока.

---

[1] В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, стр. 119.

[2] Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 14.

[3] Изыскания В. В. Бартольда обнаружили влияние на него Балхи и Истахри, а также Ибн-Русте и ал-Джейхани, от которых он и взял свои сведения о печенегах.

[4] V. F. Minorsky. Hudud-al-Alem, стр. 160.

[1] Так располагал печенегов Б. А. Рыбаков на карте, составленной по Худуд-ал-Алему (доклад на Секторе этногенеза в ИИМК в 1950 г.).

[2] V. F. Minorsky. Hudud-al-Alem, стр. 160.

[3] Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 14 и 42.

«Тюркские» печенеги захватили Донецко-Донское междуречье, разрушили все донские и донецкие крепости, построенные местным населением (Маяцкое, Салтовское, Мохначевское, Гомольшевское и другие городища) и подчинили это население (в основном болгар и яссов). Только небольшая часть местного населения бежала на юг, в земли собственно Хазарского каганата. Видимо, в этот период крепость Саркел превратилась в пограничный городок с этнически пестрым населением. Послойный анализ керамического материала позволил сделать заключение, что кочевники занимали в составе этого населения значительное место. Это были, вероятно, печенеги, перешедшие на службу к хазарскому кагану и поселенные им в пограничном городке. Часть наиболее ранних погребений из кочевнического могильника близ города оставлена безусловно вассальными Саркелу печенегами.

После захвата донецких степей печенеги начали упорную борьбу за расширение своей территории. Движение на восток, откуда их только что вытеснили гузы, было невозможно, движению на юг препятствовали хазары. Печенеги вновь обратились на запад. На этот раз противниками их оказались мадьяры и русские.

Для борьбы с мадьярами печенеги заключили союз с Дунайской Болгарией. Воспользовавшись тем, что основные силы мадьяр находились в походе, печенеги вторглись на их земли и почти полностью вырезали оставшееся там население (женщин, стариков, детей). Вернувшиеся из похода мадьяры нашли свою землю «пустою и разграбленною» и потому решили поселиться в другом месте,[1] тем более что передовые орды печенегов, вероятно, уже заняли к этому времени все основные места их кочевок.

Вытеснение мадьяр из Причерноморья произошло в 90-х годах IX в. В годы борьбы за Причерноморье печенеги сталкивались и с Русью. Об этом косвенным образом свидетельствует составленный русским летописцем хронологический перечень кочевых народов, проходивших в VIII—IX вв. через южнорусские степи, — «булгаре», «волохи», «угре белии», «обре», «печенезе» и «угре чернии». Последний раз угры подходили к Киеву, по словам летописца, в 898 г.[1] Это были, по-видимому, угры черные, упомянутые в хронологическом перечне VIII—IX вв. последними. Очевидно, печенеги подходили к границам Руси раньше 898 г., т. е. в разгар борьбы их за днепровские степи. К этому времени (конец IX в.) относятся оттеснение уличей, живущих в луке Днепра, на север в Поросье и построение близ Сугны сильно укрепленного уличского города Пересечена.[2] В эти же годы были разрушены славянские (тиверские) городки в Приднестровье.[3] Как и донецкие крепости, города эти были превращены в груды развалин, что и отмечал в середине X в. Константин Багрянородный: «. . .по сю сторону р. Днестра. . . имеются опустевшие города».[4] Разгромом тиверцев завершен был захват причерноморских степей. К началу X в. печенеги окончательно овладели территорией, очерченной Константином Багрянородным (рис. 1, *1*).

С первых лет появления в южнорусских степях печенеги разделились на две основных ветви, или на два объединения. Константин Багрянородный писал о том, что границей между объединениями в X в. был Днепр. Действия Восточного, или Левобережного, объединения не нашли отражения в письменных источниках. В силу географического положения оно было связано с Хазарским каганатом, по истории которого в этот период не сохранилось никаких сведений. Русский летописец только один раз упоминает о столкновении Восточного объединения с Русью.

В 993 г. «печенезе придоша по оной стороне от Сулы».[5] Битва печенегов и русских началась со знаменитого единоборства «Кожемяки» с «печенежином» и кончилась разгромом печенежского войска и бегством его. Поражение оказалось гибельным для Восточного объединения. В дальнейшем печенеги уже ни разу не нападали на Русь с левой стороны Днепра. В начале XI в. епископ Бруно, проезжавший по Печенегии, говорит только о четырех племенах

[1] Ипат. лет., стр. 14.

[2] Б. А. Рыбаков. Уличи. КСИИМК, вып. XXXV, 1950.

[3] Г. Б. Федоров. Доклад на пленуме ИИМК АН СССР в 1951 г.

[4] Константин Багрянородный. Об управлении государством, гл. 14.

[5] Ипат. лет., стр. 83—85.

[1] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 19.

печенежского союза, т. е. только о Западном объединении.[1] О существовании заднепровских печенегов он даже не слышал.

Западное печенежское объединение оказалось более сильным и устойчивым. Все соседящие с ним страны постоянно подвергались опустошительным набегам печенежских полчищ. Болгария и Венгрия с трудом могли противостоять им. Оба эти государства вели по отношению к печенегам пассивную оборонительную политику, поскольку, «будучи многократно. . . побеждены и ограблены ими, они по опыту познали, что хорошо и полезно жить всегда в мире с ними».[2] Один из крупных походов печенегов к Дунаю отмечен под 915 г. русским летописцем: «. . .приидоша печенези первое на Русскую землю и створивше мир с Игорем, идоша к Дунаю».[3]

Отношения печенегов с приморскими портами в значительной степени обусловливались отношениями с Византией, поскольку эти города с начала X в. вновь перешли под власть Греческой империи. Помимо оживления торговли, которую вели печенеги с портами, они, по сообщению того же Константина, «делали набеги и грабили самый Херсон и так называемые Климаты».[4] Византия, отделенная от печенегов двумя странами (Венгрией и Болгарией), менее страдала от их грабительских налетов. Византийский император, предотвращая попытки кочевников проникнуть в его государство, постоянно посылал печенегам подарки и получал от них заложников из среды самой влиятельной аристократии, что помогало византийским политикам не только поддерживать мир, но и воздействовать на внешнюю политику печенегов, побуждая их к войнам против наиболее опасных врагов Византии — русов и болгар.

После 915 г. до второй половины X в. о печенегах не упоминается в русской летописи. П. В. Голубовский объясняет это тем, что печенеги не вмешивались в эти годы в жизнь Киевской Руси, т. е. не грабили и не разоряли ее земли.[5] Однако Константин Багрянородный, использовавший и обобщивший в своем трактате материалы IX—первой половины X в., утверждал обратное: «. . .печенеги. . . когда живут не в мире. . . грабят Русь и причиняют ей много вреда и убытков. . . Руссы. . . не могут даже выступать в заграничные войны, если не живут в мире с печенегами. . . руссы в случае войны с печенегами не могут свободно передвигаться по Днепру».[1] Таким образом, не только пограничные земли страдали от соседства печенегов, но и торговля и внешняя политика Киевской Руси были парализованы ими уже в начале X в.

Русские князья различными способами пытались обезопасить свои земли от кочевников. Так, в 920 г. князь Игорь возглавил поход в степь. Чаще русские, как и византийцы, использовали печенегов в своих целях. «Руссы, — писал Константин, — стараются быть в союзе с ними (печенегами, — *С. П.*) и получать от них помощь, чтобы вместе и избавляться от вражды с ними и пользоваться помощью».[2] В 944 г. тот же Игорь, по сведениям летописца, «совокупи воя многи варяги, и русь, и поляны, и словены, и кривичи, и печенегы ная. . . поиде на греки в лодьях и на конех».[3] Эта политика в отношении печенегов проводилась русскими на протяжении нескольких десятилетий — в периоды княжения Игоря и Святослава. Печенеги могли участвовать в походах Святослава, в частности в походе на Хазарию в 965 г., так же как они участвовали в военных предприятиях Игоря.[4] Святослав, организуя поход на хазар, должен был прежде всего обезопасить свой тыл союзом с печенегами, через земли которых он проходил. Как уже говорилось, Византия всеми средствами старалась влиять на внешнюю политику Печенегии в отношении Руси. Особенно активизировалась враждебная деятельность византийских дипломатов во времена Святослава, который, захватив болгарские земли, грозил Византии. Весьма вероятно, что в 968 г., когда Святослав овладел Переяславцем на Дунае, именно благодаря интригам Византии печенеги предприняли большой поход на Русь

---

[1] Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Л., 1936, стр. 77.
[2] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 6—7.
[3] Ипат. лет., стр. 26.
[4] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 5.
[5] П. В. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар, стр. 68.

[1] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 5.
[2] Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 6.
[3] Ипат. лет., стр. 28.
[4] Ипат. лет., стр. 42.

и впервые подошли к Киеву «и оступиша. . . город в ислу тяжьце, бещисленое множьство».[1] Надежды, возлагаемые в Константинополе на этот поход печенегов, оправдались: «Святослав вборзе вседъ на конь с дружиною своею и приде к Кыеву»,[2] оставив на время придунайские земли.

Второе столкновение печенегов со Святославом, кончившееся разгромом русской дружины и убийством князя, опять-таки было организовано врагами Русского государства — переяславцами (болгарами) и, возможно, византийцами, которые сообщили печенегам о возвращении Святослава из Доростола в 971 г. с полоном «бещислен» и с «малой дружиной». Печенеги, с которыми Святослав, отправляясь в поход, не заключил мира, «заступиша пороги». Святослав вынужден был перезимовать в Белобережье, что окончательно подорвало силы его дружины, а весной сделал попытку прорваться сквозь печенежское окружение, но «нападе на ня Куря князь Печенежьский и убиша Святослава. И взяша голову его и во лбе его зделаша чашю, оковавше лоб его золотом и пьяху в нем».[3]

Следующий период истории печенегов связан исключительно с Русью. Он начался в княжение Владимира Святославича на киевском столе, в конце X в. Возросшая активность печенегов заставила Владимира заняться укреплением южных границ своего государства: «. . . и нача ставити городы по Десне и по Устреви, по Трубешеви, и по Суле, и по Стугне». Часть знаменитых Змиевых валов сооружалась, видимо, в то время, а более древние укрепления по Суле, Трубежу [4] и т. п. были обновлены и укреплены сторожевыми постами и городками. Об укреплениях, расположенных южнее Стугны, упоминает в своем письме епископ Бруно (1008—1009 гг.): «Русский государь (Владимир, — *С. П.*) . . .два дня провожал меня до последних пределов своего государства, которые у него, для безопасности от неприятеля, на очень большом пространстве обведены со всех сторон самыми завалами».[1] Несмотря на попытки печенегов отодвинуть границу Русского государства к северу, Владимир укрепил ее и к концу своего княжения увеличил расстояние между Русью и печенежскими кочевьями с одного дня пути, как было при Константине Багрянородном, до двух дней.

В первые годы XI в. епископ Бруно и его спутники, проехавшие в землю печенегов через Киевское государство, «от лица (и, видимо, по просьбе, — *С. П.*) русского князя заключили с печенегами мир». Русский князь обещал выполнить ряд их требований и «дал печенегам в заложники мира сына своего».[2] В чем состояли требования, установить невозможно, заложником же был, вероятно, Святополк — нелюбимый и опальный сын Владимира.[3] Не случайны дальнейшие связи Святополка с печенегами при его попытке после смерти Владимира (1015 г.) захватить киевский стол и стать единовластцем на Руси.[4] Грабительские походы печенегов вместе с князем Святополком окончились полным разгромом печенежских полков. По-видимому, поражение было настолько серьезным, что в начале княжения Ярослава напор печенегов значительно ослабел. Русские незамедлили воспользоваться передышкой и в 1132 г. «Ярослав поча ставити городы по Рси».[5] Русь заняла территорию, долгое время остававшуюся нейтральной зоной, отделявшей ее границы от кочевников.

Теснимые с востока торками, а с севера Русью, печенеги, пытаясь удержаться на прежних землях, предприняли в 1036 г. большой поход на Русь и осадили Киев. Ярослав, бывший в то время в Новгороде,

---

[1] Ипат. лет., стр. 42—43. Описания этого набега и обмена оружием между русским дружинником и печенежским князем неоднократно приводились русскими историками. Русское летописное изложение этого события А. Н. Бернштам (Историческая правда в легенде об Огуз-кагане. СЭ, 1935, № 6) связывает с легендой о походе Огуза на Урум и Урус.

[2] Ипат. лет., стр. 48.

[3] Ипат. лет., стр. 48.

[4] В. Г. Ляскоронский указывает, что Змиевы валы сооружались различными племенами и народами на протяжении тысячелетий; см. работы В. Г. Ляскоронского, опубликованные в «Трудах» XI (т. I), XIII (т. I) и XIV (т. III) археологических съездов.

[1] Памятники истории Киевского государства IX—XII вв., стр. 76.

[2] Памятники истории Киевского государства IX—XII вв., стр. 77.

[3] В 90-х годах X в. Владимир раскрыл заговор Святополка с Болеславом и арестовал сына вместе с его женой и духовником (В. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 467).

[4] Ипат. лет., под 1016, 1018 и 1019 гг.

[5] Ипат. лет., стр. 105.

поспешил на юг с сильной дружиной. Подойдя к Киеву, он вступил в бой с печенегами. Вот как характеризует эту битву и ее результаты русский летописец: «И бе сеча зла и одва одолев к вечеру Ярослав. И побегоша печенезе раздно, и не ведахуся камо бежаче, и овии бегающе тоняху в Ситомли, инеи же во инех реках, и тако погибоша, а прок их пробегоша и до сего дни».[1] Блестящая победа Ярослава фактически уничтожила Западное печенежское объединение, а вместе с тем и печенежскую опасность.

В середине XI в. 4 округа западных печенегов распались и самой крупной административной единицей стала считаться часть (как называл ее Константин Багрянородный), или колено. По сообщению византийца Кедрина,[2] 13 печенежских колен обитали на берегу Черного моря, между Днепром и Дунаем, примерно в тех местах, где некогда кочевали округи Гиазихопон и Хавуксингил (рис. 1, *1*). Однако номинальный правитель — хаан— еще возглавлял печенежские орды. Это был Тирах, человек безынициативный, а потому не пользовавшийся популярностью у соплеменников. На борьбу с Русью у печенегов уже не хватало сил, отдельные восточные колена отражали натиск напиравших с востока торков. В схватках с ними, как полагает В. Г. Васильевский, выделился новый вождь — Кеген. Он попытался захватить власть над всеми 13 коленами, но знать, видимо, воспротивилась этому и поддержала Тираха. Кеген бежал от Тираха в Византию, за ним последовал и сам Тирах (видимо, под давлением гузов—торков). Орды Тираха были разбиты и поселены Византией на ее границах — между Балканами и Дунаем — в качестве пограничных войск.

Дальнейшая история печенегов связана уже с западными странами — Византией и Венгрией. Она нашла отражение в работе В. Г. Васильевского «Византия и печенеги», а также в трудах венгерских ученых и отчасти в статье Д. А. Расовского «Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии»,[3] написанной по венгерским источникам.

[1] Ипат. лет., стр. 106.

[2] Изложение глав из работы Кедрина, посвященной печенегам, и толкование их см. в работе В. Г. Васильевского «Византия и печенеги». Труды, т. 1, СПб, 1908.

[3] SK, t. VI, Praga, 1933.

3

Оставшиеся небольшие роды печенегов влились в орды торческо-печенежского союза, пытавшиеся в середине XI в. пробиться к Византии для соединения там с основными силами сельджуков. Это заставляло торков поддерживать мирные и даже союзные отношения с Киевской Русью — наиболее сильным и опасным противником в Восточной Европе. Союзные отношения торков с Русью начались еще при Святославе, когда торки кочевали в заволжских степях. По свидетельству Ибн-Асира, торки напали на Хазарию в том же 965 г., что и Святослав, и были отброшены от ее границ только благодаря помощи хазарам со стороны Хорезма.[1] Дружественные связи с торками продолжались и при Владимире Святославиче. В 985 г. торки помогали князю Владимиру в походе на волжских булгар.[2] Наконец, борьба Руси с печенегами велась, видимо, тоже в союзе с торками, которые, стараясь обойти Русь, направили основной удар на печенегов, занимавших южнорусские степи.

Несмотря на кажущуюся миролюбивость торков в отношении Руси, русские князья учитывали опасность, которая грозила Киеву в случае соединения торческих отрядов с сельджуками, пытающимися захватить Балканский полуостров. Надо полагать, что немало дипломатических усилий для организации разгрома торков приложили греки. Характерно, что борьбу с торками начал Всеволод Ярославич, женатый на «царице грекине». В 1055 г. «иде Всеволод на торки зиме к Воиню и победи торки».[3] В 1060 г. его поддержали остальные князья «триумвирата» (Изяслав и Святослав) и Всеслав Полоцкий, которые «совокупивше воя бещислены и поидоша на конях и в лодьях бещисленное множество на торки».[4] Торки не приняли битвы, «убоявьшеся, пробегоша», и, как пишет летописец, «бог избави крестиан от поганых».

Разгромленные и ослабленные орды торков в массе своей двинулись на Византию. В 1064 г. они впервые появились на Дунае,

[1] В. В. Бартольд. Арабские известия о русах. Сов. востоковедение, т. I, 1940, стр. 34; М. И. Артамонов. Белая Вежа. СА, XVI, 1952.

[2] Ипат. лет., стр. 56.

[3] Ипат. лет., стр. 114.

[4] Ипат. лет., стр. 114—115.

Однако «византийское золото и повальные болезни»[1] заставили их уйти с правого берега Дуная. Только часть из них осталась на императорской службе. Подавляющее большинство вернулось назад, в южнорусские степи, и перешло в подданство к русскому князю, заселив пограничные русские земли.

4

История кочевников, ставших под покровительство Руси, делится на два этапа. Первый этап длился около 100 лет (60-е годы XI в.—40-е годы XII в.). В течение этого времени Поросье было заселено тремя народами — торками, печенегами и берендеями. Все они неоднократно упоминаются на страницах Ипатьевской летописи: под 1080, 1095, 1126 гг. — торки; под 1085, 1093 гг. — Торческий град; под 1105 г. — торки и берендеи; под 1142 г. — печенеги; под 1097, 1121 гг. — торки, печенеги и берендеи. Они не составляли в этот период единого целого; видимо, каждый из них имел отдельные договорные отношения с Русью, причем, возможно, договоры заключались не только с племенами, но и с отдельными ордами этих племен. В 1080 г. «заратишася торци переяславлестии на Русь, Всеволод же посла на не сына своего Володимера, Володимер же шед, побив тороки».[2] Летописец подчеркивает, что не все торки, а только одна их орда — переяславская — участвовала в восстании.

Как полагает Б. Д. Греков,[3] киевские князья, предоставляя кочевникам свободные территории, едва ли занимались благотворительностью. Они поселяли их на выгодных для себя условиях. Самое поселение их на границах Русского государства свидетельствует о намерении создать из тюрков щит, пограничное войско, сочетающее в себе подвижность кочевников и устойчивость оседлых племен. Второй обязанностью кочевников было предоставление военной вспомогательной силы в войска русских князей, в особенности киевского великого князя. Последнее обстоятельство превращало их в опору центральной власти в Киевском государстве в борьбе с феодальными центробежными стремлениями. В случае невыполнения принятых обязательств русские князья быстро и решительно расправлялись с непокорными (пример 1080 г.), а в отдельных случаях даже изгоняли их из пределов своего государства. Так, в 1121 г. «прогна Володимер береньдичи из Руси, а торци и печенези сами бежаша».[1] Все перечисленные обязанности, выполнявшиеся торками, берендеями и печенегами в первый период их зависимости от Руси, с еще большей силой выявились впоследствии, при слиянии их в единый черноклобуцкий союз.

Впервые термин «черные клобуки» употреблен летописцем под 1146 г.: «И ту приславшася к нему (Изяславу Мстиславичу, — *С. П.*) чернии клобуци и все Поросье».[2] Записи последующих лет дают основание считать это название общим для всех кочевников Поросья. Так, под 1151 г. говорится, что к Киеву «Володимер приде с всимы черными клобукы», и далее: «Изяслав и Ростислав повелеша Володимиру пойти с берендеи. . . ко Олгове. . . а коуеве и торчи и печенези туда сташа у Золотых ворот. . . до Лядьских ворот».[3] Приведенная цитата свидетельствует также о том, что, несмотря на объединение племен в единый союз, каждое из них сохранило свое имя и выступало по требованию киевского князя не только в соединении с остальными, но и самостоятельно. С 1146 по 1193 г. кочевники Поросья фигурируют на страницах Ипатьевской летописи в 24 записях из 47, в том числе: черные клобуки в 14 записях,[4] берендеи — в 17,[5] торки — в 8,[6] печенеги — в 3,[7] коуи — в 2,[8] каепичи — в 1.[9]

Судя по тому, что берендеи упоминаются в летописи чаще остальных племен, они стали, вероятно, в союзе самым крупным и влиятельным племенем, хотя главный город Поросья по-прежнему именовался Торческом. Возросшее значение берендеев

---

[1] В. Г. Васильевский. Византия и печенеги, стр. 28.
[2] Ипат. лет., стр. 143.
[3] Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 344.

[1] Ипат. лет., стр. 205.
[2] Ипат. лет., стр. 230.
[3] Ипат. лет., стр. 296.
[4] Ипат. лет. под 1146, 1150, 1151, 1152, 1153, 1154, 1162, 1169, 1174, 1177, 1187, 1190, 1191, 1193 гг.
[5] Ипат. лет. под 1146, 1147, 1148, 1151, 1153, 1157, 1160, 1162, 1169, 1170, 1172, 1173, 1174, 1177, 1184, 1185 гг.
[6] Ипат. лет. под 1151, 1154, 1160, 1162, 1169, 1170, 1173, 1193 гг.
[7] Ипат. лет. под 1151, 1162, 1169 гг.
[8] Ипат. лет. под 1151, 1162 гг.
[9] Ипат. лет. под 1160 г.

объясняется их политической активностью. Остальные племена, по-видимому, быстрее поддались русскому влиянию, осели и стали менее подвижны в военном отношении, а потому реже использовались Русью и меньше интересовали киевского летописца.

Образование черноклобуцкого союза совпало с периодом ожесточеннейшей междоусобной смуты на Руси, поэтому естественно, что именно в эти годы окончательно оформились отношения между киевским князем и кочевниками Поросья. Киевский великий князь, нуждаясь в военной силе для обуздания своевольных феодалов, установил тесный контакт с черными клобуками, превратив их из федератов, какими они были в первый период, в вассалов. Уже в 1146 г. черные клобуки называют великого князя своим князем. Особенно четко вассальные отношения черных клобуков отображены летописцем под 1154 г., когда умер великий князь Изяслав Мстиславич: «. . .плакася по нем вся Русская земля и вси чернии клобуци и яко по цари и господине своем, наипаче же яко по отци».[1]

Помимо обязанности помогать киевскому князю против остальных русских князей, черные клобуки должны были по-прежнему нести пограничную службу и участвовать в походах против внешних врагов Руси (половцев). Обыкновенно в русских войсках они играли роль легкой конницы, употреблявшейся для погони (1162, 1172 гг.), в передовых разведывательных отрядах (1160, 1184 гг.), в засадах и т. п. В 80—90-е годы XII в., в период затишья феодальных усобиц на Руси, они использовались уже как самостоятельное войско. В 1185, 1187 гг. черные клобуки, возглавляемые русским дружинником Романом Нездиловичем, выступают против половцев по приказу великого князя Святослава, а в 1190, 1192, 1193 гг. ими руководили уже «лепшии мужи» из их же среды, которые сами планировали поход и предлагали русскому князю Ростиславу Рюриковичу, сидящему в удельном Торческе, лишь возглавить его, что лишний раз подчеркивает их вассальную зависимость от отца Ростислава — Рюрика.

Кроме Поросья и Переяславской земли, небольшие орды кочевников окружали многие русские города. Под 1185 г. специально упоминаются летописцем коуи черниговские, участвовавшие в знаменитом походе Игоря Святославича. Часть берендеев, по-видимому, во времена княжения в Киеве Юрия Долгорукого переселилась в Ростово-Суздальскую землю, где оставила после себя след в топонимике. Наконец, степной город Белая Вежа, форпост русских, тоже был окружен кочевьями «своих поганых», от которых сохранились кочевнические могилы под стенами города. Косвенным доказательством в пользу того, что торки и печенеги были вассалами Белой Вежи, является рассказ летописца о двух последовавших одно за другим событиях. В записи под 1116 г. говорится: «. . . бишася половци и с торкы и с печенегы у Дона и секошася два дни и две нощи и придоша на Русь к Володимеру торци и печенези».[1] Запись 1117 г. сообщает о том, что жители Белой Вежи ушли с донских берегов на Русь. Связь обоих событий очевидна. После того как военный заслон беловежцев был разгромлен и оставил степи, незащищенный город не смог продолжать своего существования среди половцев, особенно озлобленных удачными походами Владимира Мономаха.

Целый ряд тюркских названий в топонимике Галиции и Волыни говорит о заселении кочевниками этих земель. Летописцы неоднократно сообщают об участии половцев в первой половине XIII в. в жизни Галицко-Волынской земли.

5

Основной причиной, заставившей торков и печенегов, оставшихся в степях, стать в подчиненное отношение к русским князьям, было нашествие на южнорусские степи половцев, оказавшихся более безжалостным и жестоким врагом для прежних владельцев степей, чем русские. О периоде завоевания половцами южнорусских степей нет никаких известий в источниках. Очевидно только, что половцы были значительно более мощным племенным объединением, чем два предыдущих. В 1055 г. их передовая, разведывательная орда впервые появилась на левом берегу Днепра под Переяславлем: «. . . приходи Блуш с половци и створи Всеволод мир с ними и возвратишася (половцы, — *С. П.*) вьсвояси».[2]

[1] Ипат. лет., стр. 323.

[1] Ипат. лет., стр. 204.
[2] Ипат. лет., стр. 114.

История половцев в южнорусских степях (с 1055 по 1223 г., до Калкинской битвы) разделена мной на несколько периодов. Внешняя политика половцев была обусловлена процессами, происходящими внутри их общества, и в значительной степени силой сопротивления, оказываемого им Русью.

Первый период длился с середины XI до начала XII в. Это период разложения родо-племенного строя и возникновения двух крупных государственных объединений — Днепровского и Донского. Резко агрессивная политика половцев объясняется стремлением крепнущей кочевой аристократии к обогащению. За время от 1061 г., когда «придоша половци первое на Руськую землю воевати»,[1] и до 1092 г. Ипатьевская летопись постоянно сообщает о грабежах и разорении пограничных русских земель: «рать велика. . . от половец отовсюду».[2]

Несмотря на отпор, даваемый Русью, половцы в эти годы чувствовали превосходство своих сил над русскими и потому, естественно, вели себя дерзко и вызывающе. В 1093 г., после смерти великого князя Всеволода, половцы направили к его преемнику Святополку послов. Предложенные половецкими послами условия мирного договора были настолько тяжелы и оскорбительны, что Святополк «послы всаже в погреб» и категорически отказался от переговоров, несмотря на уговоры Владимира Всеволодовича. Половцы двинулись на Русь. Русские дружины не смогли противостоять половецким силам, и «створи бо ся плач велик у земле нашей, и опустели города наши, и быхом бегающе и перед враги нашими». Это вынудило киевского князя в 1094 г. заключить мир: «створи мир с половце Святополк и поя жену, дщерь Тугортоканю, князя половецьского».

Победа половцев над киевским князем не дала им абсолютного перевеса над Русью, так как уже в следующем году русские князья демонстративно нарушили договор 1094 г. В 1095 г. половцы правобережных днепровских орд ушли в поход на Византию с одним из претендентов на византийский престол — Девгеневичем.[3] Опасаясь нарушения мира со стороны русских князей, половцы левобережной орды (или двух орд) во главе с Итларем и Китяном направились к Владимиру под Переяславль для заключения повторного договора о мире.[1] Владимир же, воспользовавшись отсутствием основных половецких сил, хитростью убил Итларя и Китяна, перебил их дружину и затем совместно со Святополком «вежи их взяхом, шедше за Голтавом» (т. е. на Ворскле).[2] Византийский поход половцев кончился неудачей, императору удалось захватить Девгеневича, и половцы вынуждены были вернуться в свои степи.

Набег половцев на порось кий город Юрьев,[3] предпринятый тотчас после их возвращения, был, видимо, местью за смерть Итларя и Китяна. Юрьев был сожжен, окрестности его ограблены, однако половцы, ослабленные византийским походом, не решились проникнуть в глубь русских земель. Летом 1096 г. борьба между Русью и Приднепровским объединением, во главе которого стояли князья Тугоркан и Боняк,[4] разгорелась с новой силой. Правобережные половцы совершили налет под предводительством князя Кури на окрестности Переяславля и г. Устье. Святополк и Владимир в это время были заняты междоусобной распрей с Олегом Святославичем, бежавшим от них в Стародуб, в котором он был осажден дружинами князей-союзников. За набегом Кури последовали более серьезные военные действия половцев: Боняк в мае подступил к Киеву («повоеваша около Киева»),[5] а Тугоркан — к Переяславлю. Святополк и Владимир поспешили к Киеву («идохом с Святополком на Боняка за Рось»,[6] — писал сам Владимир в «Поучении»), а затем направились через Заруб к Переяславлю, где неожиданным нападением смешали ряды половцев; «июля в 19 день побежени быша иноплеменьнице и князь их Тугортъкан убьен бысть». Чтобы оттянуть силы русских от Переяславля и

---

[1] Ипат. лет., стр. 115.

[2] Наиболее крупные набеги указаны летописцем под 1068, 1071, 1092 гг.

[3] Самозванец, выдававший себя за Константина, сына императора Романа-Диогена.

[1] Ипат. лет., стр. 158.

[2] Повесть временных лет, стр. 161.

[3] Ипат. лет., стр. 159.

[4] Оба эти князя стали известны еще раньше, чем русским, византийскому императору Алексею Комнину, которому они пришли на помощь в его борьбе с печенегами. Анна Комнин называет их Маниак и Тогортак (см.: В. Г. Васильевский. Византия и печенеги, стр. 98 и сл.).

[5] Ипат. лет., стр. 161.

[6] Повесть временных лет, стр. 181.

помочь Тугоркану, Боняк снова подошел к Киеву и «мало в город не вогнаше половци».[1] Взять город Боняку не удалось, и он ограничился тем, что разграбил Печерский монастырь и его окрестности. Совершилось это, по указанию летописца, 20 июля, т. е. после разгрома половцев под Переяславлем. По-видимому, после того как до Боняка дошли известия о гибели Тугоркана, он решил отступить, тем более что к Киеву возвращался Святополк с дружиной.

Успешные действия русских и большие потери, понесенные кочевниками, побудили половцев завязать мирные отношения с Русью. В 1101 г. «прислаша половци слы ото всех князь къ всей братьи (к русским князьям, — *С. П.*) и просяще мира».[2] Мир был заключен. Русские князья охотно заключали перемирия с половцами, так как это давало хотя бы временную передышку от грабительских налетов кочевников, однако влиятельнейший и умнейший князь того времени, Владимир Мономах, настаивал на продолжении военного нажима на половцев, что являлось главным условием для обеспечения полного спокойствия русских границ.

Долобский съезд русских князей (1103 г.) утвердил предложенную Мономахом политику систематического наступления на половцев. Он положил начало новому (третьему) периоду половецкой истории, который определяется не столько внутренними процессами (продолжающееся разложение родоплеменного строя, начало феодализации), сколько внешними причинами, прежде всего активизацией Руси в отношении кочевников. Ипатьевская летопись насчитывает в период от 1103 до 1132 г. 9 набегов половцев на Русь, из которых 5 окончились поражением половцев и ответными походами русских в степь (см. табл. 2).

Таблица 2

Участники со стороны половцев	Походы Руси на половцев		Походы половцев на Русь	
	удачные	неудачные	удачные	неудачные
Западное (Днепровское) объединение	1 (1103 г.)	—	3 (1105, 1107, 1107 гг.)	2 (1106, 1113 гг.)
Восточное (Донское) объединение	3 (1103, 1111, 1116 гг.)	—	—	—
Западное и Восточное объединения	—	—	—	1 (1107 г.)
Неизвестные	—	—	1 (1110 г.)	2 (1110, 1126 гг.)

В этот период в борьбу против Руси было втянуто и Восточное (Донское) объединение. До 1107 г. и Русь и донские половцы избегали серьезных столкновений. Тем не менее сильное половецкое объединение мешало Руси в торговле с Востоком, отрезая ее от Белой Вежи и Волги. Разгромив войско Шаруканя, соединенное с боняковскими дружинами, в 1107 г. под Лубном, русские перешли в решительное наступление против донской группировки, нанеся ей ряд крупных поражений. По образному выражению летописца, «Володимер Мономах пил золотым шоломом Дон и приемшю землю их всю»,[1] изгнавши Отрока в «Обезы» за «Железные ворота», о чем сохранились известия в грузинских хрониках. Царь Грузии Давид, нуждавшийся в отборной коннице,

[1] Ипат. лет., стр. 162.
[2] Повесть временных лет, стр. 182.

[1] Ипат. лет., стр. 479.

принял на службу 40-тысячное войско половцев под командой Отрока, на дочери которого, Гурандухт, он впоследствии женился.[1]

Другая часть половцев отступала на восток. Вероятно, именно во время этого отступления, начавшегося после похода 1116 г., половцы разорили Белую Вежу, столкнулись с окружавшими ее печенегами и торками[2] и, наконец, в 1117 г. подошли к волжскому городу Булгару. Князь Булгара выслал им под видом почетного угощения отравленное вино «и пив Аепак и прочии князи, вси помроша».[3] Булгар освободился от необходимости давать половцам военный отпор. При Мстиславе Владимировиче половцы, по словам летописца, загнаны были «за Дон и за Волгу, за Яик».[4] Третья часть половцев (преимущественно восточных), выбитая из привычной колеи походами русских князей, составила особую группу — это так называемые «дикие» (т. е. не входящие в объединения) половцы.

Борьба с половцами, организованная и возглавленная Мономахом, оставила глубокий след в народной памяти. Многочисленные былины и сказания русского народа сохранили имена влиятельных князей половецких, разгромленных и убитых в ходе этой борьбы (Тугарин—Кудреванко—Тугоркан, Идолище—Итларь, Буняк—Боняк).[5] Некоторых из западных половецких князей Владимир пытался обезвредить и подчинить своему влиянию посредством браков своих сыновей на дочерях половецких ханов. В 1107 г. Георгий Владимирович женился на дочери князя Епиопа,[6] в 1117 г. «поя Володимер за Андеря внуку Тугортоканю».[7] Сам Мономах заявляет в «Поучении», что он «миров есмь створил с половечьскьми князи без одного 20».[8] Правда, несмотря на родственные связи, половецкие князья иногда нарушали договоры и соединялись с Боняком, подчиняясь ему как старейшему. Тем не менее в целом политика Владимира, заключавшего сепаратные договоры с влиятельными князьями, нарушала единство и подтачивала непрочное государственное объединение половцев. Половецкое наступление было остановлено.

Однако это не означало, что Русь в последующие годы избавилась от половецких набегов. В 30-х годах XII в. начинается новый период половецкой истории, характеризующийся в основном участием кочевников в междоусобицах русских князей, разделившихся на два враждебных лагеря — Мономаховичей и Ольговичей. Ольговичи широко привлекали в борьбе против Мономаховичей половцев Восточного объединения, среди которых у них было много родни и союзников. Об этом прямо говорит летописец, конкретно указывая орды, близкие Ольговичам: «Отперлюеве, Токсобици и вся Половецкая земля, что же межи Волгою и Днепром».[1] За 30 с небольшим лет (1128—1161 гг.) русская летопись отмечает 15 нашествий половцев на русские земли в качестве союзников Ольговичей. В условиях междоусобных распрей кочевники беспрепятственно проходили по русской земле, «воююче села и города . . . люди емлюще, а другие секуще».[2] Возможно, именно за счет постоянных грабежей обогатилось и благодаря этому окрепло и возродилось разбитое Мономахом Донское объединение половцев.

С 70-х годов начался четвертый период половецкой истории. О взаимоотношениях Руси и половцев в этот период дает представление табл. 3. Из таблицы прежде всего становится очевидной большая роль Восточного объединения в борьбе с Русью в 1172—1187 гг. Это время можно назвать периодом политического возвышения восточных половцев, возглавляемых ханом Кончаком. Западные половцы так и не сплотились вновь в единый массив. Номинальным правителем западных орд был хан Кобяк, не сумевший создать из них сильного объединения.

Таким образом, поход великих князей Святослава и Рюрика в 1184 г. на запад-

---

[1] Урбнели. Давид-Строитель и его время. Тифлис, 1894, стр. 19—20.
[2] Ипат. лет., стр. 204.
[3] А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 44; Ипат. лет., стр. 205.
[4] Ипат. лет., стр. 217.
[5] Кузьмичевский. Шолудивый Буняка в украинских народных сказаниях. Киевская старина, 1887, № 8; Архангельские былины и исторические песни. Собрание О. Д. Григорьева, т. III. СПб., 1910; Онежские былины. Ред. Ю. М. Соколова. Изд. АН СССР, М., 1948, и др.
[6] Ипат. лет., стр. 186, 205.
[7] Ипат. лет., стр. 157.
[8] Повесть временных лет, стр. 162.

[1] Ипат. лет., стр. 315.
[2] Ипат. лет., стр. 213.

Таблица 3

Участники со стороны половцев	Походы половцев на Русь		Походы Руси на половцев	
	удачные	неудачные	удачные	неудачные
Восточное (Донское) объединение	2 (1185, 1187 гг.)	3 (1179, 1183, 1184 гг.)	—	1 (1185 г.)
Западное (Днепровское) объединение	—	2 (1172, 1173 гг.)	3 (1184, 1187, 1187 гг.)	1 (1187 г.)
Западное и Восточное объединения	—	1 (1174 г.)	1 (1174 г.)	—
Неизвестные	1 (1177 г.)	2	2 (1133, 1185 гг.)	—

ных половцев как на наиболее слабое звено единого половецкого наступления был результатом стратегического расчета. Русские наголову разбили кочевников, «а поганого Кобяка из луку моря от железных великих плъковъ половецкьх яко вихрь выторже: и падеся Кобяк в граде Киеве, в гриднице Святославли».[1]

Кончак после смерти Кобяка остался единственным ханом, способным продолжать борьбу с Русью. В 1184 г. в ответ на разгром западного войска и убийство Кобяка он выступает в поход на Русь, угрожая «пленити грады русские и пожещи огнем».[2]

Особенно серьезным и разорительным для Руси был поход Кончака и Гзака в 1185 г. после победы над Игорем, когда эти князья разорили окрестности Переяславля и Путивля, взяли Римов и ушли с полоном в степи. Поход этого года на Русь Кончак демонстративно объявил местью за великого днепровского хана Боняка и его дружину, погибших на «киевской стороне», что явственно выявляет тенденцию Кончака объединить под своей властью все половецкие земли от Волги до Днестра. Претензии Кончака сделаться единовластцем у половцев были, видимо, широко известны не только в половецких землях, но и за их пределами. В одном из архангельских вариантов былины о Ваське-пьянице говорится:

Подымается на Киев да Кудреванко царь
А да с любимым-то зятелком со Артаком,
Он с любимым-то сыном да все со Коньшиком.
Да у Артака силушки сорок тысячей,
Да у Коньшика сылы да сорок тысячей,
А у самого Кудреванка да числа-смету нет.[1]

Историческая правда в этом отрывке (упоминание Отрока вместе с Кончаком и сорокатысячного войска, сопровождавшего Отрока в Грузию) переплетена с вымыслом (трактовка Кончака как сына Тугоркана). Вымысел этот мог возникнуть только под влиянием хорошо известного русским стремления Кончака объявить себя наследником великих западных ханов. В конце своего княжения Кончаку удалось достигнуть известного единства, так как с 1187 г. отряды под его руководством или по его приказу воевали уже на правом берегу Днепра: «воева Концак по Рси с половци: по сем же почаша часто воевати по Рси».[2] Русское государство выдержало и отразило организованное Кончаком наступление на южнорусские княжества. Начиная с 90-х годов напор половцев становится слабее. Походы русских князей 1190—1193 гг.[3]

[1] Слово о полку Игореве, стр. 18.
[2] Ипат. лет., стр. 428.

[1] Былины. Ред. М. Сперанского. М., 1916, стр. 229.
[2] Ипат. лет., стр. 439—440.
[3] Ипат. лет., стр. 451—453.

подорвали силы половцев, и в конце XII в. набеги последних прекратились почти совершенно. Большую роль сыграли в ослаблении половцев, в уменьшении их набегов оседание, обнищание масс, а в связи с этим разгорающаяся борьба внутри общества.

В 1224 г. под угрозой татарского порабощения половцы во главе с Юрием Кончаковичем и князем Бастием [1] обратились за помощью к русским, считая их своими союзниками и покровителями в борьбе с новым врагом.

Разгром половцев татарами и дальнейшее существование их в составе Золотой Орды освещены А. Ю. Якубовским в книге «Золотая Орда и ее падение».[2]

Как в середине XI в. обессиленные неравной борьбой с Русью печенеги и торки перешли в подданство к киевскому князю, так и в середине XII в. к этим мерам прибегли некоторые группы половцев, образовавшие самостоятельные от остальных половцев отряды, зависимые от того или иного русского князя и называемые летописцем «дикими половцами». Появились они, как полагает Б. А. Рыбаков,[3] в результате сокрушительных ударов Владимира Мономаха на половецкие объединения. Часть половцев потеряла из-за этих походов и вежи и земли, превратившись в своего рода «изгоев», а это побудило их искать защиты у соседей, в частности у русских князей.

Место обитания «диких половцев» установить невозможно. Очевидно только, что они кочевали на Левобережье Днепра. Политическая близость их к Юрию Долгорукому дает возможность предположить сравнительную близость их кочевий к Ростово-Суздальской земле (примерно в верховьях Донца и Дона). «Дикие половцы» не были вассалами русских князей, они нанимались к ним на службу за землю и военную добычу, т. е. были федератами.

О «диких половцах» Ипатьевская летопись сообщает под 1146, 1148, 1151, 1159, 1195 и 1196 гг. В эти годы они 3 раза участвовали в походах Ольговичей, 4 раза — в походах Юрия Долгорукого на Киев. В 1195 г., после смерти Святослава Всеволодовича Рюрик Ростиславич сел на Киевский стол. Он сразу же постарался привлечь на свою сторону давнишних врагов Мономаховичей — «диких половцев»: «дикыи половци отпусти в вежи своя, одарив я дарами многими».[1] Испытанная в отношении кочевников политика подкупа дала желаемый результат: в 1196 г. «Рюрик же приведъ братью свою и дикыи половци и почаша воеватися со Олговичи».[2]

Дальнейшие сведения о них прекращаются, возможно, потому, что бóльшая часть их стала в вассальное отношение к Рюрику и влилась в черноклобуцкий союз (отсюда и массовость половецких погребений в Поросье).

VI. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

О трех основных тюркоязычных народах (печенегах, торках и половцах), занимавших в X—XIII вв. степные пространства от Волги до Прута, до нас дошли многочисленные, хотя и отрывочные, письменные данные и археологические памятники. Изучение дошедших источников дает возможность сделать следующие выводы.

1

1. Печенеги овладели южнорусской степью в конце IX в. Это было большое кочевое племенное объединение, оттеснившее или поглотившее все остальные племена, обитавшие в южнорусских степях.

2. Административно печенеги делились на две большие группы, граница между которыми проходила по Днепру.

3. На протяжении всей своей истории печенеги оставались кочевниками-скотоводами, для которых было типичным натуральное хозяйство. Ни развитого ремесла, ни развитой торговли у них не было.

---

[1] Ипат. лет., стр. 495.

[2] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, гл. 2—3. Археологические памятники кочевников XIII—XIV вв. позволили Л. П. Зяблину подтвердить вывод А. Ю. Якубовского о том, что население Дешт-и-Кипчак в эти века состояло в основном, как и до прихода татаро-монголов, из половцев (Л. П. Зяблин. О татарских курганах. СА, XXII, 1955).

[3] Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г., стр. 44.

[1] Ипат. лет., стр. 463.

[2] Ипат. лет., стр. 466.

4. Политика завоевания земель и грабежа соседних государств и народов обусловливалась общественным строем печенегов (военная демократия, базисом которой являлся патриархально-родовой строй). Войско их составлял весь вооруженный народ, что особенно характерно для периода военной демократии.

5. В середине XI в. сильно ослабевшие вследствие давления на них Руси и внутренней междоусобицы печенеги оставили степи, перейдя в подавляющем большинстве в Византию и Венгрию.

2

1. Торки—гузы, которым до настоящего времени придавалось преувеличенно большое значение, не играли, по моему мнению, значительной роли в южнорусских степях.

2. В VIII—IX вв. в Средней Азии образовался гузский союз, состоявший преимущественно из тюркских племен. Крупным соединением, влившимся в состав этого союза, были печенеги, оставшиеся на территории между Волгой и Уралом после ухода основной массы народа на Запад.

3. В XI в. северная ветвь гузского союза двинулась через южнорусские степи на соединение с южной ветвью, подошедшей к Дарданеллам через Переднюю Азию.

4. Поставленная торками цель побуждала их не задерживаться в степях и сохранять нейтральные отношения с Русью. Тем не менее русские князья поняли опасность, грозившую им в случае захвата кочевниками Балканского полуострова. В двух последовавших одна за другой битвах они наголову разбили торков.

3

1. Потерпев поражение, торки—гузы вместе с печенегами, оставшимися в некотором количестве в степях, стали в подчиненное отношение к киевскому князю, который поселил их в Поросье, вдоль южной границы Русского государства.

2. Этнический состав тюркских подданных киевского князя, как и состав гузов, был весьма разнообразен, однако печенеги, вероятно, играли в нем немаловажную роль, поскольку влились в гузский союз дважды — за Волгой и на Днепре.

3. Погребений собственно печенежских и собственно торческих обнаружено в южнорусских степях немного, однако изучение их дает возможность говорить о преобладании печенежского обряда погребения у черных клобуков, а это позволяет предполагать, что печенеги являлись одной из основных частей гузского, а затем черноклобуцкого союза.

4. Вначале отношения тюркских племен к киевскому князю носили федеративный характер, позднее, в XII в., племена объединились в единый черноклобуцкий союз и превратились в вассалов киевского князя.

5. Обязанности, возложенные на черных клобуков, заключались, во-первых, в сторожевой, пограничной службе; во-вторых, в участии в войнах с внешним врагом и, в-третьих, в поддержке киевского великого князя в междоусобных распрях.

6. Черные клобуки, как и печенеги и торки, были кочевниками, однако они быстрее, чем все остальные кочевники, поддались влиянию Руси — начали оседать и вместе с тем переходить к новому для них типу производственных отношений — феодализму.

7. Вассалы-кочевники группировались не только в Поросье, но и вокруг крупнейших русских городов — Чернигова, Переяславля, Белой Вежи и др.

8. Использование тюрок в качестве подсобной военной силы и опоры центральной власти было характерно для многих соседящих с ними средневековых государств (Византии, Венгрии, Грузии, Хорезма и др.).

4

1. Половцы впервые появились в южнорусских степях в середине XI в. и на протяжении 170 лет (до 1223 г.) оставались их абсолютными хозяевами.

2. Большое количество письменных и археологических памятников, дошедших до нас о половцах, говорит о том, что народ этот отличался многочисленностью и силой.

3. Как и печенеги, половцы делились на два объединения — Западное (Приднепровское) и Восточное (Донецкое).

4. За полтора столетия пребывания половцев в южнорусских степях в их хозяйстве и обществе произошли значительные изменения. Примерно до второй четверти XII в. для них были типичны такие же хозяйство и общественный строй, какие прослежены у печенегов. Со второй четверти XII в. у половцев появляются земледелие,

некоторые ремесла, развивается внешняя торговля. В середине XII в. в половецкое общество проникли феодальные порядки, а в 70-х годах началось интенсивное укрепление центральной власти, что объясняется общей исторической обстановкой и деятельностью крупнейшего половецкого политического деятеля — хана-объединителя Кончака.

5. В отличие от внутренней, внешняя история половцев дробится на более мелкие периоды. Пять этапов внешней истории половцев обусловлены не столько внутренними процессами, сколько ходом их борьбы с основным противником — Русью. Сила отпора, даваемого русскими, определяла характер каждого периода.

5

1. На протяжении всей истории кочевники (печенеги, торки и половцы) смешивались с туземным, алано-хазарским населением.

2. Результатом этого слияния явилось появление в бассейне р. Донца населения, выделяющегося из кочевнической массы особым погребальным обрядом, в котором соединены черты салтовского и кочевнического обрядов.

3. Вероятно, это население преимущественно обитало в донецких городках, захваченных и разоренных печенегами еще в IX в. и постепенно возрожденных впоследствии.

6

Исключительно важным фактором для внутренней и внешней жизни кочевников являлось соседство их с Русью. Влияние Руси сказывается в самых различных областях хозяйства и общественных отношений кочевников.

1. Под непосредственным воздействием соседнего большого земледельческого народа у кочевников начало развиваться земледелие. В XII в. у половцев и особенно у черных клобуков к нему переходили уже значительные группы обедневшего населения.

2. Анализ вещевого материала показывает широкое проникновение русских изделий в кочевую степь и к черным клобукам (шлемы, кольчуги, керамика, стремена с выделенной петлей, черненые вещи, бусы, серьги с дутой бусиной и т. п.). Вещи попадали в степь двумя путями: во-первых, в результате грабежей и, во-вторых, вследствие торговых сношений, особенно активизировавшихся во второй период внутренней половецкой истории (XII в.).

3. Зарождение феодализма, обострение междоусобиц внутри кочевнического общества зависели в значительной степени от соседства с Русью и политики последней в отношении кочевников.

4. Наконец, этапы внешней истории кочевников зависели, как указывалось, от тех взаимоотношений, которые существовали в данный отрезок времени между степью и Киевской Русью.

Таким образом, Русь не только давала военный отпор кочевникам, но как представитель более высокой культуры и общественного уклада воздействовала на кочевых соседей, постепенно подчиняя их своему влиянию и изменяя общее направление их политики.